

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
**ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

ЛИПЕЦКИЙ КРАЙ И ЛИПЧАНЕ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ГИГАНТОВ ИНДИИ (1955-1980-Е ГГ.)

МАТЕРИАЛЫ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОГО МОЛОДЕЖНОГО
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ФОРУМА,
ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО,
25 АПРЕЛЯ 2023 Г.

Липецк – 2023

ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ЛИПЕЦКОЕ ОБЛАСТНОЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»
ЛИПЕЦКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»
ФГБОУ ВО «ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО»
УЧЕБНО-НАУЧНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИИПиОН
«ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СТРАН ВОСТОКА»
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ РФ

ЛИПЕЦКИЙ КРАЙ И ЛИПЧАНЕ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ГИГАНТОВ ИНДИИ (1955-1980-Е ГГ.)

МАТЕРИАЛЫ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОГО МОЛОДЕЖНОГО
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ФОРУМА,
ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО,
25 АПРЕЛЯ 2023 Г.

УДК 3+93/94
ББК 83
Л 437

Печатается по решению Редакционного совета
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Протокол №3 от 22.06.2023 г.

Издание при поддержке Фонда Президентских грантов,
проект 22-2-015928

Липецкий край и липчане в строительстве промышленных гигантов Индии (1955-1980-е гг.): Материалы Российско-индийского молодежного научно-просветительского форума, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 25 апреля 2023 г. / Отв. ред. Л.А. Черешнева. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – 133 с.

ISBN 978-5-907655-77-5

В сборник включены материалы российских и индийских участников Российско-индийского молодежного научно-просветительского форума, состоявшегося на базе Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского 25 апреля 2023 г. в рамках одноименного проекта при поддержке Фонда президентских грантов. Публикуемые материалы предназначены аспирантам, магистрам, студентам, школьникам, краеведам, всем интересующимся историей.

УДК 3+93/94
ББК 83
Л 437

Редакционная коллегия:

Л.А. Черешнева, д-р. ист. наук, профессор, заместитель директора по научной работе института истории, права и общественных наук ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (ответственный редактор);

Е.А. Найденова, канд. ист. наук, доцент, директор института истории, права и общественных наук ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского;

Е.А. Бурцева, студент, председатель научного общества обучающихся ИИПиОН ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского;

Ю.С. Коровкина, студент, заместитель председателя научного общества обучающихся ИИПиОН ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Рецензенты:

Н.Н. Петрухинцев, д-р ист. наук, профессор Липецкого филиала РАНХиГС

Г.В. Уваров, канд. ист. наук, доцент ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

ISBN 978-5-907655-77-5

© ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2023

Л.А. Черешнева¹,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
г. Липецк (Россия)

РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИЙ ФОРУМ «ЛИПЕЦКИЙ КРАЙ И ЛИПЧАНЕ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ГИГАНТОВ ИНДИИ» НА ПЛОЩАДКЕ ЛГПУ ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

Научно-просветительский проект «Липецкий край и липчане в строительстве промышленных гигантов Индии» Липецкого областного краеведческого общества (Председатель Совета Александр Юрьевич Клоков, Почетный гражданин Липецка) является победителем конкурса Фонда Президентских грантов 2022 г.

Автор проекта и его руководитель – доктор исторических наук, профессор, руководитель Востоковедческой лаборатории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Заслуженный работник образования Липецкой области, Почетный работник высшего профессионального образования России Лариса Александровна Черешнева. Партнерами проекта стали ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского и Липецкий областной краеведческий музей.

В течение 2022 и начала 2023 г. проектанты осуществляют просветительскую и научную работу, лекции в школах города и области, встречи с ветеранами промышленных строек, сбор материалов в фондах Архива внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации, Государственного архива Липецкой области, Новолипецкого металлургического комбината. В октябре-ноябре 2022 г. в Липецком областном краеведческом музее прошла выставка по теме проекта.

25 апреля 2023 г. в рамках проекта на площадке ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского состоялся Российско-индийский молодежный научно-просветительский форум «Липецкий край и липчане в строительстве промышленных гигантов Индии (1955–1980-е гг.)». Рабочими языками форума стали русский и английский. В нем приняли участие преподаватели Востоковедческой лаборатории и студенты ИИПиОН ЛГПУ, ученые-востоковеды Института востоковедения Российской академии наук, Института Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, профессора, аспиранты и студенты Университета имени Джавахарлала Неру Республики Индия.

¹ Черешнева Лариса Александровна – автор и руководитель проекта, доктор исторических наук, профессор, руководитель Востоковедческой лаборатории, заместитель директора по научной работе ИИПиОН ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия. Научно-просветительский проект при поддержке Фонда Президентских грантов, проект 22-2-015928.

Larisa A. Cheresheva – author and Head of the Project, Chief of the oriental Laboratory, Deputy Director for Research of the Institute of History, Law and Social Sciences of Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University, Doctor of Historical Sciences, Professor, Lipetsk (Russia). Research and educational project with the support of the Fund of Presidential Grants of the Russian Federation, project 22-2-015928.

Форум приветствовала в онлайн-формате Заместитель Посла Республики Индия в Российской Федерации Джина Уика, которая подчеркнула важность российско-индийского сотрудничества и настоящего проекта.

Руководитель проекта Л.А. Черешнева выразила благодарность гостям и участникам форума, охарактеризовала концепцию проекта, его развитие и перспективы, отметила, что индология в Липецке и Липецкой области, в родном университете зародилась в последней трети XX века благодаря работе первого востоковеда, профессора Алексея Васильевича Райкова. Рассказала о встречах команды проекта с липчанами-ветеранами промышленных строек Индии и сборе материалов по реконструкции замечательной истории сотрудничества регионов двух дружественных стран.

Значимость проекта подчеркнул кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН Валерий Петрович Кашин, высоко оценивший работу Востоковедческой лаборатории ЛГПУ как «лучшего профильного регионального центра индологии России». Актуальность краеведческих и международных исследований охарактеризовала директор ИИПиОН, кандидат исторических наук, доцент Елена Александровна Найденова.

На пленарном заседании форума также выступили: заведующий кафедрой истории Южной Азии ИСАА МГУ, доктор исторических наук, профессор Александра Львовна Сафронова (Москва) и руководитель Центра Российских и Центрально-Азиатских исследований Университета имени Дж. Неру, доктор исторических наук, профессор Арчана Упадхьяй (Дели), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ Анна Викторовна Бочковская, PhD Университета имени Дж. Неру Абхиджит Сингх.

Свои доклады и презентации предложили научный сотрудник ЦИИ ИВ РАН Сергей Леонидович Рабей и кандидат исторических наук, научный сотрудник ЦИИ ИВ РАН Александра Алексеевна Козлова, докторант Университета имени Дж. Неру Кунал Кумар и аспирант Радхей Вардва.

По уважительным причинам не смогли прибыть на форум приглашенные ветераны-металлурги и строители Виктор Романович Шпаков, Юрий Викторович Савастьянов, Лев Константинович Васильев, но встречи проектантов с ними уже состоялись и будут продолжены, как и встречи и дальнейшие поиски ветеранов и семей ветеранов создания гигантов в индийских городах Бхилаи, Бокаро, Вишакхапатнаме, Дургапуре.

Секционные «круглые столы» начали работу после перерыва и просмотра выставки, посвященной ветеранам-липчанам. Это выездная версия осенней выставки в Липецком областном краеведческом музее, организованная членом команды проекта, аспирантом ЛГПУ, и.о. директора музея Александром Сергеевичем Гепаловым. Руководили секцией №1 – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского Алексей Викторович Сагимбаев и кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Тамбовского государственного универси-

тета имени Г.Р. Державина Наталья Валерьевна Стрекалова. Секцию №2 возглавляли научный сотрудник ЦИИ ИВ РАН Сергей Леонидович Рабей и кандидат исторических наук, научный сотрудник ЦИИ ИВ РАН Александра Алексеевна Козлова.

Участники форума – ученые и молодежь российских и индийских вузов – обсудили вопросы по теме проекта, а также истории и актуальной современности российско-индийского стратегического партнерства. Индийские докладчики в течение всей работы форума присутствовали онлайн и выступали со своими презентациями из далекого кампуса Университета Неру в Дели. В целом за день работы форума было заслушано 35 докладов. Это было настоящее международное научное мероприятие, в дискуссиях царил атмосфера конструктивного взаимопонимания и новизны формата. В рамках форума прошел традиционный детский (костюмированный, игровой) учебно-научный «Съезд народов Востока» Востоковедческой лаборатории ЛГПУ. Учителя и научные сотрудники Сергей Володин, Анастасия Гепалова, студент ИИПиОН Виолетта Рыжманова подготовили детей к театрализованным выступлениям на «Съезде» – настоящем украшении форума. Большую роль в подготовке мероприятий форума сыграло Научное общество обучающихся ИИПиОН во главе с Екатериной Бурцевой. Студенты Юлия Коровкина, Никита Гриднев, Анастасия Козулина, Павел Батыров, Елизавета Шурупова, Владимир Копаница, Сергей Фурсов, Юлия Харламова и многие другие активно участвовали в обеспечении работы форума.

В сборник вошли ряд статей и фотографий форума, основные материалы архивного характера, воспоминания ветеранов индийскихстроек будут опубликованы в специальной книге – главном итоге проекта, который увидит свет в декабре 2023 г. Сейчас проект продолжается, способствуя сохранению исторической памяти о наших земляках и развитию международного российско-индийского сотрудничества.

С.А. Фурсов¹,

Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
г. Липецк (Россия)
(научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор Л.А. Черешнева)

СТАЖИРОВКА И ОБУЧЕНИЕ ИНДИЙСКИХ МЕТАЛЛУРГОВ НА НОВОЛИПЕЦКОМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ Г. ЛИПЕЦКА (СССР)

***Аннотация.** В данной статье рассматривается вопрос взаимодействия советских и индийских металлургов и обучение последних на Новолипецком металлургическом комбинате и агломерационной фабрике в г. Липецк. Данная статья поможет узнать о посещении индийской делегацией Новолипецкого металлургического завода в 70-е годы XX века. В публикации изучена реализация учебного плана для индийских специалистов.*

Особое внимание обращается на специальности, по которым проходила стажировка. Индийские металлурги совершенствовали свои навыки в профессиях, таких как обслуживание доменных печей, мастер-электрик, мастер огнеупорных работ, эксплуатация и обслуживание механического оборудования цехов холодной прокатки и т.п. Указан срок и объём обучения в месяцах и часах. Стажировка проходила как на самом заводе НЛМК, так и на агломерационной фабрике. Полученные навыки позволяли индийским специалистам работать на советском оборудовании, которое эксплуатировалось на металлургических комбинатах в штатах Индии.

В данной статье приведен детальный анализ архивных документов из Государственного архива Липецкой области. Также рассматривались газетные и публицистические статьи о советско-индийском сотрудничестве в области металлургии.

Ключевые слова: СССР, Индия, металлургия, обучение, стажировка, НЛМК.

Советско-индийское сотрудничество началось в 1940-х гг., когда индийская территория ещё находилась под управлением Великобритании. 13 апреля 1947 года Советский Союз заключил с ней дипломатические отношения. Индия стала Республикой 26 января 1950 г., и, по ее приглашению, СССР стал принимать активное участие в индустриализации новорожденного независимого государства.

В июне 1955 г. премьер-министр Индии Джавахарлал Неру прибыл с официальным визитом в СССР, в ноябре 1955 г. года Никита Сергеевич Хрущёв посетил далекую Индию с ответным визитом. Развитие металлургической

¹ Фурсов Сергей Александрович, студент института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк (Россия).
Sergey A. Fursov, student the Institute of History, Law and Social Sciences, Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk (Russia).

промышленности Индии было одним из вопросов, которые решались на высшем уровне. В августе 1955 г. на Магнитогорский МК прибыла делегация индийских инженеров. В течение пяти дней они знакомились с историей комбината, металлургическим производством, промышленными площадками, о чем, в частности, писала специализированная газета «Магнитогорский металл» [6].

При помощи Советского Союза в Индии было построено более 70 промышленных предприятий базовых отраслей. Как пишет «Независимая Газета» «...Они давали около 40% стали и чугуна, почти 80% металлургического оборудования, более 40% горно-шахтного и свыше 55% тяжелого энергетического оборудования, более 10% электроэнергии, значительную часть нефтепродуктов, каменного угля...» [3].

В городе Бхилаи, находившемся в XX веке в составе штата Мадхья-Прадеш, с помощью СССР был построен в 1955 г. Бхилайский металлургический завод. При содействии Союза в 1964 г. начали строить сталелитейный завод в Бокаро. В 1970 г., по инициативе премьер-министра Индии и вновь при содействии СССР, началось строительство Вишакхапатнамского металлургического завода.

Для строительства и эксплуатации металлургических заводов, всех процессов производства стали требовалось организовать взаимодействие между советскими и индийскими специалистами, учёными, строителями, инженерами.

В Советский Союз от Индии направлялись стажёры. Их производственное обучение велось непосредственно на советских предприятиях, теоретическая подготовка сочеталась с практикой под началом известных российских металлургов. Индийцы стремились перенять методы работы на советском оборудовании, внедрявшемся на сталелитейных предприятиях их родной страны. «...Такие курсы были совершенно необходимы. Ведь среди индийских сотрудников и рабочих очень немногие знали металлургию...», – писал журналист-востоковед В. Скосырев [3].

Процесс обучения индийского персонала был организован советской стороной системно на ведущих заводах СССР и начался в 1970 г. Одним из центров обучения индийцев стал и Липецкий металлургический завод. Первая индийская делегация прибыла в Липецк 15 августа. Она включала в себя 4 специалистов: Рамамурти, Раматию, Гупту, Лала. Липецк принял гостей. Их разместили в гостинице по адресу: улица Пролетарская, дом 13.

Индийские металлурги знакомились с конверторным цехом под руководством начальника цеха С.В. Колпакова. На экскурсии, проведенной начальником цеха Г.Б. Рабиновичем, состоялось ознакомление гостей с доменным цехом, в котором находились доменные печи, превращающие железную руду в чугун. В вечернее время коллеги из Индии познакомились с работой агломератной фабрики [2].

НЛМЗ, всесоюзный флагман металлургии и передовых технологий, располагал новейшим промышленным оборудованием, примерами которого были: прокатный стан «2000» производительностью 3 млн. тонн проката в год, комплекс горячей прокатки трансформаторной стали. Именно в Липецке впервые в

мире освоена 100-процентная разливка стали на установке непрерывной разливки стали (УНРС) в комплексе с электропечами, 5 доменными печами и 6 коксовыми батареями. Развитие сотрудничества с Советским Союзом в области металлургии было перспективно для развивающейся Индии.

После визита делегации индийских специалистов в Липецкую область перед руководством НЛМЗ (впоследствии НЛМК) встало несколько актуальных тогда задач:

- 1) в короткий срок разработать учебную программу для индийских рабочих;
- 2) обучить иностранных коллег непосредственно на производстве умению работать с передовой советской техникой.

Так, в 1970 г. была разработана программа производственно-технического обучения индийских специалистов. Эта программа предполагала этапы, формы и приемы обучения индийцев использованию различного промышленного оборудования. Программу составил помощник начальника ЛПУ-3 по электрооборудованию А. Мурзиков. Начальник ЛПУ-3 А. Белянский и начальник отдела технического обучения В. Гавриков согласовали её.

Подготовка мастеров-электриков была рассчитана по учебно-методическому объёму на 70 часов и занимала 3 месяца. Обучение по этой программе с последующим присвоением квалификации мастера-электрика прошли индийцы М.П. Синха, М.К. Чатерджи, С.П. Мункерджа, А.К. Синтх, Н.В. Кальенкришан. Учебный план по технологии стана «2000» позволял обучить работе на автоматике, крановом оборудовании, преобразователях и электроприборах, а также прочих узлах прокатного стана [1].

На аглофабрике также действовала программа теоретического и практического производственно-технического обучения индийских специалистов, рассчитанная на срок 3 месяца. Обучение алгоритмам работы аглофабрики проходил специалист У. Джа. Программа включала в себя изучение процесса получения агломерата, работы газовых и охладительных систем, дробления известняка и организации ремонта агломератных машин [1]. По специальности «Эксплуатация и обслуживание механического оборудования цехов холодной прокатки» в те же сроки учился С. Прасади. За 9 месяцев оказалось вполне реальным обучить мастеров-электриков работе на советских машинах. Это обучение прошли М. Ахмет, К. Капур. За это время повысил квалификацию по профессии «Инженер-механик» обучаемый Мохаджан. В те же сроки, но за 128 часов, можно было повысить квалификацию по специальности «Мастер огнеупорных работ», и такую переподготовку прошёл практикант Трипати. Эта программа включала в себя ряд разделов, таких как техника безопасности и охрана труда, требования к огнеупорам, классификация ремонтов доменных печей, изоляционные материалы, кладка доменной печи по зонам и так далее. За 12 месяцев на НЛМК и аглофабрике освоили специальность сменных мастеров по эксплуатации индийские стажеры Джа, Сингх и Садани.

Таким образом, прошедшие обучение и усовершенствовавшие квалификацию на НЛМК индийские специалисты получили возможность успешно работать

на советском оборудовании на заводах в Бхилаи, Бокаро и Вишакхапатнаме. Труд обученных специалистов, применение знаний на практике позволяло комбинатам выходить на новые мощности. Так, например, с 1967 по 1988 годы производительность завода в Бхилаи была увеличена с 2,5 до 4 млн. тонн стали в год. Индия вышла в лидеры стран-производителей чёрной металлургии, встав в один ряд с СССР, Китаем, Японией, США, Южной Кореей, Германией. Так был заложен «стальной каркас» ее независимой внутренней и внешней политики, прочный фундамент российско-индийского партнерства.

Список источников и литературы

- 1) Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). 1970. – Ф. Р-422. – Оп. 1. – Д. 1240 «Учебный план». – Л. 91-99, 100-105, 106-110, 111-117, 118-120, 121-123.
- 2) ГАЛО. 1970. – Ф. Р-422. – Оп. 1. – Д. 1236.
- 3) Скосырев В.А. Стахановцы в глухой степи // Независимая газета. – 2017. – №. 073 (6970).
- 4) Группа НЛМК продолжает строительство завода по производству трансформаторной стали в Индии. – URL.: <https://nlmk.com/ru/media-center/press-releases/nlmk-group-continues-construction-of-go-steel-plant-in-india/> (дата обращения 21.03.2023).
- 5) Долина Д. Незабытый Бхилаи. 2016. – URL.: <https://magmetall.ru/news/ramyat/nezabytj-bhilai/> (дата обращения 20.03.2023).
- 6) Металлургия Индии: амбиции и реалии. – URL.: <https://www.metalbulletin.ru/a/1FA/> (дата обращения 21.03.2023).

В.П. Кашин¹,
Институт востоковедения РАН,
г. Москва (Россия)

РОССИЯ И ИНДИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Аннотация. Российско-индийские отношения имеют богатую историю и носят уникальный, доверительный взаимовыгодный характер. С октября 2000 г. Россия и Индия являются стратегическими партнерами. В декабре 2010 г. принято решение поднять наши отношения до уровня особого и привилегированного стратегического партнерства. Многогранные российско-индийские отношения проверены временем и продолжают оставаться опорой глобального мира и стабильности. Они охватывают различные области сотрудничества, включая политику и стратегическое планирование, экономику, энергетику, военную сферу и безопасность, науку и технологии, культуру и гуманитарное взаимодействие.

Разрушить российско-индийские отношения и изменить их характер оказалось не по силам ни пандемии коронавируса, ни беспрецедентному давлению на Индию со стороны США и их союзников в связи с началом Россией 24 февраля 2022 г. специальной военной операции на Украине. Взаимоотношения России и Индии основаны на доверии, уважении, исконных ценностях и исторических традициях и остаются одними из самых устойчивых. Это позво-

¹ Кашин Валерий Петрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения Российской академии наук, Москва (Россия).
Dr. Valery P. Kashin, Leading Researcher, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow.

ляет России и Индии укреплять свои позиции в формирующейся новой глобальной системе.

Ключевые слова: *Россия, Индия, российско-индийское сотрудничество, российско-индийское особое и привилегированное партнерство.*

Отношения России и Индии имеют долгую и богатую историю. Между нашими странами никогда не было войн и военных конфликтов. У России и Индии не было и нет территориальных споров, как не было и нет политической конфронтации, проблем в контактах руководителей и экономического соперничества. Дипломатические отношения между нашими странами были установлены 13 апреля 1947 г., за четыре месяца до официального провозглашения Индией своей независимости [1, с. 153-154]. С октября 2000 г. Россия и Индия – стратегические партнеры. С декабря 2010 г. наши уникальные отношения подняты до уровня особого и привилегированного стратегического партнерства.

В сознании россиян Индия была и во многом остается страной-мечтой, романтической и сокровенной, влекущей, пленительной и недоступной «восточной красавицей». Когда-то в раскольничьих скитах и далеких монастырях рассказывали о «Белой Индии», где все живут долго, богато и счастливо, и никто никого не преследует. Эти наивные суждения получили широкое распространение в российском обществе. Этими образами грезил и в крестьянских избах, и в родовых дворянских имениях. Под впечатлением народных преданий о сказочной Индии и великой «Рамаяны» солнце нашей поэзии, Александр Сергеевич Пушкин, создал одно из самых замечательных своих произведений – поэму «Руслан и Людмила» [2, с. 192].

И сегодня под влиянием тех же представлений многие россияне пытаются приобщиться к индийской духовности путем занятий йогой, увлечения индусской религиозной философией и мистикой, индийскими танцами и индийскими фильмами. Наши современники с большим энтузиазмом разыскивают общую прародину славян и индийцев от Крыма до Северной Двины, открывают общих богов и верования, выявляют общие слова в русском языке и санскрите.

Многое в мировосприятии индийцев и россиян является близким и понятным нашим народам. Россиян и индийцев роднят природное миролюбие, открытость, гостеприимство, отзывчивость, широта души и такое характерное качество, как приоритет духовных ценностей над материальными благами. Этими особенностями глубоко пропитана вся индийская культура, и это – основная черта культуры России, «самобытного государства-цивилизации», как сформулировал в марте 2023 г. президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин [3].

Российско-индийский молодежный научно-просветительский форум «Липецкий край и липчане в строительстве промышленных гигантов Индии (1955-1980-е гг.)» – история российско-индийских отношений, живое напоминание о славных страницах нашего сотрудничества, которое обеспечило создание необходимой базы для экономического прорыва современной Индии. Ме-

таллургические комбинаты в Бхилаи, Бокаро и Висакхапатнаме были и остаются нашей общей победой и общей гордостью.

Если в 2013 г. Индия находилась на 11 месте в мире по объёму ВВП, то теперь она уже пятая (3,3 трлн. долл.), обогнав в августе 2022 г. Великобританию. Ежегодный прирост ВВП Индии в период до 2020 г. составлял 7-8% в рыночных ценах, что является самым высоким показателем среди развитых экономик мира. В последние годы в связи с жесткими карантинными мерами этот прирост несколько замедлился, но все равно остается высоким – 6,5-7%. В своем обращении к нации, прозвучавшем 15 августа 2022 г. у стен Красного форта в Нью-Дели, премьер-министр Нарендра Моди назвал Индию «лучом надежды для всего мира». Он призвал добиться того, чтобы к 2047 году, когда будет отмечаться 100-летний юбилей её независимости, Индия вошла в число развитых государств мира [4, с. 4].

Страна подтверждает лидирующие позиции по производству и экспорту продукции электронной промышленности, включая программное обеспечение. Индийская фармацевтическая промышленность производит четверть всех лекарственных препаратов в мире, став «мировой фабрикой» лекарств. Страна осваивает космическое пространство и осуществляет исследовательскую деятельность в Арктике и Антарктике. С начала XXI в. экспорт Индии вырос в 9 раз. Более 70% его приходится на промышленную продукцию [там же, с. 5]. Индия сохраняет за собой лидерство и в сельском хозяйстве. Она занимает второе место в мире по объему производства этой продукции и первое место по поголовью скота.

В настоящее время российско-индийские отношения переживают сложный и ответственный период. Премьер-министр Индии Нарендра Моди стал одним из первых мировых лидеров, которые говорили по телефону с президентом России Владимиром Владимировичем Путиным после начала специальной военной операции 24 февраля 2022 г. Он заявил о готовности Индии оказывать содействие в урегулировании конфликта на Украине и выразил признательность российской стороне за предпринятые меры по возвращению на родину 20 тыс. индийских граждан, оказавшихся в зоне боевых действий. Неприсоединившийся к войне западных санкций, Нью-Дели заявил о намерении развивать сотрудничество с Россией и в марте 2022 г. по специальному предложению Москвы закупил по сниженным ценам 13 млн. баррелей российской нефти.

Это не могло не отразиться на нашем товарообороте с Индией. В 2021 г. он достиг рекордных 13,5 млрд. долл., а в прошлом 2022 г. вырос в 2,6 раза – до 35,3 млрд. долл. [5]. При этом экспорт российской нефти в Индию увеличился в 22 раза, до 40 млн. тонн в год. В феврале 2023 г. Россия обеспечила 40% импортируемой Индией нефти. В марте 2023 г. поставки российской нефти в Индию составили 1,6 млн. баррелей в сутки. Для сравнения в Китай мы поставляем 70-80 млн. тонн нефти в год. А всего на долю Индии и Китая приходится 70% российского нефтяного экспорта, в том числе около 20% нефти, поставлявшейся ранее в Европу [6]. Это означает, что российские нефтяные потоки переориентируются с Запада на Восток.

Сегодня Индия производит больше всех в мире тракторов. Но её почвы истощены. Страны очень заинтересованы в российских минеральных удобрениях. Объем их поставок с апреля по октябрь 2022 г. вырос на 371%, до 2.1 млн. тонн, в том числе калия, аммиака, карбамида, диаммоний фосфата [7]. Россия в полной мере выполняет соглашение о поставках удобрений в Индию в обмен на индийские товары, например, чай, кофе, сырье и автозапчасти.

Так получилось, что большая часть металлообрабатывающих станков в России импортного производства. В Индии есть небольшое, но технически совершенное станкостроение с числовым программным управлением. Поэтому в условиях западных санкций мы можем производить в Индии необходимые запчасти и расплачиваться рупиями, которые нам полагаются за нефть и удобрения. Это выгодно нам, и это выгодно Индии. Именно об этом в апреле 2023 г. в Нью-Дели говорил с индийскими коллегами зампред правительства РФ и министр промышленности и торговли РФ Денис Валентинович Мантуров. Также обсуждались вопросы развития торговых и инвестиционных связей, финансового и промышленного сотрудничества и бесперебойности взаиморасчетов с использованием национальных валют.

Россия является одним из ключевых партнеров Индии в области мирного использования ядерной энергии. «Дорожная карта» по сотрудничеству стран предусматривает строительство 12 энергоблоков на территории Индии, в том числе от 4 до 8 энергоблоков на площадке «Куданкулам» в штате Тамилнаду. Энергоблоки №1 и №2 АЭС мощностью 1000 МВт каждый уже введены в эксплуатацию, а остальные с аналогичной мощностью находятся в стадии строительства. По мере их завершения, полная мощность АЭС «Куданкулам» в 6000 МВт будет достигнута к 2027 г. [8, с. 265-266]. Индия рассчитывает, что её ядерная программа поможет выполнить парижские климатические обязательства по снижению промышленных выбросов в атмосферу на треть к 2030 г.

Более 60% нынешнего арсенала индийской армии произведено в России. Самый большой контракт был подписан в октябре 2018 г. на поставку пяти полковых комплектов (десяти дивизионов) зенитно-ракетного комплекса С-400 «Триумф» стоимостью 5,4 млрд. долл. Первые две батареи уже поставлены и размещены в штате Панджаб на границе с Пакистаном. Ещё в 2015 г. Индия решила приобрести в России 200 многоцелевых вертолетов Ка-226Т при условии, что 140 из них будут собраны в Карнатаке. Тогда же стороны заключили соглашение по четырем фрегатам проекта 1135.6, два из которых будут приобретены в России, а два построены на верфях в Гоа.

В марте 2019 г. в городе Корва, штат Уттар Прадеш, был открыт завод по производству автоматов АК-203. На нем планируется производить 750 тыс. единиц этого всемирно известного российского стрелкового оружия для оснащения вооруженных сил Индии, и ведутся переговоры о выпуске дополнительных партий для экспорта в другие страны.

По данным Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству России, программа сотрудничества с Индией включает около 200 проектов. В качестве наиболее значимых можно отметить лицензионное производство самолё-

тов Су-30МКИ, танков Т-90С и реализацию совместной разработки сверхзвуковой крылатой ракеты БраМос. Ракету отличает наземное, морское и воздушное базирование. Радиус её действия свыше 400 км. Высота полета может достигать 15 км, а максимально низкая – до 10 м. Боевая часть ракеты составляет 200-300 кг и способна разрушить авианосец. Новый производственный центр БраМос в Лакхнау будет выпускать от 80 до 100 одноименных ракет в год [9, с. 11]. Индия имеет доступ к западным технологиям, которых у нас нет, в том числе оборонным. К примеру, Индия производит части для основного ударного вертолета армии США «Апач». Почему бы и нам, в таком случае, не вписаться в цепочку военного производства Индии?

Таким образом, несмотря на давление коллективного Запада в связи со специальной военной операцией на Украине, Индия занимает выверенную позицию и не приносит российско-индийские двусторонние отношения в жертву текущей геополитической конъюнктуре. Связи между Нью-Дели и Москвой остаются одними из самых устойчивых. Они охватывают различные области сотрудничества, включая политику и стратегическое планирование, экономику, энергетику, военную сферу и безопасность, науку и технологии, культуру и гуманитарное взаимодействие. Наши взаимоотношения основаны на доверии, уважении, истонных ценностях и исторических традициях. Все это позволяет России и Индии укреплять свои позиции в формирующейся новой глобальной системе.

Список источников и литературы

- 1) Кашин В.П. Индия: независимость, раздел и диалог с Россией. – М.: Издательство ИКАР, 2022.
- 2) Кашин В.П. Нарендра Модии. Лидер современной Индии. – М.: Издательство ИКАР, 2020.
- 3) Ведомости. – 03.04.2023.
- 4) Белов П. Луч надежды для всего мира // Индийский вестник. – 2020. – № 8.
- 5) В МИД РФ заявили, что Индия не приносит связи с Россией в жертву конъюнктуре (2023). – URL.: <https://tass.ru/politika/17475551>
- 6) Россия увеличила поставки нефти в Индию в 22 раза (2023). – URL.: <https://www.gazeta.ru/business/2023/03/28/16467445.shtml>
- 7) Радлова М. Российские удобрения на полях Индии // Индийский вестник. – 2022. – № 12. – С. 8-9.
- 8) Загородникова Т.Н., Кашин В.П., Шаумян Т.Л. Россия-Индия: от диалога к сотрудничеству и партнерству. Очерки российско-индийских отношений в XX – начале XXI в. – М.: ИВ РАН, 2020.
- 9) Тамилин С., Пахомов Е. Партнеры по оружию // Индийский вестник. – 2022. – № 1. – С. 10-11.

INDIA'S BORDERLANDS: GOVERNANCE AND HUMAN SECURITY ISSUES IN NORTHEAST INDIA

Abstract. *Post-independence, the security landscape in India underwent a paradigm shift, with the challenges having become more complex and diverse. This resulted mainly from the broadening of the concept of security and the consequent recognition of the multiplicity of security challenges that emerged in the aftermath of the country's independence. The human security way of understanding security and development combines various approaches, broadens them to include a rights-based approach and argues that looking at socio-economic issues including development through the lens of national security or simply underdevelopment is insufficient. The 1994 United Nations Development Programme Report is believed to be the first significant attempt at articulating the broad approach to human security. The article attempts to understand the governance and security issues of the Northeast India within the larger discourse on human security.*

Key words: *Northeast India, Human Security, Development Governance, Insurgency*

Introduction

Often portrayed as a distant peripheral space, Northeast India presents governance and security challenges that are hard to comprehend. Home to different races, cultural and linguistic groups, manifestly at uneven levels of political, socio-economic and cultural developments², the region presents an endemic crisis situation where issues of identity, security and underdevelopment get interlinked to present challenges to governance that defy resolution. Post-independence, in the 1950s, Northeast India essentially meant Assam, Manipur and Tripura (the last two being princely states). In the colonial period a number of administrative concepts such as 'excluded areas', 'partially excluded areas', 'tribal areas', 'frontier tracts' and 'north-east frontier agency' were devised to govern the region, notably the hill areas of the Northeast. With the aim to partly translate these concepts and partly to accommodate the ethnic aspirations of the inhabitants, four more states were created from the erstwhile state of Assam. Nagaland was created in 1963, Meghalaya in 1972 and Arunachal Pradesh and Mizoram in 1987. Far from simplifying the complexities of the region, the creation of these new states compounded the prevailing problems by giving

¹Dr. Archana Upadhyay, Professor, Chairperson of the Center for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi (India).

Упадхьяй Арчана – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Российских и Центральноазиатских исследований факультета международных отношений Университета имени Джавахарлала Неру, Нью Дели (Индия).

²Northeast India is inhabited by 475 different ethnic groups and sub-groups, speaking more than 400 languages and dialects. At no point in history was the region mono-lingual nor was it inhabited by a single nationality. The seven states of Northeast India along with Sikkim make up a population of around 46 million. For details see, Subir Bhaumik [2010:1].

a fillip to similar ‘homeland’ demands from smaller communities across the landscape of Northeast India.

Contextualizing the Security Discourse

The security landscape in India has undergone a paradigm shift. This has mainly resulted from the broadening of the concept of security. In this regard it is significant to note that security is one of those critical subjects which despite time and events, has unchangingly, been the centre of attention of researchers, politicians and society at large. The reason quite evidently, is prosaic – *security is a concept, which characterizes the possibility of individuals, society and the state to survive and develop*. However, the concept does not easily lend itself to a definition. In the words of Bill McSweeney: ‘like peace, honour, justice, security denotes a quality of relationship which resists definition. It has an active verbal form which seems to take it out of the realm of the abstruse, and a hard tangibility in its nominal form which promises something solid and measurable’ [McSweeney 1999:13].

Broadly speaking, there is a general acceptance that a threat to national security is an action or sequence of events that: (a) threatens drastically and over a relatively brief span of time to degrade the quality of life for the inhabitants of a state, or (b) threatens significantly to narrow the range of policy choices available to the government of a state or to private non-government entities (persons, groups, corporations) within the state. In other words, the idea of security cannot be reduced to military security and has to encompass numerous other relevant components related to a broad spectrum of internal policy issues. In this context, it is pertinent to note that lack of investment in internal policy security can cause grave problems for the society and the state. In this regard, it is relevant to understand that the *role of individuals* in shaping the security concept is also critical and that an individual’s security does not necessarily depend only on the activity of the state, a group of individuals, society or the individual himself. It is critically dependent on the ability of all actors of the security policy, including the individual to develop appropriate policies. In other words, it is more related to a *synergy of thinking and doing security* [Booth 2005: 23].

In recent times, the debate over *soft and hard security issues* has had a profound bearing on security studies and security policy across the globe. Consequently, it creates a dilemma that if national security retains control over hard security issues then who are the stakeholders of soft security. If the state takes control of the entire spectrum of soft security, including the preservation of the society’s identity, then naturally the question arises on the balance between economic, social, political, cultural and military resources. This line of thinking is particularly relevant in the Indian context. Another significant point is that despite the ‘broadening of the security concept’ security has to be *comprehended through the lens of national security*. In other words, though security is expressed in various ways and forms, clearly somebody has to define the agenda, assess the threats, select the means for threat prevention, and coordinate activities of the involved parties. Therefore, what clearly stands out is the fact that whether we address international, regional or individual security, it flows through the prism of national security [Waever 1995: 47-50].

Security versus Development

Though armed conflicts have multiple causes, the linkages between conflict and development are too profound to go unnoticed. Consequently, both the understanding of these conflicts and their resolution calls for a holistic approach. Each conflict is embedded in individual histories, social relations, economic processes and the perceptions and claims of the rights of communities and nationalities involved. Poverty, human rights abuse, denial of justice and absence of inclusive policies only lead to the sharpening of the social and political divide. These contradictions can be attributed to several factors such as: 'primordial or socially constructed ethnic differences; unremedied structural weaknesses in post-colonial economics; ruling-class exploitation; social disruptions caused by privatisation, deregulation and structural adjustments; governance failures; repression and; leadership failure' [Chenoy and Chenoy 2010: 20]. This clearly brings us to the concept of human development and its centrality in the overall security discourse.

The human development approach, which gained wider currency after the publication of the Human Development Report, 1990 by the United Nations Development Programme, articulated a broader notion of development. The purpose of development is to expand peoples' choices, through expansion of negative and positive freedom. While negative freedom refers to freedom from coercion, positive freedom is concerned with 'enhancing the lives we lead and the freedoms we enjoy' and 'expanding the freedoms we have reason to value', so that our lives will be 'richer and more unfettered' [Sen 1999]. While income is recognized as a means to acquiring human well-being, it is not an end in itself. Several other dimensions of well-being, that are crucial for expanding human capabilities (viz. life expectancy, knowledge, political freedom, personal security, community participation and guaranteed human rights) are included in the broader definition of development. The process of development thus is to be driven by an approach that is participatory, inclusive, equitable and sustainable.

Two definitions in this regard are particularly noteworthy. Amartya Sen as co-chair of the Human Security Commission established in 2001 by Kofi Annan, framed his discussion of human security with what he argues are its four distinct elements: a clear focus on individual lives, a focus on social and societal elements of human livelihood, a focus on downside risks over general expansion of freedoms, and a focus on elementary human rights [Sen 2002]. Whereas human development, according to Sen is focused on progressive gains in the human conditions, human security is the ability to absorb potential downturns. This vulnerability can be heightened by unequal opportunity for economic growth and development. Kanti Bajpai, in an extensive work advocating for a Human Security audit argues that human security should be defined as an equation between threats and capabilities. According to him, as the elements of this equation are both temporally and regionally dependent, any uniform definition is futile. Bajpai's articulation, thus introduces regionally and temporal subjective factors which is critical to overcoming the limitations of laundry-list style threat assessments [Bajpai 2004: 360-1].

The Northeast India Experience

India's security challenges emanate from multiple sources and is deeply embedded in the history of the Indian sub-continent, the circumstances leading to the partition of the country in 1947, India's war with China in 1962, the three major wars between India and Pakistan, (1948, 1965, 1971), the birth of Bangladesh, the porous nature of the international borders and the unresolved border issues between India and her neighbours. The pursuit of divisive politics based on sectarian, ethnic and linguistic considerations only add fuel to fire. The rise of insurgent and secessionist movements in the North Western and North Eastern frontiers of the country as well as the emergence of left wing extremism in several Indian states (such as Andhra Pradesh, Bihar, Orissa, Madhya Pradesh, Jharkhand, Chhattisgarh) with the declared goal of overthrowing the Indian State pose a grave challenge to the unity and integrity of the Indian State. It may be noted that the inter-linkages between external and internal security threats are so interwoven that it is neither possible nor desirable to separate the two.

In the context of Northeast India, it is significant to note that in the mainstream discourse, the region has often been constructed as a distant periphery that is unstable, remote, underdeveloped and hazardous. Consequently, in the popular imagination the region has been relegated into a problematic area plagued with developmental and security challenges that defy resolution. The marginalization of the region in the discourses of power and representation³ gets starkly reflected in the pattern of policy making and governance that have been put in place to tackle the complexities of the region's governance peculiarities many of which can be traced to its historical past.

Northeast India's first encounter with British colonialism began in 1826, with the conclusion of the Treaty of Yandaboo. The treaty, concluded between the defeated Burmese invaders and the British, paved the way for aggressive colonial penetration into the region on a large scale. By virtue of the treaty, the Burmese renounced claims on the territories of Assam, Manipur and its neighbouring areas. Tenasserim and Arrakan were also ceded to the British⁴. After a brief spell of puppet regimes, the whole of Assam along with the adjoining hilly tracts were brought under the direct administrative umbrella of the Bengal Presidency. Prospects for the exploitation of extractive minerals such as coal and oil triggered the case for a 'forward policy' on the hills. Profits from the cultivation of cash crops, such as tea and rubber proved to be an added attraction. It is noteworthy, that until the British advent, the notion of territorial or political authority was unheard of in the hills. It was only in 1914, with the drawing of the McMahon Line, that the frontier between the sub-Himalayan and Himalayan British territory and Tibet was demarcated for the first time⁵.

³ Northeast India sends only 25 members to a parliament of 550 members. The representation of the region in the Lower House of the parliament is: Assam-14, Arunachal Pradesh -2, Meghalaya-2, Nagaland-1, Mizoram-1, Manipur-2 and Tripura-2.

⁴ From 1822 to 1826, the whole of Assam was virtually under Burmese occupation. On the invitation of the local ruler, the British intervened in the name of restoring authority, defeated the Burmese invaders and concluded the Yandaboo Treaty. For details see, Aitchison (1892: 198, 291), cited in Chaube [1999].

⁵ The intense rivalry among Britain, China and Russia over supremacy in the Himalayas and Central Asia fuelled the British zeal for well defined boundaries. Consequently, the Durand Line (1893) and the McMahon Line (1914) were

The historical connectedness of the region was systematically eroded by the extra-ordinary administrative policies of progressive segregation that came into place between 1873 and 1934. These policies led to the categorisation of the tribal populated areas into ‘non-regulated’, ‘backward’ or ‘excluded’ areas. The Inner Line Regulation of 1873, prohibited access to these areas to all ‘outsiders’ except those with special permission from the government. The extension of the Regulation to most of the hill areas, resulted in the creation of ‘a frontier within a frontier’ that consequently accentuated the already existing political and cultural rift between the tribal areas and the plains. In continuation of this policy, the Government of India Act, 1935, made most of the hill areas in the region ‘excluded areas’, outside the jurisdiction of the provincial legislature. The Act invented the phrase ‘tribal areas’, which was defined as ‘the areas along the frontiers of India or in Baluchistan which are not part of British India or of Burma or of any Indian State or of any foreign State’ [Section 311(1)]. ‘India’ was defined in the same Section as ‘British India together with all territories of any Indian Ruler under the sovereignty of His Majesty, all territories of any Indian Ruler under the suzerainty of such an Indian Ruler, the tribal areas, and, any other territories which His Majesty in Council may, from time to time ... declare to be part of India’ [Chaubey 1999: 26-7]. The political ramifications of these exclusionary policies, put in place by the ‘alien administration’ were far reaching. It resulted in a glaring disconnect between the pattern of administration prevailing in the tribal areas and the rest of the country. The tribal communities in the region, thus remained disengaged from the momentous social and political developments taking place elsewhere in India, and consequently the heterogeneous character of the region remained unaltered even after the British had quit the country [Bezbaruah 1996: 178-79]. The nation building strategies – political, economic and cultural – adopted in independent India, could do very little to alter this reality. It proved to be ‘internally subversive’ and came to be viewed in the dominant perception as tools of domination and subjugation. Such perception, observers point out, has been a critical factor in igniting and sustaining ‘rebel consciousnesses’ in the region. Rationalizing the complexity of the ethnoscape of Northeast India, Sanjib Baruah writes: ‘Everywhere in the world those areas that did not go through the process of standardization associated with the rise and consolidation of nation states, e.g. the emergence of the print media, national languages, widespread literacy, and national educational systems, are perhaps significantly more diverse than areas that did’ [Baruah 2005:7].

The ‘rebel consciousness’ that so powerfully defines the politics of Northeast India, challenges the state-centric idea of an Indian nation from a position of autonomy rooted in cultural distinctness that largely revolves around primordial identities. Claims of nationhood – sovereignty, territory and institutional authority – orbit mainly around ethnic lines and are expressed in both non-violent and violent forms [Biswas 2002: 140]. Claims on the state and political processes vary, ranging from special representative rights to enhanced autonomy and even self-determination. Demands for special cultural rights, in-

proposed. The first divided Afghanistan and British India, while the second, demarcated India and Tibet. For details see, Chakravarty [1971].

cluding affirmative action aimed at enhancing the socio-economic status of groups that perceive themselves as disadvantaged, figure high in the agenda. These demands however, have not remained unheeded. Through special acts and agreements, new states have been carved⁶ and through the constitutional mechanism of the Sixth Schedule, autonomous districts and autonomous regions within the districts, identified with particular tribes, have been created⁷. In this regard, it is significant that the approval of the idea of 'exclusive homelands', in no small measure legitimises cultural politics intrinsically linked to the cycle of violence and ethnic cleansing so widespread in the region.

The operation of the principle of 'protective discrimination', within the liberal democratic federal political arrangement of the Indian Constitution, creates its own dynamics that only adds to the complexity of the situation. It results in a de-facto second class citizenship for excluded groups, living within the shared space, and thus accentuates the cleavages along which ethnic battles are waged. With a majority of the ethnic groups being designated as Scheduled Tribes (STs), economic rights in regard to land-ownership, trade licenses and business are restricted. Even access to elected offices is not open⁸. This raises the crucial constitutional question of the status and rights of non-tribals living in the region⁹. It is noteworthy that the Constitution of India of 1950, makes a distinction between tribal areas of Northeast India and those in other parts of India. While the Fifth Schedule provides for the administration of the tribal people in other parts of India, in case of Assam, Meghalaya, Tripura and Mizoram, it is the Sixth Schedule¹⁰. The Sixth Schedule, however does not provide protection to all the STs of the areas where it is applicable. A notable exclusion is the plain tribes¹¹. Consequently, unequal economic and political opportunities coupled with unequal access to resources, aggravate perceptions of being deprived among the disadvantaged, who clearly feel discriminated against in a setup that does not depend upon in-

⁶ The states of Meghalaya, Mizoram and Nagaland have been carved out from the larger state of Assam.

⁷ These political and administrative arrangements have been made by the Indian State, following the provisions of the Indian Constitution. The Sixth Schedule of the Indian Constitution [Article 244 (2) & Article 275 (1)] provides small tribal communities, disadvantaged by lack of opportunity – educational, political and numerical – extensive powers through the creation of autonomous district councils to protect their tradition and their lands. See, Chaube 1996: 100-16.

⁸ As a part of an elaborate system of protective discrimination, Article 342 of the Constitution of India, provides for the President of India by public notification to specify the 'tribes' or tribal communities or parts of or groups within tribes or tribal communities, which shall for the purpose of the Constitution be deemed to be 'Scheduled Tribes'. There is near total reservation of seats in the legislature in the tribal states of Arunachal Pradesh, Meghalaya, Mizoram, and Nagaland in favour of groups that fall in this category.

⁹ Article 16 of the Indian Constitution asserts 'There shall be equality of opportunity for all citizens in matters relating to employment or opportunity to any office under the state. No citizen shall, on ground only of religion, race, caste, sex, descent, place of birth, residence or any of them, be ineligible for or discriminated against in respect of any employment or office under the state'. In view of the preferential policies pursued, the concept of single citizenship stands eroded.

¹⁰ Following the recommendations of the Bordoloi Committee, the Sixth Schedule of the Indian Constitution provided for the creation of Autonomous District Council (ADCs) as a necessary politico-administrative device within the administrative framework of the state. The ADCs were given constitutional rights to look after the tribal interests in relation to land, forest and culture. The Sixth Schedule makes provisions for autonomous districts and autonomous regions within those districts with elected councils authorized to levy some taxes, to constitute courts for the administration of justice involving tribals, and law making powers on subjects including land allotment, occupation or use of land, regulation of shifting cultivation, formation and administration of village and town committees, appointments of chief, inheritance of property, marriage, and social customs.

¹¹ The Bodos, Misings and Tiwas communities of Assam describe themselves as Plains Tribes. Even the Tea Tribes of Assam, whose forefathers were brought as indentured labour to work in the tea plantations of Assam, have been denied 'Scheduled Tribe' status, a status enjoyed by their original kin in their original habitats in Jharkhand, Chhattisgarh, Madhya Pradesh, Bihar and Orissa states of the Indian Union.

stitutions but culture. This, along with the complications generated by the ethnic geography of the region, artificially constructed political borders and weak political institutions, make violent confrontations, the accepted grammar of politics in many parts of Northeast India¹².

The policies of the Indian State towards Northeast India, particularly acquires meaning when viewed within the ambit of the dominant paradigms that have so far driven the Indian State's approach towards the region. Four paradigms mainly stand out: cultural, security, politics and development [Ramesh 2005: 17-21]. The 'cultural paradigm', that dominated much of the 1950s and the early '60s, mainly focused on the preservation of the cultural diversity of the region. The 1962 Indo-Chinese war, dramatically altered this perception and Northeast India became strategically important both in the geographical and geopolitical sense. In the early '70s, the 'security paradigm' was replaced by the 'politics paradigm'. It was felt that political representation of the diverse tribal cultures and sub-nationalities of the region, through the instrument of representative, pluralist parliamentary democracy, would create stakeholders in the 'mainstream' democratic process. Consequently, a number of new states were carved out in anticipation that adequate political representation would quell the ethnic upheavals. The 'development paradigm', marked by phenomenal increase in public expenditure, made its appearance in the '80s, and continues to drive policy makers till this day. Increased expenditure in physical and social infrastructure, in the form of special economic packages, it is believed, will prove to be a cure for all ailments that plague the region¹³. However, in the face of facts, if the 'neglect' theory is to mean economic neglect in the form of developmental assistance, the statistics clearly reveal an altogether different story.

Governance and Human Security challenges in Northeast India

In the context of Northeast India, the biggest impediment to good governance have been the unsettled national questions mainly manifesting in the form of protracted ethnic strife that have a direct bearing on both governance and human security issues in the entire region. Broadly speaking good governance entails the responsiveness of the system to the expectations of the citizens while simultaneously keeping in mind the expectations of posterity. An all-encompassing definition of good governance according to the UNDP ought to include the following characteristics: legitimacy, rule of law, participation, transparency, responsiveness, efficiency, accountability, consensus building, resource prudence, ecological soundness and strategic vision. On almost all these counts, Northeast India clearly presents a picture of crisis of governability, the roots of which can be traced to the history, geography and ethnography of the region. With a high concentration of Muslims, Christian and tribal population in the region, the complexities of the majority- minority politics only adds to the volatile

¹² For details on conflicts in peripheral societies see Brown [1997: 19].

¹³ The GOI contributes heavily towards the total expenditure of the North Eastern States. In case of Arunachal Pradesh it is 85 per cent of the total expenditure; in Assam 51 per cent; in Meghalaya 70 per cent; in Manipur 80 per cent; in Nagaland 80 per cent; in Tripura 70 per cent and in Mizoram 72 per cent. Out of the IR 30,000 million that is spent in the region annually, close to IR 20,000 million directly comes from the Central Government [Ramesh 2005: 19].

mix¹⁴. The geographical settings of the region, which includes more than thirty three percent of India's international borders¹⁵, have ensured the internationalization of the conflicts of the region. This is starkly evident in the form of noticeable interest that neighboring countries such as China, Bangladesh, Bhutan and Myanmar have shown in the affairs of the region. Consequently, these countries are important variables, in the Indian State's efforts to deal with the insurgencies in the region¹⁶. The flow of illegal migrants from Bangladesh through the porous international borders and the resultant changes in the demographic profile of the Northeast India raises fundamental humanitarian issues that have a direct bearing on human security issues in the region¹⁷. The rise of Islamic militancy in Bangladesh with its international connection also contributes to the internationalisation of Northeast India, given its close proximity to Bangladesh¹⁸. Evidently, the complex and interlocking dynamics of poverty, inequality, exclusion, environmental degradation and demographic pressures creates the objective conditions for the outbreak of both episodic armed conflicts and generalized violence in the region.

The complex problems referred to above present unique political and constitutional challenges that put to severe test the very texture of the Indian federal structure. The foremost challenge to governance in Northeast India is to blend traditional systems of governance with modern approaches of administration given the fact that any kind of administrative vacuum on the international frontier is both politically and strategically undesirable. Thus post independence, different kinds of political and constitutional experimentation has been put to place to govern Northeast India – a region that accounts for about eight per cent of the land area of the country and is inhabited by around 3 per cent of the country's total population¹⁹. The political reorganisation of the region on the basis of language, in the post independence period, was one such effective strategy. Thus in 1963, Nagaland was carved out of Assam, covering the Naga Hill District of Assam and the Tuensang Frontier Division of the North Eastern Frontier Agency (present day Arunachal Pradesh). Subsequently, Mizo aspirations were accommodated with the creation of the union territory of Mizoram

¹⁴ The population is a broad inter-mixture of Mongolian, Indo-Burmese, Indo-Iranian and Aryan races. This diversity gets powerfully reflected in the religious persuasion that extends to all the major world religions – Hinduism, Buddhism, Islam and Christianity. Christians are in a predominant majority in the states of Mizoram, Meghalaya and Nagaland. See, Verghese [1997: 2]; Chaube, [1987: 60-63].

¹⁵ 98 per cent of Northeast India's borders are international borders. Assam shares international borders with Bhutan and Bangladesh. Arunachal Pradesh with China and Myanmar, Nagaland with Myanmar, Manipur with Myanmar, Mizoram with Myanmar and Bangladesh, Tripura with Bangladesh and Meghalaya with Bangladesh.

¹⁶ For details on the number, strength and cross-border linkages of the armed outfits in the states of Northeast India see, *South Asia Terrorism Portal*, <http://www.satp.org>.

¹⁷ India and Bangladesh share 4,097.7 kms long land and a maritime border of 180 kms, that is geographically diverse and extremely porous. Accurate estimates of the number of illegal migrants from Bangladesh are difficult to establish as they are not counted in official statistics. It is a undocumented phenomenon and it is believed that anywhere between 10-35 million Bangladeshis are living in India. For details see, Datta, [2012].

¹⁸ The emergence of Bangladesh as a bastion of Islamic militancy is mainly fuelled by the political-religious factors that have come to define its politics in recent times. Indian states such as, West Bengal, Assam, Meghalaya, Tripura and Mizoram share borders configuration with Bangladesh, resulting in the availability of numerous ingress routes into Indian territory. Viewed against this background, illegal migration from Bangladesh has strategic implications. For details see, Ahmed [2008].

¹⁹ The population of the eight north eastern states was nearly 40 million in 2011, with a population density of 148 per square kms.

in 1972 and finally a full fledged state in 1987, after a prolonged armed uprising by the Mizos. The state of Meghalaya was formed in 1972, comprising the Khasi Jaintia Hills and the Garo Hills district of Assam. The present state of Assam comprises of the Brahmaputra and the Barak valleys and the two hill districts of Karbi Anglong and the North Cachar Hills. Manipur and Tripura, the two princely states in the region acquired the status of union territory in 1963 and then became full fledged states in 1972.

The socio-economic and political implications of the reorganisation were far reaching in addressing both security and strategic concerns in the region. While on the one hand, reorganisation legitimised the rule of the Indian state in a region that had a long history of being loosely administered, on the other hand it offered an alternative to the politics of secessionism by significantly reducing the linguistic, racial and religious cleavages. Though the inter-tribal and tribal-non-tribal faultlines continue to exist and add to the complexities of the ethnic cleavages in the region, the carving of new states did succeed in creating a large degree of racial and religious homogeneity in states such as Nagaland, Meghalaya and Mizoram, notwithstanding the debate around the economic viability of the carving of these new states. Clearly, the driving force behind its execution was to address the pertinent issues of security, integration and development.

Three system of self- governance are in operation in Northeast India. These being: (i) Autonomous Council under the Sixth Schedule of the Indian Constitution; (ii) the Panchayati Raj institutions (PRIs) as per the 73rd Amendment of the Indian Constitution²⁰; and (iii) the local traditional institutions. In regard to the traditional in-stitutions, it is noteworthy that among the tribes of Northeast India there is a strong tradition of community based self governing institutions for the maintenance of social order, preservation of religious traditions, delivering of justice and the coordination of collective economic activities. These institutions of self governance vary and are generally tribe specific. While some of them have a monarchical structure, others op-erate more like republics, some are democracies of direct type, while some others function through a small representative body headed by a chieftain. A few bodies are also known to be oligarchic in nature, limiting the choice of membership of the coun-cil to certain houses or clans. Twin principles of ethnic loyalty and customary law form the basis of these institutions [Goswami 2002].

In the state of Arunachal Pradesh both the PRIs and the traditional institutions operate side by side. In Assam, the PRI are in place except in the North Cachar Hills and Karbi Anglong hill districts where the Sixth Schedule of the Indian Constitution operates. The states of Meghalaya and Mizoram are entirely covered by the Sixth Schedule. In Tripura while the Sixth Schedule operates in the tribal areas, the rest of the state is covered by the PRIs. The situation is much the same in Manipur, where the PRIs are in operation except in the hill areas, which have local bodies, mandated by the state legislature. In Nagaland there are well-established institutions of village

²⁰The 73rd Amendment Act of 1992 is a significant landmark in the evolution of grassroot democratic institutions in the country. It mandates that resources, responsibility and decision making power be placed at the rural grassroot level with elections every five years. The idea is clearly being to transform representative democracy into participatory democracy.

administration that operate through village councils and village development boards set up as per customary laws duly mandated by the State's Acts and Rules. These special arrangements have been put in place with the aim to protect tribal areas and interests by mandating regional local-self-government institutions with the dual task of protecting tribal culture and customs and simultaneously undertaking development activities. It is noteworthy, that the Sixth Schedule of the Indian Constitution provides special protection to some tribes in the states of Assam, Meghalaya, Tripura and Mizoram. The recognized 'Tribal Areas' in these states are to be administered through Autonomous Council created and sanctioned by the central government. The existing Autonomous Councils have varying degrees of legislative, administrative, executive and financial powers. These bodies are parallel to and to a great extent autonomous from the regular governance structures of the state. The regular state and district authorities retain jurisdiction only in areas such as law and order.

The Autonomous Councils also receive central grants that are channeled through the respective state governments. Within the administrative structure of the Autonomous Council, it is the dominant ethnic group that monopolizes administration and decision-making. Consequently, the minority groups, indigenous or not have very limited access to political representation and power. Far from providing effective protection to tribal groups, the creation of these exclusive homelands tend to perpetuate potentially violent competition for land and political power between the majority and minority communities living in territories falling under the Autonomous Councils.

In several of these areas the 'ethnic groups' claimed monopoly over the resources of the region that directly comes in the way of the transformation of the socio-economic process and thus proves to be a serious impediment to development. Ethnocentric parameters such as kinship based social relations and traditional political structures get entangled with the goals of development with the declared objective of accruing benefits only to the sons of the soil [Das 1998]. It is noteworthy that through special provisions, restrictions have been placed on the rights of the non-tribals and people from other states of India to own property in many of these areas. The system of Inner Line Permit, prohibits entry of non-natives into the states of Arunachal Pradesh, Mizoram and Nagaland, without a valid permit issued by the respective state government. Even within the plain areas, tribal belts and blocks have been constituted to prevent land alienation from tribals living in those areas.

The existence of the parallel institutions of governance severely restricts the penetrative power of the Indian State as these institutions tend to occupy much of the space between the state and the society at large. Even in states such as Arunachal Pradesh, Manipur and Nagaland where there is no Autonomous Councils, respective traditions of the tribes and sub-tribes living in these areas have come to govern issues in regard to land and forest management. Consequently, state sponsored development activities including welfare activities seldom have the desired impact despite the pumping of enormous amount of funds.

Insurgent environment and distorted security and governance goals

In the fractured social and political landscape of Northeast India, where the mismatch between the level of social mobilization and the capacity of the political

structure to provide avenues for participation is too glaring, violence has become the accepted grammar of politics. The ‘moral economy’ of violence, that has come to characterize the political and social environment the region, revolves around the acceptance of: ‘violence as an historical inevitability; violence as self defence; violence as intrinsic to politics; violence as emancipation and violence as bargaining’ [Bajpai 2000:14]. In a scenario such as this, the ability of rebel groups to wield power is directly proportional to the extent to which they exercise control over the ‘normative’, ‘coercive’ and ‘utilitarian’ resources within their identified theatre of operation [Tilly 1978: 69-70]. That violence will be confronted with violence, is an irrefutable reality in the insurgency struck environment of Northeast India. From the point of view of the Indian state, unreasonable concessions to secessionists would result in a domino effect, triggering similar demands elsewhere in the country and thus severely compromising the government’s credibility and ability at performing its foremost duty of securing the territorial integrity of the country. On the other hand, in the rebel imagination, use of force against the government is both an act of self defence as well as a pre-emptive strategy, in an environment where violence has come to be accepted as the only effective method of communication.

Disputes of varying intensity and nature are visible also among the constituent states of the region, between one tribe and another, between tribal and non-tribal groups and between indigenous groups and so called ‘outsiders’ from other parts of India and neighbouring countries such as Bangladesh and Nepal. The names of the rebel groups, in many cases prove to be very revealing both in terms of their social base as well as their political agendas²¹. Consequently, episodic and general violence such as internecine warfare, interethnic killings, genocide and massacres have become norm in many parts of the region. The Tripuri-Bengali conflict in Tripura in 1980²², the Assamese-Muslim Bengali conflict in Assam in February 1983 resulting in the Nellie Massacre²³, the Kuki-Naga conflict in Manipur during the 90’s²⁴, the indigenous tribals and the Chakma-Hajong conflict in Arunachal Pradesh in 1994²⁵, the Mizo-Bru (Reangs) conflict in Mizoram in 1997²⁶, the Karbi-Dimasa conflict in Assam in 2005²⁷, the Bodo-Adivasi conflict in Assam in 1996,

²¹The insurgency in Nagaland, Manipur and the uprising spearheaded by the Mozo National Front in Mizoram in 1966 demanded secession from the Indian Union. Internecine conflicts have also afflicted several states in the region. Besides, there are several identity moments spearhead by the Nagas, Mizos, ethnic Assamese, Karbis, Dimasa, Tripuri, Meiteis Hmars and Kukis to name a few.

²²The incessant demographic and cultural pressure consequent to the dramatic population shift of Bengali Hindu refugees and migrants from East Pakistan marginalized the aboriginal hill tribes into a minority. The altered ethno-religious profile had far reaching political consequences resulting in the state’s institutions and economic activities being monopolized by the ‘outsiders’.

²³ The Nellie massacre of 18 February 1993 resulted in the brutal killing of 1,800 men women and children in a single day, in the present day Morigaon district of Assam.

²⁴The Naga and Kuki tribes in Manipur are engaged in a vicious cycle of violence and counter violence and often locate their brutalities within historical context.

²⁵The Chakmas (Buddhist tribe) and Hajongs (a Hindu tribe) refugees displaced from Bangladesh in the 1960s were provided shelter in Arunachal Pradesh. With the consolidation of Arunachalese identity, these groups have been the target of violence.

²⁶The Brus, came to Mizoram in the 1950s from the Chittagong Hill Tracts of Bangladesh. The Brus feel increasingly persecuted by the mainly Christian Mizos and are demanding an autonomous district council within Mizoram.

²⁷The Karbi-Dimasa ethnic clashes in July 2005 between Karbis and Dimasas in Karbi Anglong district of Assam claimed 105 lives and displaced about 49,000 people. See, *Frontline*, ‘Murky Politics’, 24 August 2012.

1998²⁸ and the Khasi-Karbi conflict in Meghalaya in 2005²⁹, the Rabha-Garo conflict in the Assam-Meghalaya border in 2010-11³⁰ and the Bodo-Muslim conflict in 1993, 1994, 2008 and 2012³¹ are some prominent conflicts that have caused havoc in the region.

The insurgency environment in the region provides the necessary conditions for sustenance of a well-entrenched subterranean economy that seriously impinges the course of politics in the region. This is starkly manifested in the subversion and hijacking of the state institutions and the consolidation of an underground parallel black economy sufficiently powerful enough to undermine the legitimate economy of the region. Political expediency has come to replace economic expediency in matters of resource allocation with diversion of development funds for emergency security expenses becoming a norm. The absence of audit surveillance leads to large scale misappropriation of public money. Consequently it has a direct bearing on both the quality of governance and human security in the region.

It is noteworthy, that since independence a complex set of values, rules and institutions have been put in place by the Indian state to delineate power sharing arrangements between the Union and its constituents. Broadly summed these are: 'lib-eral constitutionalism, civic nationalism, the devolution of power in a layered federal-ism and group rights' [Bajpai 2002: 118]. It is within these clearly defined parameters that policies of counter-insurgency coupled with programmes of political, economic and social interventions are expected to operate. However, despite attempts to politi-cally seek solutions for the vexed problems of the north eastern frontiers, there is heavy military presence in the region. Given the volatile political landscape of the re-gion, with porous borders that enable rebel groups to get hold of arms and a hostile neighbourhood disposed to providing sanctuaries and logistic support, national secu-rity concerns are clearly grounded in reality. Consequently, as part of the counter in-surgency operations, special laws get invoked to assist military operations. The Armed Forces Special Act (1958), the National Security Act (1980), the Disturbed Areas Act (1976), and the Terrorism and Disruptive Activities Prevention Act [TADA] (1985), have been part of the counter-insurgency operations in the region. The Armed Forces Special Powers (Assam and Manipur) Act (1958), that covers sev-eral parts of the region, implies temporary suspension of some basic 'Fundamental Rights' guaranteed by the Indian Constitution³².

²⁸These clashes claimed 198 lives and displaced 2,02,684 in Kokrajhar and the undivided Bongaigaon districts of Assam. Many of the displaced people have continued staying in camps for over a decade.

²⁹Some areas in Karbi Anglong district of Assam sliced from the erstwhile Khasi and Jaintia Hill districts of present day Meghalaya have remained a disputed area between Assam and Meghalaya for a long time. The Khasi-Pnars living in this area have often expressed their desire to be a part of Meghalaya. Tensions between the Khasi-Pnars and the Karbis in Assam often results in violent retaliation by the Khasis against the Karbis in Meghalaya.

³⁰Violence between the Rabhas (mainly Hindu) and the predominantly Christian Garos in the Goalpara District of Assam and the East Garo Hill District of Meghalaya resulted in the displacement of 50,000 people, besides large scale destruction of property and killing of at least 12 people. Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC), [2011:12].

³¹The Bodo-Muslim clashes of 1993 and 1994 in the Kokrajhar and the undivided district of Bongaigaon of Assam claimed hundred lives and rendered thousands of Bodos and Muslims homeless. The 2008 conflict in the Darrang and Udalgiri districts of Assam claimed 64 lives and displaced 2,18,695 lives. The July 2012 clashes between the Bodos and the Muslims in the Bodoland Territorial Autonomous Districts of Kokrajhar, Chirang and Kaksa and in the Bongaigaon and Dhubri districts claimed 56 lives and displaced over four lakh people. See, *Frontline*, 'Assam's Sorrow' 24 August 2012.

³²For details see, Akoijam, and Tarunkumar [2005].

Conclusion

Multi-layered governance in Northeast India is wrought with its own unique set of challenges one of which clearly is the breakdown of 'normal politics' in the region. The ethnic, linguistic and religious variance in the region get reflected in the systems of decentralized governance that has been put in place to address the governance challenges of the region. Although the multiple insurgencies that dot the landscape of Northeast India do not pose a strategic challenge of a magnitude that would impinge on the unity and integrity of India, they clearly have the potential to seriously undermine the overall security environment of the country. India in the twenty first century, all poised to make a massive economic leap, cannot afford to have a troubled periphery. The threat that these multiple insurgencies pose on the democratic fabric of India, is even more severe. The transformation of these identity driven movements into criminal bands not only add to the scale of the prevailing insecurity but also to the convergence of the political and financial motives of violence. In the face of this reality, conventional political and security interventions serve limited purpose. In the highly heterogeneous and diverse society of Northeast India, even if some semblance of normalcy does gets restored, in the absence of constructive mechanisms and procedures that delivers visible justice it may not be easy for communities deformed by xenophobic politics and burdened by criminalized economies to successfully work out durable social and political contract among themselves. However, improved governance that promotes the politics of accommodation, coupled with robust economic growth does have the potential to address some of the complexities of the region. Inclusive governance that secures individual security and is based on rule of law, probity and transparency holds the key to an enhanced human security environment in the region.

Acknowledgements

This article is an abridged version of the paper published in: **Rethinking Economic Development in North East India: The Emerging Dynamics / Ed. by Deepak Mishra and Vandana Upadhyay.** – London/ New Delhi, 2017. – P.379-402.

References

- 1) Aitchison C.U. A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and the Neighbouring Countries. – Volume1, (3rd edition). – Calcutta, 1892.
- 2) Ahmed S.N.A. Fundamentalism in Bangladesh: Its Impact on India. – New Delhi: Akansha, 2008.
- 3) Akoijam A.B., Tarunkumar T. Armed Forces (Special Powers) Act 1958: Disguised War and its Subversions /Eastern Quarterly. – 2005. – № 3(1). – P. 5-19.
- 4) Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.– London: Verso, 1983.
- 5) Bajpai K.P. Roots of Terrorism. – New Delhi: Penguin, 2002.
- 6) Bajpai K.P. An Expression of Threats Versus Capabilities Across Time and Space // Security Dialogue. – 2004. – № 35(3). – P. 360-361.
- 7) Baruah S. India Against Itself: Politics of Nationality in Assam. – New Delhi: Oxford University Press, 1999.
- 8) Baruah S. Durable Disorder: Understanding the Politics of Northeast India. – New Delhi: Oxford University Press, 2005.
- 9) Bhaumik S. Insurgent Crossfire. – New Delhi: Lancer Publishers, 1996.
- 10) Bhaumik S. Guns, Drugs and Rebels. Seminar, 2005. – № 550. – P. 40-44.

- 11) Bhaumik S. Politics of Sanctuary, Indian Rebel Bases in Bangladesh // Bangladesh Treading the Taliban Trail / Ed. by J. Saikia. – New Delhi: Vision Books, 2006. – P. 186-206.
- 12) Bhaumik S. Insurgencies in India's Northeast: Conflict, Co-option & Change. Working Paper-No.10. – Washington: East-West Center, 2007.
- 13) Bhaumik S. Troubled Periphery: Crisis of India's North East. – New Delhi: Sage Publications, 2010.
- 14) Bezbaruah M.P. Cultural Sub-Nationalism in India's North East: An Overview // Subnational Movements in South Asia / Ed. by S.K. Mitra, A.R. Lewis. – Oxford: Westview Press, 1996.
- 15) Biswas P. Nations from Below and Rebel Consciousness: The 'New Subaltern' Emergence in North East India // Human Rights and Insurgency: The North-East India / Ed. by R.R. Dhamala, S. Bhattacharjee. – New Delhi: Shipra Publications, 2002.
- 16) Booth K. Critical Security Studies and World Politics. – London: Lynne Rienner, 2005.
- 17) Brass P.R. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. – New Delhi: Sage Publications, 1991.
- 18) Brass P.R. Ethnic Groups and the State. – Beckenham, Kent: Croom Helm, 1995.
- 19) Brown M. Nationalism and Ethnic Conflict. – Cambridge, MA: MIT Press, 1997.
- 20) Byman D. The Logic of Ethnic Terrorism // Studies in Conflict and Terrorism. – 1998. – № 21(2). – P. 149-168.
- 21) Chakravarty P.C. The Evolution of India's Northern Borders. – London: Asia Publishing House, 1971.
- 22) Chaube S.K. Hill Politics in North East India. – Hyderabad: Orient Longman, 1999.
- 23) Chadha V. Low Intensity Conflicts in India: An Analysis. – New Delhi: Sage Publications, 2005.
- 24) Chaturvedi N.T. Fifty Years of Indian Administration: Retrospect and Prospect. – New Delhi: Indian Institute of Public Administration, 1998.
- 25) Das G. Limits to Economic Development of North Eastern Region: An Analysis of Contradictions between Economic Goals and Social Choices // Sociological Constraints to Industrial Development in North East India / Ed. by B. Dutta Ray and Prabin Baishya. – New Delhi: Concept Publishing Company, 1998.
- 26) Das G. Security and Development in India's Northeast. – New Delhi: Oxford University Press, 2012.
- 27) Das P., Goswami N. India's North East: New Vistas for Peace. – New Delhi: Manas, 2008.
- 28) Das S.K. Immigration and Demographic Transformation of Assam, 1891-1981 // Economic and Political Weekly. – 1983. – № 18(18). – P. 850-85.
- 29) Dasgupta A. Small Arms Proliferation in India's Northeast: A Case Study of Assam // Economic and Political Weekly. – 2001. – № 36(1). – P. 59-65.
- 30) Dahiya R., Behuria A. India's Neighbourhood: Challenges in the Next Two Decades. – New Delhi: Pentagon Security International, 2012.
- 31) Dhamala R.R., Bhattacharjee S. Human Rights and Insurgency: The North-East India. – New Delhi: Shipra Publications, 2002.
- 32) Datta S. Bangladesh. Illegal Migration and Challenges for India // India's Neighbourhood: Challenges in the Next Two Decades / Ed. by R. Dahiya, A. Behuria. – New Delhi: Pentagon Security International, 2012. – P. 19-34.
- 33) Dev R. Negotiating Diversities through Institutional Strategies // Eastern Quarterly. – 2007. – № 4(1). – P. 36-45.
- 34) Dreze J., Sen A. Indian Development: Selected Regional Perspectives. – New Delhi: Oxford University Press, 1977.
- 35) Dreze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity. – New Delhi: Oxford University Press, 1995.
- 36) Ganguly R., MacDuff I. Ethnic Conflict and Secessionism in South and South East Asia: Causes, Dynamics, Solutions. – New Delhi: Sage Publications, 2003.

- 37) Ghosh P.S. *Unwanted and Uprooted: A Political Study of Migrants, Refugees, Stateless and Displaced of South Asia*. – New Delhi: Samskriti, 2004.
- 38) Ghosh P.S. *Conservative Ascendancy in Bangladesh // South Asian Survey*. – 2005. – № 12(2). – P. 247-265.
- 39) Goswami A. *Traditional Self-Governing Institutions among Hill Tribes of North-East India*. – New Delhi: Akansha, 2002.
- 40) Hazarika S. *Strangers of The Mist: Tales of War and Peace from India's Northeast*. – New Delhi: Penguin Books, 1995.
- 41) Hazarika S. *Rites of Passage: Border Crossings, Imagined Homelands, India's East and Bangladesh*. – New Delhi: Penguin Books, 2000.
- 42) Gill K.P.S. *Terror and Containment Perspectives of India's Internal Security*. – New Delhi: Gyan Publishing House, 2001.
- 43) Gurr T.R. *Why Men Rebel*. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1970.
- 44) Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC). *India: A Profile of the Internal Displacement Situation*. – Geneva: Norwegian Refugee Council, 2006.
- 45) Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC). *This is Our Land: Ethnic Violence and Internal Displacement in North-East India*. – Geneva: Norwegian Refugee Council, 2011.
- 46) Kaldor M. *From New and Old Wars*. – Stanford: Stanford University Press, 1999.
- 47) Kaldor M. *Organized Violence in a Global Era*. – Cambridge: Polity Press, 1999.
- 48) Kurian N. *Multi-Level Governance in Resource Peripheries: Prospects for Northeast India*. Working Paper, SIID-04/2009. – New Delhi: Centre for Policy Research, 2009.
- 49) Marwah V. *Uncivil Wars: Pathology of Terrorism in India*. – New Delhi: Harper Collins, 1995.
- 50) McSweeney, B. *Security, Identity and Interests. A Sociology of International Relations*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- 51) Mitra S.K., Alison R.L. *Subnational Movements in South Asia*. – Oxford: Westview Press, 1996.
- 52) Nag S. *Contesting Marginality: Ethnicity, Insurgency and Subnationalism in North-East India*. – New Delhi: Manohar Publications, 2002.
- 53) Nepram B. *South Asia's Fractured Frontier: Armed Conflict, Narcotics and Small Arms Proliferation in India's North East*. – New Delhi: Mittal Publications, 2002.
- 54) Sahadevan P. *Negotiating Peace in Ethnic Wars // International Studies*. – 2006. – № 43(3). – P. 239-266.
- 55) Sahni A. *The Terrorist Economy in India's North East*. – URL.:<http://www.satp.org/satporgtp/publication/faultlines/volume8/article5.htm>> (accessed on 20 April 2016).
- 56) Sahni A., George J. *Security and Development In India's NorthEast: An Alternative Perspective // Terror and Containment Perspectives of India's Internal Security / Ed. by K.P.S. Gill*. – New Delhi: Gyan Publishing House, 2001.
- 57) Saikia J. *Terror sans Frontiers: Islamic Militancy in North East India*. – New Delhi: Vision Books, 2004.
- 58) Saikia J. *Bangladesh Treading the Taliban Trail*. – New Delhi: Vision Books, 2006.
- 59) Sen A. *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. – Oxford: Clarendon Press, 1981.
- 60) Sen A. *Development as Freedom*. – Delhi: Oxford University Press, 1999.
- 61) Sen A. *Basic Education and Human Security. Report of the Kolkata Meeting in Commission on Human Security*. compiled by Centre for Social Development Studies, Faculty of Political Science. – Bangkok: Chulalongkorn University, 2002.
- 62) Sen A. *Global Inequality and Persistent Conflicts*. Paper Presented at the Nobel Peace Prize Symposium. – Oslo, 2001.
- 63) Ramesh J. *Northeast India in a New Asia*. Seminar. – 2005. – № 550. – P. 17-21.
- 64) Taylor C. *The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition / Ed. by A. Gutman*. – Princeton NJ: Princeton University Press, 1994. – P. 25-73.

- 65) Tilly C. From Mobilization to Revolution. – New York: Random House, 1978.
- 66) Tschirgi N., Lund M.S., Mancini F. Security and Development: Searching for Critical Connections. – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2010.
- 67) United Nations Development Programme. Human Development Reports. – New York: Oxford University Press, 1990-2012.
- 68) Upadhyay A. India's Fragile Borderlands: The Dynamics of Terrorism in North East India. – London: I.B.Tauris, 2009.
- 69) Verghese B.G. India's Northeast Resurgent: Ethnicity, Insurgency, Governance, Development. – New Delhi: Konark Publishers, 1996.
- 70) Verghese B.G. Reorienting India: The New Geo-politics of Asia. – New Delhi: Konark Publishers, 2001.
- 71) Verghese B.G. Borders Matter More Than Boundaries: From the North-east Looking Out // Man and Society: A Journal of North East Studies. – 2004. – № 1(1).

**Suresh Goswami Kumar¹,
Jawaharlal Nehru University
Delhi (India)**

INDIA-RUSSIA TRADE RELATIONS IN CONTEMPORARY TIMES: EMERGING TRENDS, FUTURE PROSPECTS AND CURRENT CHALLENGES

Abstract. *India-Russia trade relations have a long history, dating back to the Soviet era. Both countries have been important trading partners for each other, with India being one of the largest buyers of Russian arms and Russia being a key supplier of oil and gas to India. However, in recent years, the trade volume has not been able to match the potential, and there have been several challenges to the growth of trade between the two countries. But with the Russia's special military operation in Ukraine this trend has reversed and trade between the two countries has boomed. This paper examines the emerging trends, current challenges, and future prospects of India-Russia trade relations, and identifies the key factors that are likely to shape the bilateral trade ties.*

Key words: *India, Russia, trade relations, historical background, current state, future prospects, challenges, factors shaping trade ties.*

Introduction

The relationship between India and Russia has been defined by special and privileged strategic partnership, grounded in a convergence of interests and values that prioritize multilateralism and a world order characterized by multi-polarity. India and Russia have a longstanding history of bilateral relations, with the 50th anniversary of the Indo-Soviet Treaty signed in 1971 by Prime Minister Indira Gandhi and Soviet leader Leonard Brezhnev serving as a recent milestone. Despite the dissolution of the Soviet Union in 1991, both nations have maintained their commitment to pre-

¹Suresh Goswami Kumar, Ph.D. student, Centre for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi (India).

Суреш Госвами Кумар, аспирант Центра Российских и Центральноазиатских исследований факультета международных отношений Университета имени Джавахарлала Неру, Нью Дели (Индия).

servicing each other's territorial integrity and sovereignty. In 2000, the two countries signed a strategic partnership, which included the establishment of annual summits to advance political dialogue. This partnership has remained uninterrupted and has encompassed a wide range of sectors, including security and defence, healthcare, energy, ship-building, outer space, nuclear technology, and others. Additionally, extensive people-to-people contact and social and cultural ties have developed over the years.

India and Russia have enjoyed a longstanding bilateral trade relationship that has continued to strengthen over the years. Despite some fluctuations in trade volumes, India and Russia have remained key trading partners, with their relationship spanning a broad spectrum of sectors, ranging from defense and energy to pharmaceuticals and IT. In recent times, both countries have renewed their commitment to strengthening bilateral trade and economic ties, with a focus on enhancing cooperation in key areas such as digitalization, agriculture, and healthcare. This paper aims to provide an overview of the recent trends and developments in India-Russia trade relations, with a focus on the drivers, challenges, and opportunities for enhancing trade and investment ties between the two countries

Emerging trends, future prospects and current challenges

India's crude oil imports from Russia have witnessed a substantial surge, escalating from a mere 0.2 percent of total crude imports to 10 percent since April 2022. This rise in imports has been fueled by Moscow's offering of crude oil at discounted rates, in a bid to restructure its customer base after European firms rejected Russian crude oil due to its involvement in the Ukraine conflict. Consequently, the imports of crude oil from Russia have surged from 25,000 barrels per day at the outset of 2022 to 600,000 barrels per day in May-June. However, the mounting imports have triggered concerns over payment mechanisms, given that previous payments were made in US dollars. This situation has emerged due to the imposition of sanctions that have resulted in several major Russian banks being disconnected from SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication).

While historically Russia and India have had a fruitful trade relationship conducted in their respective national currencies, the present-day scenario is vastly dissimilar. With both countries being integrated into the global economy, they have become subject to the forces of globalization. Since 2014, the Russian government has been attempting to de-dollarize its economy and foreign trade. Initially, these endeavors proved to be unsuccessful as Russian corporations and their international counterparts were reluctant to move away from the more reliable and stable US dollar. Only Belarus and Kazakhstan, which are Eurasian Economic Union members and Russia's closest neighbours, conducted more transactions in Rubles than India.

With the enactment of the Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA) in 2017, which prohibits significant transactions with Russian defense entities, and the US withdrawal from the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) in 2018, which banned imports of Iranian oil, prompted various actors to explore alternative currencies for transactions, as it substantially affected the utilization of the US dollar. The threat of secondary sanctions under CAATSA, for exam-

ple, led to a significant increase in the use of the Russian ruble by India in recent years. Prior to 2019, over half of Indian transfers for Russian goods and services were made in US dollars, but after the start of payments for the S-400 contract, inflows in rubles have exceeded the dollar's share significantly. In 2021, 53.4 percent of all payments from India to Russia were in rubles, while 38.3 percent were in dollars. India became a leading foreign country to switch to the Russian currency, with only Belarus and Kazakhstan, as members of the Eurasian Economic Union and Russia's closest neighbors, conducting more transactions in rubles than India. Other BRICS partners have been more hesitant to utilize the Russian currency, and even China mainly made payments in Dollars (36 percent) and Euros (48 percent).

Regarding outgoing transactions, the Yuan was the only alternative currency that stood out, as its share in all Russia's payments to China reached nearly a third by the end of 2021. In contrast, 70 percent of Russian payments to India were made in dollars. Statistics reveal that before the war in Ukraine, the dollar, euro, and other currencies still made up a significant part of Russia's foreign trade. Nonetheless, due to the sanctions imposed by Western nations, Japan, South Korea, and Singapore, and the exclusion of its leading banks from SWIFT, creating alternative settlements for foreign trade has become essential for the survival of the Russian economy.

On July 11th, India announced the adoption of the Indian Rupee (INR) as the currency for international trade settlement. This initiative permits the invoicing, payment, and settlement of exports and imports in INR. The move is intended to facilitate trade relations between India and its partner countries, such as Russia, by enabling importers to pay for goods and services in rupees, instead of relying on the commonly used dollar currency for bilateral trade. To carry out this operation, authorised Indian banks will be permitted to open rupee Vostro accounts on behalf of foreign banks from trading partner countries. These Vostro accounts will receive payments in INR from Indian importers, which will be subsequently utilized to pay Indian exporters. The necessity for such a mechanism arose due to reports of Indian firms resorting to other currencies, such as Dirhams and Yuan, to settle payments with Russia. While the announcement does not explicitly specify Russia, experts predict that countries such as Russia and Iran, who are currently under sanctions, would benefit the most from using INR for trade settlement. However, countries that are not under any sanctions are more likely to prefer receiving payments in freely convertible currencies such as dollars, Euros, or Yen, to enable them to pay for their imports in the global market. This can be observed in the case of the Yuan, which despite increasing its share, still accounts for a mere 3.2 percent of global payments, with the dollar and euro continuing to dominate the market.

The announcement of a settlement of international trade in Indian Rupees (INR) between India and Russia raises questions concerning the determination of the exchange rate, given the current economic state of both countries. The Reserve Bank of India (RBI) has stated that the exchange rate shall be market determined; however, as both currencies are facing difficulties, this task is not straightforward. The Indian rupee has witnessed a sharp depreciation, touching 80 to a dollar in July, whereas the ruble's true exchange rate cannot be determined due to the strict capital controls and

absence of trade. This situation complicates the determination of a market exchange rate, leading to potential intervention by central banks. Furthermore, settlements in national currencies present a challenge due to trade deficits, which often leave one partner with an excess amount of currency, leading to their rarity in international trade. In this case, since India imports more from Russia than it exports, a rupee balance would accumulate for Russia in the Vostro account, raising the question of how to spend the remaining INR after paying for exports. The deficit for India with Russia was US\$6.62 billion in 2021-22, highlighting the need for a rise in exports. However, the actual gains can be assessed only after Indian businesses significantly increase their exports to Russia. The RBI has suggested addressing the rupee balance issue through payments for projects and investments, government securities, and joint ventures in defence. The Indian government and central bank remain sensitive to western sanctions and the threat of secondary sanctions, which must be considered when selecting the Indian banks to set up Vostro accounts, given the risks associated with their international operations. Additionally, sanctions on Russian banks necessitate careful consideration. Indian trade organisations see opportunities for businesses in sectors where western companies have exited, such as pharma, agriculture, food products, consumer goods, and electronics, potentially contributing to a rise in exports to Russia.

Russia and India are working to find solutions to circumvent sanctions, but the sustainability and effectiveness of the newly established mechanism raise some important questions. Issues such as the real value of the Russian rouble and the potential use of yuan for trade settlement need to be considered. The success of the settlement system may depend on whether the trade deficit can be reduced through an increase in Indian exports, particularly with the exit of Western firms. While the arrangement in rupees could potentially shield bilateral trade from restrictions imposed on Russian companies, it is unlikely to significantly increase turnover beyond energy and raw material imports. Moreover, unresolved structural issues such as connectivity, tariff and non-tariff barriers, lack of business interest, and excessive regulations in both markets could complicate the incorporation of the new mechanism. These issues must be addressed for the new mechanism to be viewed as more than just a short-term solution.

Private Indian businesses, which have a limited presence in Russia, may be hesitant to enter a market under strict Western sanctions unless the terms are attractive. However, Russia, having been cut off from the West, now has an incentive to develop partnerships with Indian companies, which are viewed as a source of investment. The INSTC is being operationalized, and new avenues and sectors to enter the Indian market are being explored. Uncertainties surrounding future sanctions against Russia, including the threat of secondary sanctions, continue to cast a shadow on bilateral engagements in the long term. It remains to be seen how Russia will respond to the settlement system, indicating whether it is a viable long-term solution. While the proposed mechanism may not be a panacea, it could provide a temporary lifeline to ensure sustainable trade of critical goods

Prospects of Co-operation

In a recent virtual meeting of the Eastern Economic Forum 2021, Prime Minister Narendra Modi highlighted the historical and civilisational significance of

ter Narendra Modi highlighted the historical and civilisational significance of 'San-gam', emphasising the geo-strategic location of Vladivostok as a true 'Sangam' of Eurasia and the Pacific. This location is becoming increasingly important due to the opening up of the Northern Sea Route (NSR) as a result of Arctic sea-ice melt, which has made the region a potential hub for shipping between Europe and Asia. The Arctic region is also opening up new opportunities for hydrocarbons and other resources that have remained unexplored beneath the ice. As Russia holds a dominant position in the Arctic, it considers the region as its strategic backyard, and the country's leadership has prioritised the Arctic's economic potential. To this end, Russia has renewed its ice-breaker fleets and is investing in infrastructure and mineral extraction in the Arctic. Despite concerns raised by the US about Russia's growing military presence, President Vladimir Putin has dismissed these concerns and stated that Russia is merely "restoring the destroyed infrastructure" in the Arctic. Recently, Russia's deputy prime minister predicted that year-round shipping via the NSR will be possible by 2023, with the Arctic warming faster than other regions of the world. An ice-free sea route is thus likely to become a reality in the near future.

The Arctic region has emerged as a new frontier for opportunities and cooperation in recent times. During the 20th India-Russia Annual Summit in September 2019, Prime Minister Modi highlighted the importance of the Arctic, marking the first instance of its mention in bilateral engagements. The Joint Statement issued after the summit expressed India's interest in collaborating with Russia in the Arctic, with a willingness to play an active role in the Arctic Council. Following this, in January 2020, the Ministry of External Affairs and the Syama Prasad Mookerjee Research Foundation organised the Ganga-Volga Dialogue of Civilisations, which focused on four themes: education, culture, entrepreneurship and innovation, and trade routes, including inland navigation.

Notably, the Arctic offers a platform to showcase India's civilisational connections and soft power, which has not received sufficient emphasis. Bal Gangadhar Tilak, a prominent leader of India's independence movement, published *The Arctic Home in the Vedas* in 1903, which posited that the ancestors of India's ancient Vedic civilisation lived in the Arctic region. This was the first time that the Arctic was brought into India's racial debate. However, Tilak's thesis of Aryan migration was later challenged by 'Out-of-India' proponents who claimed that the Indo-European languages originated in India and moved westwards. Nevertheless, Tilak's findings on the Arctic serve as a valuable historical legacy that should be highlighted, and his work celebrated as a knowledge heritage.

Oil and Gas

India's growing demand for energy has led to a keen interest in partnering with Russia to explore hydrocarbon potential in the Arctic region. The Barents area, rich in natural gas and mineral deposits such as iron ore, presents significant opportunities for India's growing economy. Russia has prioritized oil and gas development projects in the Arctic, with estimates suggesting that the region contains between 3 and 25 per cent of the world's total oil and gas resources. Over half of Russia's export revenues come from

hydrocarbons, and the country's major state-owned energy companies, including Gazprom, Novatek, and Rosneft, have already started exploration projects in the Arctic, particularly on the Yamal and Gydan peninsulas. Russia's national strategy document, "Strategy for Developing the Russian Arctic Zone and Ensuring National Security until 2035," outlines the country's energy outlook and emphasizes the need to enhance production capabilities and seek new avenues for oil and gas exploration in the high North and Russia's Far East. However, there are questions surrounding the technical and financial viability of these projects, particularly in light of low oil prices and a lack of technology. Despite these challenges, India remains a significant investor in the Russian oil and gas sector, with investments totaling US\$16 billion. India's ONGC Videsh Limited (OVL) currently holds a 20 per cent stake in Russia's Sakhalin-1 oil and gas project, and in 2016, a consortium of Indian oil and gas companies acquired stakes in JSC Vankorneft and LLC Taas-Yuryakh fields. India's interest in augmenting its energy security has led to the signing of separate MoUs between OVL and IOC with Gazprom.

Prime Minister Modi has emphasized the importance of energy cooperation as a "major pillar" of the India-Russia strategic partnership, noting that it can help bring stability to the global energy market. The involvement of Indian workers in developing Russia's major gas projects in the Amur, Yamal, and Vladivostok regions has further strengthened the energy cooperation between the two countries

Shipping Connectivity

The melting of Arctic ice has not only created opportunities for the exploration of natural resources, but has also opened new shipping routes. Among the major Arctic routes, the Northern Sea Route (NSR) along the Russian coast is gaining increasing attention as it offers the shortest maritime route between East Asian and Western European ports. It has been estimated that using the NSR instead of the Suez Canal would shorten the distance from Shanghai to Rotterdam by 30% and reduce travel time by 10-12 days. Similarly, the distance from Yokohama to Rotterdam would be reduced by 40%. While the NSR has limited prospects for India, it could offer a strategic alternative for India's energy shipments once the oil and gas fields in the Russian high north are developed.

The Chennai-Vladivostok Maritime Corridor (CVMC) is being developed to connect the ports of Chennai, Visakhapatnam, and Kolkata with Vladivostok, Vostochny, and Olga on the east coast of Russia. This corridor will act as an extension to the NSR and enhance connectivity between India and Russia. Once operational, the CVMC will reduce the time taken for cargo transfer between India and Russia to 24 days from the current 40 days via the European route. This will enhance India's strategic position in the Indo-Pacific region by reducing its reliance on the South China Sea and securing its energy and trade shipments from the Russian Far East. The CVMC will also offer a strategic alternative for Russia by diversifying its energy and other exports from the Far East to India and East Asian countries, thereby reducing its dependence on exports to China. Additionally, the CVMC will involve Russia in the emerging geopolitics of the Indo-Pacific.

Manpower and Seafaring

To effectively carry out resource extraction projects in the Arctic and Russian Far East, a highly skilled workforce of seafarers with expertise in polar operations is necessary. India, currently ranking third globally, provides 9.35% of seafarers in the maritime industry, making it well-positioned to take advantage of emerging shipping activities. By providing training to both its current and future generations of seafarers in polar waters, India can benefit from the increasing demand for skilled labor in the region. In addition to the long-standing popularity of Russia as a destination for Indian students studying MBBS, seafaring courses offered at Russian universities can also provide Indian youth with the skills necessary to excel in the maritime industry. With an average age of 29 years, India boasts the world's fifth-youngest population, making it the largest emerging consumer market and workforce provider, both skilled and unskilled. As opportunities for economic growth increase, the Russian Arctic, with its sparse population, could become a sought-after destination for migration. With common social affinities between Indians and Russians, these opportunities could be beneficial for both nations and lead to the creation of multiple opportunities.

Arctic Tourism

Arctic tourism presents an area of potential cooperation between India and Russia. Although the number of Russian tourists visiting India is higher than the number of Indians travelling to Russia, the overall figures between the two countries remain significantly low compared to other destinations. Russia's tourism industry contributes US\$23 billion (1.66 trillion rubles) to its GDP and aims to increase incoming tourism by promoting its culture, nature, and hospitality. In 2019, tourism revenues in India reached an all-time high, contributing US\$121.9 billion to its GDP. However, both countries need to enhance their efforts to attract tourists. Russia has identified India as its top-priority market, and charter flights from Russia to Goa have recently been approved as India opens up to foreign tourists. The Arctic region, with its beautiful and fragile landscape and the mystical northern lights, offers a unique experience for tourists. Russian tour companies could capitalize on this opportunity by promoting the Arctic as a destination for Indian tourists. Cooperation between the Indian Ministry of Tourism and the Russian Federal Agency for Tourism could strengthen efforts to promote the Arctic as a prime destination. Additionally, the picturesque Arctic scenery may offer rich opportunities for the Indian film industry to shoot cinematography on location.

Science and Climate Change Research

Climate change research is a crucial area of India's involvement in the Arctic. The country seeks to study and observe various aspects of the Arctic's glaciology, atmosphere, biological, marine, and earth sciences. Indian scientists stationed at the Himadri research station in Nye Alesund, located on the Svalbard archipelago in Norway, focus on investigating teleconnections between Arctic climate and the Indian monsoon. This research is essential to India's agricultural productivity, as environmental changes in the Arctic have direct implications for the country's monsoons. Moreover, India has a long coastline of approximately 7516 sq. km, with around

14.2% of its population residing in coastal cities, towns, and villages. Therefore, the ongoing Arctic ice retreat, which is contributing to rising sea levels in the Indian and Pacific Oceans, poses significant threats to these coastal areas, making it crucial to study these environmental changes.

India maintains robust scientific and technical cooperation with Russia through various institutional-level mechanisms, such as the Working Group on Science and Technology, the Integrated Long Term Programme (ILTP), and the Basic Science Cooperation Programme. Other platforms that promote scientific collaborations include the India-Russia Bridge to Innovation, cooperation in Telemedicine, the creation of a Traditional Knowledge Digital Library (GIAN), and the Russia-India Network (RIN) of universities. The scientific expertise of India in Antarctica and the Himalayas is well established, and it seeks to expand its research efforts to the Arctic. To this end, significant scientific collaborations can be developed between marine biologists, glaciologists, atmospheric scientists, universities, and centers of excellence in both India and Russia.

Polar Medicines

India and Russia enjoy a robust collaboration in medical science research and pharmaceuticals, with promising opportunities in exploring the potential of polar medicines. The Arctic region's melting sea ice is leading to the emergence of various infectious viruses, which has raised concerns among Arctic scientists. Of particular worry is the discovery of antibiotic resistance genes in the Arctic ecosystem, which may pose a threat to human and animal health. In 2013, the detection of a "metallo- β -lactamase-1 gene" (known as blaNDM-1) in the Arctic, which was first identified in a hospital patient in India in 2007, highlights the long-range migration pattern of such genes. However, the unique adaptations of organisms in the harsh Arctic environment can also offer potential for new drug discoveries. Therefore, bioprospecting for drug development could be an essential area of cooperation between India and Russia.

Digital Connectivity

Digital connectivity is becoming increasingly important in the Arctic, alongside the emerging maritime shipping routes. The region is being connected to the world through undersea fibre optic cables and satellites, enabling significantly improved internet connectivity. Russia's 'Polar Express' project, which involves laying 12,500 km of fibre optic cable to connect all major Russian regions along the NSR from Murmansk to Vladivostok with high-speed internet, is a significant development in this regard. India and Russia have a longstanding collaboration in outer space, and India's reputation for launching cost-efficient satellites is well established. Given the extreme weather conditions in the polar region, satellite connectivity offers greater resilience than optic cables. However, to achieve complete connectivity in the Arctic, multiple satellites in low earth orbits are required. The Indian Space Research Organisation's (ISRO) Antrix could lead such satellite launches at cost-effective prices. Additionally, India's IT sector could provide technology solutions to Russia in developing the software technology infrastructure required for the region. The Arctic could

be a prime location for the establishment of big data hubs. Hence, both the space and IT sectors offer promising areas of collaboration.

Strategic Cooperation

India and Russia maintain their cooperation in defence and security matters through the India-Russia Inter-Governmental Commission on Military Technical Cooperation (IRIGC-MTC), with the defence ministers meeting annually. The Reciprocal Exchange of Logistics Agreement (RELOS) and a proposed Navy-to-Navy Memorandum of Understanding (MoU) are among the initiatives that grant India access to Russian naval port facilities in the Arctic. Such agreements could provide the Indian Navy with greater reach and operational experience in polar waters, thereby enhancing its overall strategic advantage. In return, Russia can access Indian naval port facilities in the Indian Ocean. India's presence in the Arctic can act as a strategic counterbalance to China's strategic positioning in the region, despite the existing synergy between Russia and China. Furthermore, the historical military coordination between Indian and Russian troops and the significant percentage of Russian military hardware in the Indian armed forces can bolster military interoperability between the two nations in any future hostile scenario.

India and Russia are two countries that are physically distant from each other, but are interconnected through the geographies of the Himalayas, also known as the Third Pole, and the Arctic. The Third Pole and the Arctic are regions that are significantly affected by global climate change, and this inter-connectivity makes India and Russia natural partners for cooperation in this area. With the long-standing relationship and formal mechanisms of cooperation between the two countries, the Arctic presents new opportunities for joint investments and partnerships, including joint oil and gas development projects, connectivity through shipping and fibre optic routes, and potential benefits in tourism, medicine, and seafaring. As climate change trends remain critical for the future, it is important for India and Russia to explore new areas of mutual benefit in the Arctic.

Conclusion

The relationship between Russia and India has undergone significant changes since the Cold War era, which was characterized by Soviet arms sales to India, shared economic philosophies, and a geopolitical alignment against the United States, China, and Pakistan. Although Russia remains a major supplier of weapons to India, India's desire to diversify its sources of arms and develop its own defense industry has led to a decline in Russian arms deliveries in recent years. Additionally, the Russia-China partnership has intensified, making it harder for Russia to maintain its partnership with India in the face of increasing US-China tensions and China-India disputes. Despite these challenges, the partnership between Russia and India will likely continue, as India remains an important market for Russian arms and oil. India's independent foreign policy and willingness to maintain ties with both Russia and the US make it an attractive partner for Russia. Overall, the evolving relationship between Russia and India highlights the challenges faced by countries seeking to maintain partner-

ships in an increasingly multipolar world, where power dynamics are constantly shifting, and new alliances are being formed.

References

- 1) Anthony I. Economic Dimensions of Soviet and Russian Arms Exports // SIPRI. – 2019. – May 25.
- 2) Bakshi J. India-Russia Defence Co-operation // Strategic Analysis. – 2006. – № 30(2). – P. 449-466.
- 3) CNBC. India Becomes Biggest Foreign Buyer of US Weapons. – 2019, July 18, 2019.
- 4) Conley J. Indo-Russian Military and Nuclear Cooperation: Implications for U.S. Security Interests // INSS Occasional Paper. 2000. – № 31. – P. 11.
- 5) Department of Commerce. Export Import Data Bank: Country – wise: Russia. – 2019, October 9.
- 6) Dobbins J., et al. A Warming Trend in China-Russia Relations. – 2019, October 9.
- 7) Embassy of India Moscow. Bilateral Relations: India-Russia Relations. – 2019, October 9.
- 8) Embassy of India. Bilateral Relations: India-Russia Relations. – 2019, June 15.
- 9) Embassy of India. India-Russia Defence Cooperation. – 2019. – May 30.
- 10) Exim Bank of India. Potential for Enhancing India's Trade with Russia: A Brief Analysis // Working Paper. – № 42. – 2019, July 2.
- 11) Gabuev A. Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis. – Carnegie Moscow Center, 2019, May 2.
- 12) Gabuev A. Shanghai Cooperation Organization at Crossroads. – Carnegie Endowment for International Peace. – 2019, October 9.
- 13) Gabuev A. Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations after the Ukraine Crisis. – Carnegie Moscow Center. – 2019, July 2, 2019.
- 14) Gady F.-S. India-Russia Aircraft Deal Terminated // Diplomat. – 2019, May 26.
- 15) Gidadhubli R.G. Moving Towards Consolidation: India-Russia Trade Relations // Economic and Political Weekly. – 1998. – № 33(3). – P. 91-92.
- 16) Hanada R. The Role of U.S.-Japan-Australia-India Cooperation, or the “Quad” in FOIP: A Policy Coordination Mechanism for a Rules-Based Order. – Center for Strategic and International Studies, 2019, May 26.
- 17) Indian Defense Industries // Russia. – 2019, October 9.
- 18) Joshi N., Sharma R.K. India-Russia Relations in a Changing Eurasian Perspective // India Quarterly. – 2017. – № 73(1). P. 36-52.
- 19) Kortunov S. The Influence of External Factors on Russia's Arms Export Policy // SIPRI. – 2019. – May 25.
- 20) Kremlin. Plenary Session of St Petersburg International Economic Forum. – 2019, October 19.
- 21) Kumo K. Demographic Situation and Its Perspectives in the Russian Far East: A Case of Chukotka // RRC Working Paper Series. – 2019, October 19.
- 22) Lanteigne M. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the Crimea Effect // The Russia's Turn to the East. Global Reordering / Ed. by Helge Blakkisrud and Elana Wilson Rowe. – Palgrave Pivot, Cham, 2018. – P. 119-138.
- 23) Lavrov S. Foreign Minister Sergey Lavrov's Remarks and Answers to Media Questions During the Russia-Vietnam Conference of the Valdai Discussion Club. – 2019, October 19, 2019.
- 24) Lavrov S. Foreign Minister Sergey Lavrov's Remarks and Answers to Media Questions during the Russia-Vietnam Conference of the Valdai Discussion Club” // Valdai Discussion Club. – 2019, July 12.
- 25) Livemint. Essar Oil, Rosneft Say \$13 Billion Sale Completed. – 2019, October 11.
- 26) Lo B. New Order for Old Triangles? The Russia-China-India Matrix // IFRI. - 2019, June 9.
- 27) Lukin A. Russia and China: The New Rapprochement. – Cambridge: Polity Press, 2018.
- 28) Ministry of External Affairs. India-Russia Relations, July 2013. – 2019, October 9.

- 29) Ministry of External Affairs. India-Russia Relations, June 2015. – 2019, October 9.
- 30) Ministry of External Affairs. Informal Summit Between India and Russia. – 2019, May 17.
- 31) Ministry of External Affairs. List of MOUs/Agreements Signed During the 18th India-Russia Annual Summit. – 2019, June 1.
- 32) Ministry of External Affairs. Official Spokesperson's Response to a Query on Participation of India in OBOR/BRI Forum. – 2019, October 19.
- 33) Ministry of External Affairs. Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue". – 2019, June 19.
- 34) Ministry of External Affairs. Saint Petersburg Declaration by the Russian Federation and the Republic of India: A Vision for the 21st Century. – 2019, July 8.
- 35) Ministry of External Affairs. Transcript of Media Briefing by Foreign Secretary on the bilateral meeting between India and Russia on the sidelines of SCO Summit 2019 in Bishkek. – 2019, July 15.
- 36) Ministry of External Affairs. Visit of Prime Minister to Russia. – 2019, May 25.
- 37) Ministry of External Affairs. Joint Statement: Celebrating a Decade of the India-Russian Federation Strategic Partnership and Looking Ahead. – 2019, May 30.
- 38) Ministry of Petroleum and Natural Gas. Annual Report 2019-19. – 2019, October 9.
- 39) Ministry of Tourism. Indian Tourism Statistics at a Glance 2018. – 2019, June 19.
- 40) Mitra D. Pakistan Critical to Defeating ISIS, Says Russian Special Rep to Afghanistan // Wire. – 2019, July 8.
- 41) Office of the United States Trade Representative // India. – 2019, October 9.
- 42) Pandit R. US pips Russia as Top Arms Supplier to India // The Times of India. – 2019, 5 June.
- 43) Pant H.V. India-Russia Ties and India's Strategic Culture: Dominance of a Realist Worldview // India Review. – 2013. - № 12(1). – P. 1-19.
- 44) Peri D. Army Invokes Emergency Powers for Missile Deal // The Hindu. – 2019, July 2.
- 45) PIB. India-Russia: an Enduring Partnership in a Changing World. – 2019, July 19.
- 46) PIB. Joint Statement on the Visit of President of the Russian Federation to India for 15th Annual India-Russia Summit. – 2019, May 26.
- 47) PIB. Signing of Military and Defence Agreements. – 2019, June 8.
- 48) President of Russia. Prime Minister of India Narendra Modi Presented with Order of St Andrew the Apostle the First-Called. – The Kremlin. – 2019, June 20.
- 49) PTI. Engagement in Indo-Pacific Not Directed at Any Country: India to Russia. – 2019, June 1.
- 50) PTI. India Attaches 'Highest Importance' to Ties with Russia: Sushma Swaraj. – 2019, July 2.
- 51) PTI. India Tells Russia to Go Ahead with FGFA Project; Says It May Join at a Later Stage. – 2019, June 13.
- 52) PTI. Modi-Xi Summit in Wuhan Removed Several Misconceptions Between India and China: Indian Envoy. – 2019, July 2.
- 53) Razdan N. Russia Says Military Drill With Pakistan Not In Pak-Occupied Kashmir. – 2019, June 19.
- 54) Report of the India-Russia Joint Study Group. – 2019, 12 May.
- 55) RT. China Tops List of Russia's Biggest Trade Partners. – 2019, October 9.
- 56) RT. Russia's Trade with China Surges to More than \$107 Billion. – 2019, June 23.
- 57) Russia Direct. How to Take Russia-India Economic Ties to the Next Level. – 2019, 15 June.
- 58) Russia International Affairs Council and Vivekananda International Foundation. 70th Anniversary of Russia-India Relations: New Horizons of Privileged Partnership // RIAC, 2019, July 2.
- 59) Shukla A. Russia, Already India's Biggest Arms Supplier, in Line for More // Business Standard. – 2019, October 9.
- 60) Siemon T. Wezeman et al. Developments in Arms Transfers, 2017 // SIPRI Yearbook. – Oxford: Oxford University Press, 2018.
- 61) Singh A. India's Relations with Russia and Central Asia // Royal Institute of International Affairs. – 1995. – № 71(1). – P. 69-81.

- 62) Singh Roy M. Strategic Contours of Connectivity between India and Russia // A New Era: India-Russia Ties in the 21st Century. – Moscow: Rossiyskaya Gazeta, 2015.
- 63) Singh Roy M. The Trajectory of India-Russia Ties: High Expectations and Current Realities // Indian Foreign Affairs Journal. – 2016. – № 11(4). – P. 322-331.
- 64) Stepanova E. Russia's Afghan Policy in the Regional And Russia-West Contexts" // IFRI. – 2019, June 14.
- 65) Suhag V. China's Attractiveness as a Tourist Destination for the Russian Traveler. Inferences India Should Draw // Eurasian Studies. – 2019, October 9.
- 66) Tellis A. Modi's Three Foreign Policy Wins. – Carnegie Endowment for International Peace. – 2019, July 10.
- 67) Tellis T. Narendra Modi and US-India Relations // New India: Transformation under Modi Government / Ed. by Bibek Debroy et al. – New Delhi: Wisdom Tree, 2018.
- 68) Tellis T. Troubles Aplenty: Foreign Policy Challenges for the Next Indian Government. Carnegie Endowment for International Peace. – 2019, June 1.
- 69) The Asan Forum. Prospects and Limitations of Russo-Chinese Economic Relations. – 2019, October 9.
- 70) The Embassy of the Russian Federation to the United Kingdom. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation 2016. – 2019, July 19.
- 71) Trenin D. From Greater Europe to Greater Asia? The Sino-Russian Entente. – Carnegie Moscow Center, 2019, May 24.
- 72) Trenin D. Pressing Need to Tap Potential of Bilateral Ties // A New Era: India-Russia Ties in the 21st Century. – Moscow: Rossiyskaya Gazeta, 2015.
- 73) Tsan K. Re-Energizing the Indian-Russian Relationship: Opportunities and Challenges for the 21st Century // Jindal Journal of International Affairs. – 2012. – № 2(1). – P. 140-184.
- 74) Unnikrishnan N., Purushothaman U. Russian Far East & Opportunities for India // Observer Research Foundation. – 2019, October 9.
- 75) Wezeman P.D. Trends in International Arms Transfer 2018 // SIPRI. – 2019, June 18.
- 76) Wezeman P.D., Wezeman S.T. Trends in International Arms Transfer 2014 // SIPRI. – 2019, June 8.
- 77) Xinhua. China, ASEAN Countries Agree to Forge Closer Ties. – 2019, October 19.
- 78) Zakharov A. Exploring New Drivers in India-Russia Cooperation // ORF Occasional Paper. – 2017. – № 124. – P. 1-34.

ЛИТЕРАТУРА КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО В РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. *Отношения России и Индии имеют давнюю историю и начались еще до момента обретения Индией независимости. Советский Союз оказывал Республике Индия помощь и поддержку в разных областях. Укреплялось сотрудничество в сфере культуры. Связующим звеном между двумя странами и катализатором в формировании интереса к народной культуре стала литература. В течение довольно длительного периода в Советском Союзе издавались книги для индийского читателя. Перевод книг на основные языки Индии и низкая стоимость делали их доступными для широких масс общества; русская классическая и детская литература обрели в Индии любовь и популярность. После распада СССР и прекращения поставок книг русская литература в Индии стала забываться. Россия предпринимает попытки возобновить и укрепить культурные контакты. На сегодняшний день заметна положительная тенденция на возвращение русских книг в Индию. Этому способствует участие в международных книжных ярмарках в Индии, деятельность филологов-славистов и переводчиков.*

Ключевые слова: *русская литература, Индия, российско-индийское сотрудничество, российско-индийские отношения в сфере культуры, книжные ярмарки.*

Индийско-российские отношения существуют с давних времен, они начали развиваться еще до обретения Индией независимости. Народы наших стран проявляют обоюдный интерес к национальным культурам и относятся друг к другу с симпатией. Когда заходит речь о культурных связях между Россией и Индией, то чаще всего вспоминают следующие сюжеты: путешествие в Индию тверского купца Афанасия Никитина в XV в., создание русского театра в Калькутте Герасимом Лебедевым, деятельность Рерихов, визит Рабиндраната Тагора в Москву, переписку Махатмы Ганди с Л.Н. Толстым. Как видно, эти сюжеты тем или иным образом связаны с литературой, которая играет особую роль в формировании интереса к культуре и становится одним из звеньев, мостиков, соединяющих наши страны.

Визит Р. Тагора в сентябре 1930 г. в Москву важен, хотя Рабиндранат пробыл здесь всего две недели вместо запланированного месяца. Россия произвела на писателя большое впечатление. Поездка Тагора в Москву широко комментировалась в индийской и мировой прессе, отзывы поэта о Советском Союзе ждали с нетерпением. Впоследствии произведения Тагора о России стали

¹Козлова Александра Алексеевна, кандидат исторических наук, н.с. Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия;
Alexandra A. Kozlova, PHD (History), Research Fellow, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IVRAN); kaa-iaas@mail.ru ORCIDID:0000-0003-3799-6086

важным источником информации о Советском Союзе, о внутренней и внешней политике советского руководства [7, с. 94-109].

Переписка между М.К. Ганди и Л.Н. Толстым длилась недолго, всего около года: с октября 1909 г. по сентябрь 1910 г. На адрес Ясной Поляны приходили письма и от других индийцев, что свидетельствует о популярности Л. Толстого среди индийской читающей публики. Тема «пассивного сопротивления» стала центральной в переписке Махатмы Ганди с Львом Толстым. Ганди ждал и получил от Толстого авторитетную поддержку своему «пассивному сопротивлению», а Толстой видел в этом «пассивном сопротивлении» развитие своей проповеди «непротивления злу насилием» [13, с. 253]. По мнению исследователя С.Д. Серебряного, тема «Толстой и Ганди» остается огромным малоизученным полем, скрывающим в себе еще немало загадок и неожиданностей.

Интерес к этому сюжету не стихает – в сентябре 2019 г. в музее-усадьбе Ясная Поляна Центром индийских исследований Института востоковедения РАН совместно с Посольством Индии в РФ и Российским государственным гуманитарным университетом была проведена международная конференция «Махатма Ганди и Лев Толстой», посвященная 150-летию Махатмы. Конференция была устроена в рамках мероприятий, организованных в 2019 г. Культурным центром имени Джавахарлала Неру в честь 150-летия Махатмы Ганди. Ряд мероприятий был направлен на распространение послания Махатмы Ганди в Российской Федерации.

Большую роль в укреплении отношений в области науки и культуры в советский период сыграло Гостелерадио. Индийская редакция иновещания Всесоюзного радио вела передачи на основных языках Индии. Многие передачи находили отклик у индийского слушателя. Из Индии приходили многочисленные письма, отклики, благодарности за освещение многих аспектов жизни советских людей [7, с. 301]. Успех имели радиопостановки из русской классики для индийских слушателей. Переводчик Анил Джанвиджай² поделился воспоминаниями о начале своей работы на Гостелерадио: «Были передачи на Индию. Один диктор-индиец, остальные русские. И вот этот диктор-индиец заболел. Они вышли на меня, я начал туда ходить сначала просто так, то есть получал деньги за каждый день работы, а через год меня оформили официально» [2].

К сожалению, сегодня это связующее звено потеряно – радиовещания на индийских языках больше нет, живая аудитория фактически утеряна, обмен мнениями находится на низком уровне. Проблемы в работе Гостелерадио начались в 1991 г. В 2013 г. радиослужба «Голос России» была расформирована. В ноябре 2014 г. российской медиагруппой «Россия сегодня» был запущен бренд *Sputnik* – современное информационное агентство, продукты которого включают новостные ленты, веб-сайты, социальные сети, мобильные приложения, ра-

² Анил Джанвиджай – крупнейший индийский переводчик русской поэзии и прозы, основатель и главный редактор литературных сайтов на языке хинди «Кавита Кош» (Собрание поэзии) и «Гадья Кош» (Собрание прозы). Перевёл на хинди и опубликовал в Индии около 60 русских книг, включая романы и сборники рассказов Н. Гоголя, А. Горького, Ф. Достоевского, А. Чехова, В. Шукшина, в поэтических сборниках и журнальных подборках – стихи А. Ахматовой, А. Блока, И. Бродского, И. Бунина, В. Высоцкого, Н. Гумилёва, С. Есенина, М. Лермонтова, О. Мандельштама, В. Маяковского, А. Пушкина, Н. Рубцова и др.

диопередачи и мультимедийные пресс-центры. Агентство освещает глобальные политические и экономические новости, ориентированные на международную аудиторию [1]. Несмотря на то, что сегодня редакция *Sputnik* работает более чем на 30 языках, сложно говорить о том, что новому бренду удалось покорить аудиторию Южной Азии. *Telegram*-канал на английском языке, ориентированный на индийскую публику *Sputnik News India* насчитывает 1828 подписчиков, а хинди-язычный *telegram*-канал *Sputnikभारत* – всего 346 подписчиков (май 2023 г.).

Отказ от старых сайтов и программ, создание новых интернет-страниц и переход на английский язык стал опрометчивым решением – почти миллиарду человек отрубили доступ к русской культуре. Несмотря на то, что английский является вторым государственным языком в Индии, им владеют не более 7–10% населения, а уверенных пользователей вовсе около 5% [там же].

Закрытие передач на хинди остро переживал Анил джи: «В Индии был очень хороший сайт на хинди, они его закрыли. Отключили и всё! На Гостелерадио тоже был свой сайт, на хинди было 5–6 сайтов русских, все сайты закрыли. Весь наш труд, то есть переводы русской культуры... Очень много материалов там было. Теперь нет ничего!» [1].

Помимо радиовещания горячую любовь и широкое признание в Индии получили книги наших отечественных авторов. С начала 1950-х гг. и практически до распада СССР в Индию поставлялись большие партии советских книг, выпускаемых издательствами «Прогресс», «Мир», «Радуга» как на английском, так и на индийских языках. Публиковалась не только классика русской литературы, но и современные на тот момент авторы. В издательстве «Прогресс» книги переводились на 13 языков Индии. Часто переводы на хинди осуществлялись с английского языка. Как отметил Анил Джанвиджай, переводами с русского языка на хинди занимались несколько человек, причем, не все они владели обоими языками в совершенстве: «Человек занимается переводами и не знает значения слова «майка». Какая «майка», что это – они не знают, потому что не жили здесь. Спрашивают меня, что значит слово «мент», то есть не знают простейших слов. Не понимают русских пословиц и поговорок» [2]. Анил Джанвиджай справедливо отмечает, что для того, чтобы понимать русский язык, надо «не просто пожить в России – надо обжиться, надо жить с русскими, по-другому никак» [2].

Особой популярностью в советский период в Индии пользовалась детская литература – например «Денискины рассказы» В. Драгунского или «Три толстяка» Ю. Олеши. Наиболее важным «достоинством» книгопечатной продукции была низкая цена, что делало книги доступными максимально широкому кругу лиц. Книги советских авторов привлекали индийского читателя тем, что были более «реальными» и «повседневными». Детская литература рассказывала о быте, приключениях и проблемах простых школьников, а не о фантастичных мирах эльфов, троллей и странствующих волшебников. В результате, на советских книгах выросло целое поколение индийских детей.

«Денискины рассказы» В. Драгунского помнят и любят в Индии и сегодня. В сентябре 2021 г. в Мумбаи в онлайн-формате прошла встреча поклонников «Денискиных рассказов». Мероприятие было организовано совместно с Литера-

турным клубом имени Ф.М. Достоевского, созданным при Обществе индийско-русской дружбы Западной Индии. В литературном вечере участвовали преподаватели и студенты, обучающиеся на кафедрах русского языка в девяти университетах Западной Индии. Во встрече принял участие Денис Драгунский, сын автора, прототип многих историй книги. Он рассказал участникам о своем отце, о том, как писались «Денискины рассказы». Денис Викторович «с радостным удивлением узнал, что одна из участниц встречи получила в подарок «Денискины рассказы» на хинди, когда ей было шесть лет, а теперь она читает эту книгу своему сыну» [9]. На встрече также выступили профессор русского языка из Университета города Пуна Анагха Бхат, которая перевела рассказы Драгунского на маратхи, и профессор Чарумани Рамдас, которая перевела эту книгу на хинди. Участники встречи договорились впоследствии провести презентацию «Денискиных рассказов» в колледжах Мумбаи [там же].

Русская литература и сегодня тепло принимается населением Индии, хотя после распада СССР прогресс, достигнутый в данной сфере, был почти полностью утрачен. Профессор Мадан Лал Мадху³ отмечал, что «до распада СССР был большой интерес в Индии к русской литературе, особенно к классике и детским изданиям – Маршака, Чуковского, Барто. Книги стоили дешево, Советский Союз давал субсидии». К сожалению, с распадом СССР столь активное культурное сотрудничество прекратилось. Новая Россия не желала, да и не могла субсидировать продвижение отечественной книжной продукции [7, с. 309].

Кришна Пракаш Шрестха – уроженец Непала, много лет проработавший в Москве, выразил сожаление по поводу того, что «московское издательство «Радуга» не публикует нынче переводы русской литературы на восточные языки, в том числе на непали, а ведь народы Южной Азии хотели бы и впредь знакомиться с шедеврами русской прозы и поэзии». В итоге, русская литература стала забываться, а новое поколение детей выросло уже на других книгах [там же, с. 311].

Несмотря на различные финансовые, бюрократические преграды, все же заметны положительные тенденции в возвращении российской литературы в Индию. В Индии все еще известны произведения тех авторов, которые завоевали любовь индийских читателей во времена борьбы за независимость страны. Самыми востребованными авторами и произведениями у индийского читателя остаются: А.С. Пушкин (поэзия, «Повести Белкина»), М.Ю. Лермонтов («Герой нашего времени»), Н.В. Гоголь («Шинель», «Мертвые души»), И.С. Тургенев («Отцы и дети»), Ф.М. Достоевский («Преступление и наказание», «Бедные люди», «Братья Карамазовы»), А.П. Чехов (рассказы, пьеса «Вишневый сад»), Л.Н. Толстой («После бала» и другие рассказы, «Война и Мир», «Анна Каренина»), А.И. Куприн (рассказы для детей), В.М Шукшин (рассказы), А.М. Горький («Мать»). Также популярны русские народные сказки и поэзия Бунина, Блока,

³ Мадан Лал Мадху (1925–2014) – индийский поэт и переводчик. Жил и работал в Москве с 1957 г., перевел на язык хинди около 100 произведений русской литературы, в том числе Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Толстого, которые пользуются значительной популярностью в Индии. Один из основателей Hindustani Samaj, индийского общества в Москве, награжден медалью Пушкина и орденом Дружбы народов Советского Союза. В 1991 г. был награжден правительством Индии четвертой высшей гражданской наградой Падма Шри.

Ахматовой, Мандельштама, Маяковского, Окуджавы; проза Н. Островского, Замятина, Булгакова, Шолохова, В. Распутина, В. Токарева и Л. Улицкой, М. Зощенко и Л. Петрушевской [4].

Издания произведений Горького и Толстого до сих пор можно найти в индийских книжных магазинах на индийских языках. В 2018 г. издательством *Prabhat Prakashan* в рамках серии «Популярные рассказы» был выпущен сборник рассказов А.П. Чехова. В 2020 г. были изданы произведения Л.Н. Толстого («В чем моя вера?», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Два старика», «Ходынка», «Много ли человеку земли нужно?», «Алеша Горшок», «Работник Емельян и пустой барабан», «Записки сумасшедшего», «Упустишь огонь – не потушишь») [8, с. 65].

Произведения других русских авторов, в том числе современных, распространяются в Индии часто в переводах на английский язык. В Индии, однако, уверены, что для того, чтобы современная русская литература была тепло принята индийским читателем, ее необходимо переводить на местные языки Индии – хинди, маратхи, языки Южной Индии. Серьезное препятствие – высокая стоимость публикации переводных произведений.

По мнению Анилы Джанвиджая, стоит выдавать гранты не на осуществление новых переводов, а на редактирование и переиздание работ, которые были сделаны в Советском Союзе. Для переиздания потребуется меньше времени, что даст возможность выпускать в год до 12 отредактированных книг. Гранты следует выделять издателям книг в Индии, чтобы они могли урезать цены на книги. «Сделайте их в половину дешевле – и они будут нарасхват, потому что индийские читатели очень хотят читать русскую литературу, но у них нет хороших и недорогих книг» [2].

Фонды, спонсирующие перевод русской литературы (Read Russia и фонд Михаила Прохорова), приоритет при выборе получателей поддержки отдают «интеллектуальным, экспериментальным, новаторским произведениям современных русских авторов, а также произведениям классической литературы, не переводившимся ранее и малоизвестным за пределами России». Например, Гириш Мунджал переводит роман Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» [2].

В последние годы растет присутствие российской литературы на индийских книжных ярмарках. Позитивным сдвигом в этом направлении можно считать участие России в качестве почетного гостя на 18-й Международной книжной ярмарке в Дели, состоявшейся в феврале 2008 г., в рамках проведения Года России в Индии. На стендах российского национального павильона были представлены многочисленные публикации как художественной, так и научной литературы, в том числе работы, принадлежащие перу российских индологов. На выставке был проведен круглый стол «Индия в российских изданиях» [7, с. 311-312].

В сентябре 2009 г. на Московской международной книжной выставке-ярмарке был организован индийский стенд, на котором было представлено более 1000 изданий. Активное участие в подготовке стенда принимала Сахитья Академи (Литературная Академия Индии), прямые контакты с которой были установлены в

2008 г. Тогда же индийская сторона выразила готовность финансировать переводы текстов с английского на русский язык. Во время работы ярмарки был проведен Круглый стол, посвященный проблеме перевода с русского на индийские языки и с индийских и английского языков – на русский. Издательство «Восточная литература» организовало совместную с Сахитья Академи презентацию двух совместных проектов: монографии Капилы Ватсьяяны «Натьяшастра» Бхараты в переводе Миры Львовны Салганик и «Антологии современного индийского рассказа XX в.». Российские и индийские издатели обсуждали проблемы и возможности дальнейшей совместной издательской деятельности [там же, с. 313-314].

С 2011 г. в столице штата Керала Тривандраме ежегодно проводится Фестиваль русского языка и литературы [8, с. 66]. В рамках Фестиваля индийским гражданам вручается литературная премия имени С.А. Есенина, учрежденная с 2008 г. Московским музеем С.А. Есенина и Российским центром науки и культуры в Керале за вклад в популяризацию русской литературы [6].

В 2017 г. на VII ежегодном Всеиндийском фестивале русского языка, литературы и культуры (организован представительством Россотрудничества в Индии, Российским центром науки и культуры в Тривандруме совместно с Московским государственным музеем С.А. Есенина) литературную премию вручили тамильской писательнице и переводчице Арумбу Субрамаян за вклад в продвижение русской литературы в Индии [5].

В 2017 г. к 70-й годовщине установления дипломатических отношений Москвы и Нью-Дели в посольстве России в Индии прошла презентация изданных на хинди книг русских авторов – «Народные сказки и легенды Кумаона» Ивана Минаева (перевел Хем Чандра Панде, профессор университета имени Джавахарлала Неру) и сборник рассказов «Поиск необычного в повседневном» Василия Шукшина (в переводе доктора Гириша Мунджала из Делийского университета).

Некоторые произведения В. Шукшина ранее уже переводились на хинди. В 2008 г. Кунвар Кант перевел многие рассказы писателя, среди которых «Сельские жители», «Привет Сивому», «Верую!» и «Психопат» [11].

В 2019 г. индийских читателей познакомили с творчеством Михаила Зощенко, переводы осуществили Сону Саини⁴ и Ранджана Саксена⁵, редактором издания стал Анил Джанвиджай. Индийцы смогли прочесть на хинди и бенгали избранные рассказы Зощенко: «На живца», «Аристократка», «Жертва революции», «Не надо иметь родственников», «Баня», «Царские сапоги», «Грустные глаза» [3]. Решение взяться за перевод этих рассказов команда издателей и переводчиков приняла, во-первых, в силу того, что наследие Зощенко до сих пор в больших объемах на хинди никто не переводил, а во-вторых, из-за

⁴ Сону Саини – индийский филолог-славист, переводчик, преподаватель университета имени Джавахарлала Неру. Перевёл с русского языка на хинди крупные произведения А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, М.М. Зощенко, И.А. Бунина, а также с хинди и английского на русский – произведения С.Л. Бхайраппы, В. Махешвари, И. Камила. Постоянный участник Международного конгресса переводчиков художественной литературы в Москве.

⁵ Ранджана Саксена – работает на кафедре славянских и финно-угорских языков при Делийском Университете. Является специалистом по современной русской литературе. Переводит русскую литературу на хинди и английский, также переводит на русский с английского и хинди.

особого стиля автора и возможности увидеть глубины психологии русского общества 1920–30-х гг. [там же].

Помимо Зоценко на индийских языках в последние годы вышли «Лавр» Евгения Водолазкина, роман «Человек – имя существительное» Елизаветы Александровой-Зориной, «Фрося Коровина» Станислава Востокова и другие. По словам Сону Саини, интерес к литературе из России есть, но трудно найти книги в переводе. Поддержка ограничена, переводы печатаются маленьким тиражом и редко переиздаются [4].

На 44-й Международной книжной ярмарке 2020 г. в Калькутте Россия стала «тематической страной». Российский павильон стал одним из самых крупных – было представлено около тысячи книг, а также две большие художественные выставки: иллюстрации Александра Мелихова к рассказу тверского купца Афанасия Никитина «Путешествие за три моря» и графические работы студентов Института графики и искусства им. В. Фаворского. Среди российских авторов, которые были представлены на выставке – писатели, чьи книги недавно вышли в переводах на хинди, бенгали и маратхи (Евгений Водолазкин, Андрей Геласимов, Алиса Ганиева, Петр Алешковский, детские писатели Анна Гончарова и Наталья Волкова) [12]. Заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимир Григорьев заявил, что Россия готова оказывать поддержку индийским переводчикам в публикации их переводов русской литературы.

В 2022 г. в Индии вышла в свет книга произведений Людмилы Петрушевской в переводе на хинди Манурадхи Чаудхари, преподавателя Центра русских исследований университета имени Джавахарлала Неру в Нью-Дели. М. Чаудхари перевела пятнадцать рассказов – «Черное пальто. Страшные случаи», «Страна», «Фонарик», «Сирота», «Отец», «Анна и Мария», «Не садись в машину, где двое» и др. По словам Чаудхари, индийское государство поддерживает русистов, специалистов по переводу, но если конкретно говорить о Петрушевской, то это была частная и университетская инициатива. Выбор пал на Петрушевскую, так как она является одной из самых известных современных писательниц и потому, что описывает в основном женских персонажей, показывая нынешнее положение женщин в российском обществе. Показанные ею проблемы мало отличаются от проблем женщин в Индии [4].

В 2022 г. Россия в пятый раз стала гостем Калькуттской книжной ярмарки. По итогам работы ярмарки русский стенд был признан самым посещаемым. Особый интерес посетителей вызвала презентация книги переводов «Пушп Ватика. Сад поэзии» доцента МГЛУ Максима Демченко. Посетителей выставки также познакомили с результатами работы группы российско-бенгальских филологов, которые трудились над переводом повести бенгальского писателя Тарашанкара Бандйопадхьяя, известного в Индии как «певца бенгальской деревни». По словам критиков, команда переводчиков справилась с работой блестяще [10].

С 25 февраля по 5 марта 2023 г. Россия принимала участие в Международной книжной ярмарке в Нью-Дели, которая в этом году отметила свой пятидесятилетний юбилей. Россия представила материалы, посвященные переписке и

творчеству Толстого и Ганди, книжная экспозиция включала художественную, детскую, историческую и общественно-политическую литературу, красочные альбомы и учебники русского языка. Специальное пространство было выделено для творческих встреч, лекций и презентаций. Евгений Водолазкин, чей роман «Лавр» выдержал уже второе издание на хинди, обратился к индийским читателям онлайн, а переводчица Ранджана Саксена рассказала о своей работе над переводом романа и о его восприятии в Индии [11].

Очевидно, что русская литература тепло принимается населением Индии. Тем не менее, после распада СССР достигнутый прогресс сильно утрачен, и в настоящее время связи в данной сфере приходится выстраивать «с нуля». Однако, несмотря на различные финансовые, бюрократические преграды, явно заметны положительные тенденции в возвращении российской литературы в Индию.

Список источников и литературы

- 1) SputnikInternational.About us. (2023). – URL.: <https://sputnikglobe.com/docs/index.html>
- 2) Анил Джанвиджай: «Русские не совсем европейцы, в них есть что-то восточное...». Интервью. Онлайн-журнал Хан-тенгри при Информационно-аналитическом центре МГУ.(2021). – URL.: <https://ia-centr.ru/han-tengri/culture/anil-dzhanvidzhay-russkie-ne-sovsem-evropeytsy-v-nikh-est-cto-to-vostochnoe/>
- 3) Волосюк И. (2019). Михаил Зощенко в Индии. – URL.: <https://godliteratury.ru/articles/2019/08/27/mikhail-zoshhenko-v-indii>
- 4) Волосюк И. (2022). Прозу Людмилы Петрушевской перевели на хинди. – URL.: <https://www.mk.ru/culture/2022/02/12/prozu-lyudmily-petrushevskoy-pereveli-na-khindi.html>
- 5) Вручение ежегодной премии имени С.А. Есенина. (2017). – URL.: https://esenin-museum.ru/portfolios/yesenin_prize_2017
- 6) Ежегодная премия С.А. Есенина. – URL.: https://esenin-museum.ru/portfolios/esenin_award
- 7) Загородникова Т.Н., Кашин В.П., Шаумян Т.Л. Россия – Индия: от диалога к сотрудничеству и партнерству. Очерки российско-индийских отношений в XX – начале XXI в. / Отв. ред. Т.Н. Загородникова; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020.
- 8) Новинский Э.Э. Русская литература в современной Индии // Палимпсест. Литературоведческий журнал. – 2020. – № 3. – С. 63–68.
- 9) Пахомов Е. (2021). В Индии прошла встреча поклонников «Денискиных рассказов» Драгунского. – URL.:<https://tass.ru/kultura/12441653>
- 10) Преподаватели МГЛУ – амбассадоры русской культуры на Калькутской книжной ярмарке – 2022. (2022). – URL.: https://linguanet.ru/ob-universitete/news/?ELEMENT_ID=10507
- 11) Преподаватели МГЛУ – участники международной книжной ярмарки в Нью-Дели. (2023). – URL.: https://linguanet.ru/ob-universitete/news/?ELEMENT_ID=15415
- 12) Россия – тематическая страна на ярмарке в Калькутте. (2020). – URL.: <https://godliteratury.ru/articles/2020/01/27/rossiya-tematicheskaya-strana-na-yarmar>
- 13) Серебряный С.Д. Переписка Л.Н. Толстого и М.К. Ганди. Знаменитый, но недоисследованный эпизод российско-индийских культурных связей // Литературный факт. – 2022. – № 3 (25). – С. 252–306.
- 14) Шукшина перевели на хинди. (2017). – URL.:<https://godliteratury.ru/articles/2017/03/29/shukshina-pereveli-na-khindi>

**Tsewang Namgail¹,
Jawaharlal Nehru University,
New Delhi (India)**

THE BILATERAL RELATIONSHIPS BETWEEN USSR AND INDIA, DURING THE COLD WAR PERIOD

Abstract. *The relationships between erstwhile USSR-India had a unique feature in its own. On 15 August, 1947, India got independence from British Empire, it had a lot to learn from Soviet Union's new experiment with socialism as an alternative to the capitalist mode of productions. On April 12, 1947, Russia opened its Embassy in New Delhi and vice versa, establishment of diplomatic relations between two sides started. Over nearly forty years, Soviet-Indian relations passed through three distinct periods, coinciding with the ascendance of three extraordinary pairs of leaders, each extraordinary for different reasons—Jawaharlal Nehru and Nikita Khrushchev, Indira Gandhi and Leonid Brezhnev, and Rajiv Gandhi and Mikhail Gorbachev. In today's world affairs, both India and Russia stand for multipolar world over unipolar world order, also shares a very cordial bilateral relationships and most trusted partnerships on both sides, mutual cooperation and assistance in different fields. This strong friendships between two sides, has a historical dynamic, had developed, and nurtured during cold war period. Over the last several decades, our relationship has blossomed into a special and privilege strategic partnership. Over the last several decades, the bilateral relationships have expanded from various fields including the strategic and security pack of 1971, bilateral cooperation in defence sector, space explorations, but there are limited people-to-people contact in the bilateral relationships between two countries. The USSR and India had been a natural partner and strategic ally during the cold war era. The Indian first prime minister, Pandit Jawaharlal Nehru, official visited USSR on June, 1955. In turn, India offered invitation to former soviet leader, first secretary of communist party, Nikita Khrushchev, arrived New Delhi, in 1955. The significance of this visit was that the USSR announced support for India's sovereignty over the Indian territorial integrity in Kashmir and Goa, which had not yet been vacated by Portuguese by 1960s. The former Soviet Union was being permanent member of United Nation Security Council, had persistently and consistently supported India whenever India's sovereignty and territorial integrity were being challenged by neighbouring states with the clandestine support of powerful state like America and Western countries.*

The Soviet-India Security pack of 1971 or also known by its name the USSR-India Peace, Friendship and Cooperation Agreement of 1971. The geopolitical situation in the south Asia was precarious, the internal disturbance and political instability inside the erstwhile East Pakistan, the large exodus of refugees across the border into Indian territory. The protesters in east Pakistan demanded a secession from the state of Pakistan

¹ Tsewang Namgail, Ph.D student, Centre for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi (India).

Тсеванг Намгаил, аспирант Центра Российских и Центральноазиатских исследований факультета международных отношений Университета имени Джавахарлала Неру, Нью Дели (Индия).

and demand separate state of Bangladesh, which was later realised after successful military intervention of India, in support of people of East Pakistan.

Key words: *USSR-India bilateral cooperation in various fields such as Space explorations, Military hardware productions, peaceful exploration of nuclear technology, the strategic partnerships, the peace, and friendship agreement treaty of 1971.*

Introduction

In this paper, attempt would be made to highlight the important events, an agreement and visits of leaders between two countries. At the end of the day, both sides share a common goals and objectives regarding world affairs. The USSR had helped India in production of military industrial complex, nuclear power plants, space technology and explorations, Iron and Coal industries. Moreover, USSR had been the most trusted friend, strategic partner of India which has been continuously maintained by Russian even after the disintegration of erstwhile Soviet Union. The signing of peace and friendship treaty between India and USSR in 1971 was the hallmark of most trusted relationships. When USA was supporting Pakistan, along with China over the Kashmir issue, the USSR had come in support of India. During Bangladesh war of independence, India wanted the secession of erstwhile East Pakistan from West Pakistan. In order to realise its strategic and military objectives in South Asia, India must need the support of superpower, where the USSR came and stood with India in the crucial need of the hour.

The USSR and India had been a natural partner and strategic ally during the cold war era. The Indian first prime minister, Pandit Jawaharlal Nehru, official visited USSR on June, 1955. In turn, India offered invitation to former soviet leader, first secretary of communist party, Nikita Khrushchev, arrived New Delhi, in 1955. The significance of this visit was that the USSR announced support for India's sovereignty over the Indian territorial integrity in Kashmir and Goa, which had not yet been vacated by Portuguese by 1960s. The former Soviet Union was being permanent member of United Nation Security Council, had persistently and consistently supported India whenever India's sovereignty and territorial integrity were being challenged by neighbouring states with the clandestine support of powerful state like America and Western countries. The USSR used veto power against any resolution which would go against the national interest of India. In fact, the resolution on Kashmir issue had come before security council many times, it brought by either America or China on the behalf of Pakistan but it could not be successfully passed because of India's most trusted strategic partner USSR would block them by exercising its veto power. Moreover, India has been constantly seeking its place and position in the affairs of the world, India has always demanded a reform in the undemocratic structure and administration of the important international organisation such as United Nation, International monetary funds and World Bank, World Trade organisation, last but not the least international nuclear energy regime like Nuclear Suppliers Group. India feels that India is being denied its due respect and position in the international institutions and regimes. The most important one is the reform in the UN security council, India has been denied a permanent membership in it, India deserves to be a permanent member in it, because its huge geography, huge populations, giant economy and more

importantly largest democracy in the world. The former USSR would have always supported India in this endeavour. Nonetheless the legacy of USSR has been carried on by the Russian state in the contemporary world affairs and especially between the bilateral relations between two countries as Russia has always supported India for the granting a permanent member in the UN security council.

India-USSR strategic partnerships of 1970s

The peace and friendship treaty of 1971 would be emphasised as it laid the strong foundations for the future cooperations and partnerships between two sides. In order to understand the importance of the security pact between USSR and India that entered into existence in 1971, it is necessary to get into the geopolitical and geo-strategic environment and surroundings of that time, broadly speaking the geopolitics of that time were the division of Sino-Soviet relations, especially after the border skirmished between the two countries security forces along Sino-Soviet border on one side, on the other side, the United states of America, moving closer towards China, the China started to look towards West away from Soviet Union. The Pakistani state played an important role in bringing together America and China on one platform, the American then ambassador, Henry Kissinger, secret visit to China via Pakistan was the indication of shifting geopolitical tectonic plates in Asia particularly but it had a repercussion all over the world. The United States of America, who had come up with its policy of containment of communism all over the world, was ready to do anything to achieve its said policy. The Pakistan's deep state governed by military junta became a strategic partner for the United States of America since then, the Pakistan military authoritarian government had strategic goal of taking Kashmir from India by means of forces, it became strategic partner of United States so as to realise the said strategic goal. However, the government of India understood the evolving geopolitical situation well on time and made its own strategic calculation, eventually took decision turning a paradigm shift in its foreign policy. Moreover, India, since getting independence did not take any side when the whole world getting divided into two factions either in western block led by United States of America or in Eastern blocks led by United States Soviet Union (USSR). India's first prime minister, shri Pandit Jawaharlal Nehru, had a vision for India, since India had its own problems as independence came along with heavy price of civil war in the name of religion as the country was dividing into two factions or nation-states, the creation of Pakistan in the name of religion. The power transitions from British colonial government to independent Indian ministers did not go smoothly, peacefully as there were chaos, instability, mistrust killing a human being by another human being just because of difference in religion, what could be worse than taking a life of someone, raping of girls very common during the civil war, families took extreme steps of honour killing of their unmarried daughters, wife etc in order to save the dignity of the family. All those internal security challenges were there, apart from consolidation of India as newly emerged nation-state. And its territorial integrity, sovereignty, the constitution led government were other challenges for the newly independent nation. In this backdrop, the government of India decided not to be part of any strategic alliance with any block in the world. Nevertheless, the third world countries under the leadership of In-

India decided to open a third block to be known as 'non-alignment movement' or NAM as an alternative to either block. The aims and objectives of NAM were suitable to the third world countries, that were, getting freedom from colonialism and imperialism, world free from nuclear weapons, respect sovereignty and territorial integrity of the other countries, last but not the least non-interference in the internal affairs of other countries. However, the non-alignment blocking could not last long as there were infighting within the members of the non-alignment members. As far as India was concerned in its first decade of independence, the territorial integrity was challenged by Pakistan as later, had been claimed some territories in north western sector of India as its own, including Kashmir valley, Siachen glacier etc, from the day one of Pakistan becoming independent had put challenges to India including several wars to meet its objectives. When Pakistan realised that they could not win a conventional war against India, they started new tactics of using terrorism as a statecraft or strategic weapon against its giant neighbour India. In the early two and half decade of its independence, India had been surrounded by Pakistan from its western frontier as well as eastern frontier, in addition, one more belligerent northern neighbour China with whom India had not demarcated the border line all along the Himalayan range. The geo-strategic situation was not comfortable for India and there was needed to do something before it was too late. The opportunity came when geopolitical tectonic plates were shifting in late 1960s especially after the border skirmish between the troops of Soviet Union and Chinese red army over the border dispute in the western sector of China. Meanwhile the Pakistan became an agent of United States of America and China to unite them strategically, therefore, it compelled India to look for the strategic alliance to counter balance the power equation in South Asia. As a result, the Soviet Union and India became natural and strategic partner in the given geopolitical scenario, as the Soviet Union did not want instability in its immediate neighbours that is South Asia. The Soviet Union and India entered into security pact or it was also known by its name 'Soviet Union-India peace, friendship and cooperation of 1971'. The essence of the said treaty was reflected from article 9 of the treaty, which says that any third-party interference in the conflict of South Asia between India and Pakistan especially on the side of Pakistan, then USSR will not leave India alone. It was a clear warning to the western power who were clandestinely supporting Pakistan by providing strategic weapons, diplomatic and political support. It was not merely a warning, from the Soviet Union but it actually acted by sending its nuclear submarine in Indian ocean to neutralise any possibility of United States support to Pakistan during the liberation war of Bangladesh in 1972. The security pact of Soviet Union and India signed for next twenty years to come, it was a paradigm shift in the foreign policy of India since the independence. Of course, strategic experts believed that it was a great strategic and pragmatic move in right time and direction. The outcome of the 'Bangladesh war for liberation' was in favour of India and it was painful for Pakistan as its united Islamic state of Pakistan did not even last for three decades. The state of Pakistan was created in the name of religion, in other words, the proponent of the demand for Pakistan demanded a separate nation state for Muslim as they had claimed Muslim were different from rest of the India, though the difference was only the matter

of religion and nothing else. Nonetheless, they got separate statehood but geographically far away from each other, the west Pakistan and the East Pakistan. The theory of two nations proved wrong as the Pakistan which was created in the name of religion did not last for long, as the internal division within Pakistan over language, ethnic and culture erupted. Moreover, the dominant Punjabi Muslim of western Pakistan attempted to impose Urdu language over the Bengali speaking community of eastern Pakistan, the gulf between the two factions become more and more, leading to demonstration, protest and mass mobilisation in east Pakistan especially over the issue of language and misgovernance, military dictatorships. It became an issue for India when large numbers of immigrants entered into Indian side of the territory in West Bengal, the Pakistan military took a repressive measure, attempted to suppress the mass demonstration with iron hand. India decided to enter into the domestic conflict of Pakistan as the instability within East Pakistan directly impacting Indian in its eastern sectors along the West Bengal with the exodus of million refugees into India. India could not merely watch what was happening in its neighbour, east Pakistan. India supported the Bengali speaking mass protestors and raised voice against the military authoritarian regime irresponsible action towards its public. Before, India taking any action, it conveyed the horrible situation developing in East Pakistan to rest of the world's countries leaders. India, finally entered into the conflict and effectively accomplished its strategic objective and played a role in liberation of Bangladesh as a separate sovereign country.

In the era of former Prime Minister Pandit Jawaharlal Nehru and former secretary of Soviet Union, Nikita Khrushchev. Both sides, were going through huge challenges internal as well as external. For India, the border conflict along the Himalayan border with China and Chinese invasion into Tibet, further expanded its claims across the Himalayan, leading to border conflict with India. The Indo-China war had squeezed already fragile economy, created inflation, unemployment and rising of poverty in the country. Of course, India had further plunged into food crisis. Nevertheless, the crisis would always give an opportunity to overcome the challenges that one traps into, India brought Green Revolution in the field of agriculture. With this revolution, India transformed itself from being a food deficit to food surplus country in the world. The Sino-Indo war ensued by another border conflict with western neighbour, Pakistan, in 1965. The former Soviet Union's leader played an important role in bringing together the warring factions, letting them compromise, in the sense, the former acted as an honest broker between India and Pakistan after the war. The Tashkent agreement signed between India and Pakistan, in presence of USSR, in 1965, in Tashkent, Uzbekistan. Nevertheless, the agreement was not the guarantee of permanent peace and stability in the south Asian region rather a temporary truce between the warring parties. It could be argued the agreement helped India to prepare itself militarily and strategically to counter any such challenges from its neighbours. In other word, the Tashkent agreement taught India many lessons and took serious notes of its shortcoming in dealing with such external aggressions. This could be understood by highlighting the important points of India-USSR Peace, Friendship and Cooperation agreement which was signed between two sides in 1971. It has discussed somewhere in this article the essence of the security pack.

USSR-India cooperation in defence sector

The USSR had been the sources of military much needed supply for India, for its Air forces, Navy and territorial army. The legacy of India-USSR defence cooperations, is still being carried out by two countries. Even today, the Russia is one of the India's largest defence suppliers. The paper published by Stimson Centre, in 2020, says 70 percentage to 80 percentage of India's military platforms are of Russian origin. Some of military technologies are being manufactured jointly, for example, T-90, and another example is, the joint development of India's DRDO and Russia's NPOM of the BrahMos missile is one of the largest successes of the bilateral relationship. The Russian defence technologies are cheaper and more reliable than the say western countries' military technologies. The Russian does not only sell its impeccable military hardware but also share the intellectual properties of those technologies with India, on other word, Russia transfers the technology to India in manufacturing of defence technology. There are many join productions of military hardware such as Brahmos missiles series.

The USSR-India defence cooperation is another important bilateral aspect of relationship between two sides. On September 11, 1964, an agreement was signed between India and the USSR, under which Moscow agreed to give India three squadrons of MIG-21, aircrafts, 170 tanks, 20 helicopters. The purchases were to made in Indian rupees over the next ten years at two percent interest rate. However, it is said that all military technologies are needed to be upgraded as military technologies all around the world are coming up with cutting edge technologies.

The major concerns for India now, is that Russia has strategically tilted towards China, especially the signing of 'Unlimited Friendship treaty between Russia and China' just before Russia's special military operation in Ukraine, January 24, 2022. Traditionally, Russia has been major suppliers of military hardware including a crucial military technology but now Russia could also supply the same technology to China. As the Western sanction on Russia continues, the Russia would further squeeze towards China. As the border tension along the India-China has not resolved yet, there are thousands of troops still stationed on each other border along the Himalayan range. The strategic conundrum for India: should there be a border war between India and China, which side the Russia would support? In that case, would Russia continue to supply the critical military hardware technologies to India under the influence of China? This are some of major concerns for India in the coming years.

Cooperation in the field of nuclear technology

The invention of nuclear energy was another milestone achievement in the human history. It is like any other technology, has dual use propose. It means it could be used for peaceful purpose like providing efficient low-cost electricity which would shine the whole cities and country or it could be used for destruction purpose such as for making an atomic bomb, which could kill whole humanity within few minutes. The horrible incident of Hiroshima and Nagasaki, in Japan, are still reeling in the mind of humanity. Meanwhile, India has always been stood for world free from nuclear bomb, but it is far from realising its dream of nuclear free world. Therefore, India also developed the double sword nuclear technology, it launched nuclear bomb in 1970s,

“Under the Buddha smiling mission”, which effectively tested its nuclear bomb and became a nuclear power state in the world. Nevertheless, India’s nuclear strategic doctrine has clearly mentioned that ‘no first use’ policy and India will not use nuclear bomb against those states who do not possess nuclear bomb. India compelled to acquire nuclear bomb as its belligerent northern neighbour had already possessed nuclear bomb. India did not sign the international nuclear regime of the Non-Proliferation treaty (NPT), India claims that the non-proliferation treaty is discriminatory in nature as it classified states as nuclear power have states and not have states. Further, India believes in world free of nuclear weapon for all irrespective of power and states. The current NPT recognises only those states as nuclear power states which had achieved nuclear weapons before January 1, 1967. However, India tested its nuclear weapon successfully in 1970s, as per the rules of NPT, India does not fall under the categories of nuclear have country. It is not acceptable to India as the said nuclear regime is discriminatory in nature. Currently, there are many countries possess nuclear weapons apart from those countries which had acquired nuclear weapons before 1967, including India, Israel, Pakistan, North Korea etc, on the other hand, it is said that Iran is in under process of developing a nuclear weapon.

The cooperation in the field of nuclear technology for peaceful purpose, many of India’s nuclear plants such as Kudankulam nuclear plant had been made with the assistance of Russia. the first inter-Governmental Agreement between the erstwhile USSR and India was signed in the year 1998 for the supply of two Light Water Reactors each of 1000 MW at Kudankulam, Tamil Nadu. The nuclear power plant could provide an efficient energy to large cities. It is reported that India has large reserve of Uranium minerals which could be utilised for providing an electricity in the country. Although the nuclear power plant does not produce much pollution as compare to conventional energy sources such as coal, petrol and diesel. Nevertheless, there would be a big challenge to dump nuclear waste after consumption of Uranium minerals. It is major concerned for environment and ecology. But still, with the further - advancement of nuclear technology, this particular challenge could be overcome in the future. Today, India and Russia are together collaboration building nuclear plant in third country like in Bangladesh, the Rooppur power plant. India and Russia can together develop nuclear power plants in some other countries in Asia and Africa.

Bilateral cooperation in space field

The Soviet Union became a first country in the world to have had launched space mission named “Sputnik Mission” on October 4,1957. It was great scientific impeccable achievement in space exploration and expedition. It was shocked to the western world especially United States of America, who were in expectation that they would accomplish the space mission first. The first man to take space exploration was again the Soviet Union, Yuri Gagarin, was first human to have gone into space. Today, the space science has opened a new chapter in the human history, the first step in this endeavour was taken by Soviet Union in the second half of twenty century.

On 17 April 1975, the Soviet Union launched India’s first satellite, Aryabhata. It was designed purely for scientific exploration and experiment, the satellite was built by India, but the Soviet provided technical assistance and components such as solar

cells, batteries, thermal paints and tape recorders. The Soviet Union impeccable achievement in the field of space explorations had also helped India to initiate space explorations and India Space Research Organisation, today, it has successfully sent many important space missions such as mission Chandrayaan, mission Mangalyaan etc, into the space. Today, India has achieved an important milestone in its space journey, the Soviet Union had a role in it. The space science has many applications in day-to-day life, both for civilian as well as for military purposes. The information and communication technologies help us to communicate a far long distance from one corner of the world to another, all this are possible because of space exploration and invention. The Indian Space Research Organisation (ISRO) has accomplished a lot in its space expedition and experiment. The space science would boost the economy of the country in the future. Some of biggest private investor in space technology include SpaceX which is planning to promote space tourism, the zero gravity feel in the space tourism. There is needed much more cooperation in the field of space between two countries.

The people-to-people cooperation were lacking in the bilateral cooperation

It is to be noted that the bilateral relations between Soviet Union and India were mostly concentrated in government to government, business to business level, there were lacking of people to people contact in the bilateral relations between two sides. Nevertheless, some of Indian movies, actors were very popular in Soviet Union, although people to people contact were not in large scale. Even today, in the contemporary bilateral relations between two countries, it is to be noted that people to people contact are very less. However, today, it can be said that it has improved than say during the Soviet-India era. There are many Indian, who are going to invest in Russian market and there are many Russians, who have come and invested in Indian market. There are many Indian students especially medical students who are studying in Russia. The diaspora is the strategic asset of any country who keep alive the bilateral relations between two countries. It could be argued that there are many Indian origin as well as immigrants in America than in Russia. The American-Indian community are strong lobbying group in Indian-American bilateral relationships. However, this kind of people-to-people contact is missing in the bilateral relationships between Russia and Indian bilateral cooperation. The large Indian market and Russian market provide an opportunity for each other countries' citizens to invest, strengthen the bilateral relationships between two sides. The thousand miles to go ahead in this area of bilateral relationships between two countries. The Russian and India, both, have diversity in the sense of language, ethnics, religion and geography. The Russian has four major religions including Orthodox Christian, Judaism, Buddhism and Islam. The India too has multi-religions of following different faiths such as Hinduism, Buddhism, Jainism, Sikhism, Islam and Christianity. The accommodation of different faiths, developing respect and tolerance towards each other have been a common feature of India and Russia. This would further strengthen and promote, should there be more people-to-people contact between two countries.

Conclusion

The Soviet Union-India bilateral relationships during the cold war era had helped each other to navigate the geopolitical trouble water of that time, USSR had its

own challenges and India had its own challenges both internally and externally. Ever since the diplomatic relationships started between two countries, the two countries had kept each other core national interests in mind while conducting bilateral and multilateral cooperation and partnerships with rest of the world. India being the newly independent country after the end of second world war, it had a lot to learn from Soviet Union, in fact, India did learn its planning mechanism from Soviet Union's planning strategy. The post-independent leaders were inspired and aspired by impeccable achievements of Soviet Union in different fields including space exploration and experiment, advance military hardware technologies, nuclear technologies. Soviet Union, indeed, helped India in acquiring those technologies from time to time, including the joint manufactured of technologies especially the defence technologies such as Brahmos missiles, tank T-90 or for that matter nuclear submarine. The major Indian fighter jets are of Russian origin such as Sukhoi, MiG series etc. all those are the alive example of the successful bilateral relationships between two countries. However, it must be mentioned here that the bilateral relations have been successful only limited to government to government and business to business level only. The people to people exchange or contact in the bilateral cooperation was missing during the heydays of bilateral relations between two sides, even in post-soviet space bilateral relations between two sides, the people-to-people exchange are very limited, nonetheless, it is better than say during soviet-Indian era. The future prospect of the bilateral relation holds a very promising ends as both Russia and India share a common future of multipolar world order, peace and stability, respect for sovereignty and territorial integrity. The Russian and Indian relations can be understood within the framework analysis of classic geopolitical expert, Kautilya, who said "my enemy's enemy is my friend", in another way, it could be argued that Russia is our natural partner as we don't share a contiguous border with Russian. However, China is our natural enemy as India shares a common border that too un-demarcated border all along the Himalaya, China also shares a common border with Russia, it means Russia is natural enemy of China. Since Russia is natural enemy of China, therefore, Russia would become a natural partner and friend of India. There are miles to go ahead to realise the full bilateral relation potentials between two countries. Last but not the least, Russia-India bilateral relations would become an example for the rest of the world in every field in twenty first century.

References

- 1) Agarwal A. The United States and the Indo-Pakistani War of 1971: A Critical Inquiry // Indian Journal of Asian Affairs. – 2014. – № 15. – P. 21-42.
- 2) Ali M. CHINA'S DIPLOMACY DURING THE INDO-PAKISTAN WAR, 197 // Pakistan Horizon. – 1972. – Vol. 25. – № 1. – P. 53-62.
- 3) Bakshi J. India-Russia Defence Co-operation // Strategic Analysis. – 2006. – Vol. 30. – No. 2. – P. 449-463.
- 4) Basu B.B. Putin's Visit and Future of India- Russia Defence // Strategic Analysis. – 2008. –Vol .XXIV. – № 9.– P. 1763-1769.
- 5) Kapoor N. India-Russia Ties in a Changing World Order: In Pursuit of a 'Special Strategic Partnership // Observer Rsearch Foundation(ORF) Occasional Paper. – 2019.

- 6) Mahanty J. China and the Emergence of Bangladesh: Role of Great Power Global Perceptions // India Quarterly. – 1983. – Vol. 39. – No. 2. – P. 137-158.
- 7) Mahmood S. The Role of the Super Powers in the 1971 Conflict // Strategic Studies. – 1982. – Vol. 5. – № 2. – P. 49-67.
- 8) Murshid N. India's Role in Bangladesh's War of Independence: Humanitarianism or Self-interest? // Economic and Political Weekly. – 2011. – Vol. 46. – P. 53-60.
- 9) Mustafa Z. The USSR and the Indo-Pakistan War, 1971 // Pakistan Horizon. – 1972. – P. 45-52.
- 10) Rekha C. India-Russia Defence Cooperation: Re-Discovering a Long Lost Friend. – New Delhi: Centre for Air Power Studies, 2016.
- 11) Scott D. Handbook of India's International Relations. – London: Routledge, 2011.

А.В. Сагимбаев¹,
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского,
г. Брянск (Россия)

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ 1920-1930-Х ГГ. В БРИТАНСКОЙ ИНДИИ²

***Аннотация.** Статья посвящена анализу воздействия административно-политических преобразований межвоенного периода на этноконфессиональную обстановку в Британской Индии, а также попыток колониальных властей использовать этноконфессиональный фактор в целях сохранения контроля над индийскими территориями. На протяжении нескольких столетий своего существования система колониализма претерпела достаточно сложный процесс эволюции. Стремясь приспособиться к менявшимся историческим реалиям, она, в свою очередь, оказывала громадное воздействие на мировые социально-экономические и политические процессы. При многообразии вариаций европейского колониализма, многие исследователи, изучая закономерности его развития, заостряют своё внимание, в первую очередь, на британской колониальной системе. Великобритании удалось не просто создать крупнейшую по территории колониальную империю. Британский колониализм отличался заметно большей в сравнении с другими колониальными системами гибкостью, а также вариативностью форм и методов осуществления собственного влияния. Будучи внутренне достаточно сложным и противоречивым явлением, Британская империя в своём развитии отражала динамику восприятия английским обществом и политической элитой Великобритании его базовых ценностей и ключевых целей. Данная динамика на протяжении длительного исторического*

¹ Сагимбаев Алексей Викторович, д.ист.н., доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия). Dr. Alexey V. Sagimbaev A.V., Professor, Head of the Department of General History and International Relations Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk (Russia).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00293, <https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

периода представляла собой взаимодействие двух основных начал, вокруг которых строилось развитие империи – либерального и консервативного.

Ключевые слова: Британская Индия, этноконфессиональные отношения, административно-политические реформы.

К началу Первой мировой войны Индия являлась важнейшим центром формирования британской политики на всём азиатском континенте, а также играла огромную роль в имперской экономической системе. По состоянию на 1914 г. из почти четырёхсот миллионов подданных британской короны, не принадлежавших европеоидной расе, 312 миллионов приходилось на долю её индийских владений [4, р. 176]. В силу огромного стратегического веса, который Индия имела в составе империи, её не могли не коснуться те важные изменения, которые начались в системе британского колониализма после окончания войны. Они отражали начало общего кризиса имперской системы и побуждали английскую политическую элиту к поиску новых форм и методов отстаивания традиционных колониальных интересов.

В начале XX в. Британская Индия являлась достаточно сложным административным образованием. Часть её территории находилась под прямым управлением английской администрации. Она подразделялась на девять больших или «основных», а также на шесть «малых» провинций. Всего на данных территориях к тому моменту проживало около 247 млн. чел. Другой административно-территориальной составляющей огромной колонии являлись княжества, обозначаемые в английской литературе и документах понятием «Native States» Подавляющее большинство из них занимали весьма незначительную территорию и лишь некоторые, например Хайдарабад, представляли собой достаточно крупные образования. Княжества были полностью лишены внешнеполитической самостоятельности, но обладали различной степенью автономии во внутренних делах, которая заметно варьировалась и определялась как юридическими договорами, так и сложившимися нормами обычного права. Они управлялись собственными династиями, считавшимися вассалами британской короны и находившимися под контролем представителей британской администрации. Отдельные княжества обладали правом самостоятельного сбора налогов, выпуска собственных денег, пользовались заметной самостоятельностью в сфере судопроизводства [6, р. 15-17]. Всё европейское население Британской Индии к началу 1920-х гг. составляло около 135 тыс. чел., из которых 60 тыс. были военными [1, р. 147].

В период войны ряд представителей индийской знати, а также крупные общественно-политические движения Индии выступили с проектами будущей реформы. Свои идеи в данной связи предложили и представители английской администрации. Уже через несколько месяцев после начала военных действий, по просьбе губернатора Бенгальской провинции лорда Веллингтона, один из наиболее авторитетных индийских политиков Г.К. Гокхале составил обстоятельный документ, содержащий анализ возможных путей укрепления лояльности индийского населения по отношению к британской Короне. В его преамбуле отмечалось: «Предоставление провинциальной автономии ... будет соответ-

ствующей уступкой, которую необходимо предоставить населению Индии после окончания войны. Она включает двойную операцию по освобождению провинциальных правительств от значительной части контроля со стороны Правительства Индии и государственного секретаря в вопросах внутреннего управления и установление контроля над ними со стороны представителей налогоплательщиков через Провинциальные Законодательные Советы» [14, р. 23]. В соответствии с предложенной в документе схемой, на провинциальном уровне предполагалось ввести систему разделения властей. Во главе исполнительной ветви должен был находиться губернатор, назначаемый из метрополии, которому подчинялся Исполнительный Совет, состоявший из шести министров, трое из которых являлись представителями индийского населения. В сферу компетенции министров-индийцев предполагалось передать вопросы, касающиеся провинциального законодательства и юстиции, развития местной промышленности, торговли, сельского хозяйства, руководства системами образования, медицинского обслуживания, управления провинциальным бюджетом, за исключением вопросов, являвшихся исключительной прерогативой губернатора. Наряду с реформированием исполнительной власти, проект Г.К. Гокхале предполагал создание в каждой провинции представительных структур, которые должны были состоять из 75-100 членов и быть на 80% избираемыми. При этом взаимоотношения между двумя ветвями власти должны были строиться по образцу отношений между Рейхстагом и Имперским правительством в Германии. За губернатором, в частности, закреплялось право абсолютного вето в отношении законопроектов и резолюций, принимаемых Законодательным Собранием. Кроме того, лишь перед ним несли персональную и коллективную ответственность министры провинциального правительства [13, р. 494].

В то же время, в данный период появляются и более радикальные проекты преобразований. В декабре 1916 г. фактически одновременно в Лакхнау прошли очередные съезды наиболее влиятельных общественно-политических движений Индии – Индийского Национального конгресса и Мусульманской Лиги. Они приняли согласованный план реформы, вошедший в историю под названием «проекта Конгресса-Лиги». В него были включены некоторые заимствования из «меморандума девятнадцати» и предложений Г.К. Гокхале, касавшиеся, в частности перераспределения властных полномочий в пользу провинциальных законодательных собраний. В то же время, в проекте Конгресса-Лиги содержались более радикальные предложения относительно их состава. В соответствии с ними 80% членов законодательных собраний должны были избираться и лишь 20% назначаться колониальными властями. Численность состава законодательных собраний в данном проекте предлагалось увеличить до ста двадцати пяти депутатов в больших провинциях и семидесяти пяти – в малых [5, р. 172]. В документе подчёркивалось, что они должны стать, в первую очередь, представительными структурами, избираемыми на основе как можно более широкого избирательного права. Очевидным следствием влияния Мусульманской Лиги явился тезис о необходимости введения в законодательных собраниях ряда провинций отдельной квоты для представителей мусульман-

ской общины, которые должны были избираться через специальные курии выборщиков. В Панджабе они должны были составить половину избираемых членов, в Бенгалии – 40%, в Бомбее – одну треть, в Соединённых Провинциях – 30%, в Бихаре – 26%, в Центральных Провинциях и Мадрасе – 15% [12, р. 83].

В октябре 1917 г. в летней штаб-квартире правительства Бенгалии прошло неформальное собрание с участием ряда высокопоставленных чиновников британской администрации, а также представителей индийской знати. Спустя месяц по его итогам вице-королю был представлен меморандум, состоявший из двенадцати согласованных его участниками пунктов и получивший название Сводное послание [Joint Address].

Данный документ создавался во многом как альтернатива плану Конгресса-Лиги. Он предполагал создание в некоторых крупных провинциях правительств нового типа, включавших представителей партий, получивших большинство голосов на выборах в провинциальные законодательные собрания. При этом под их контроль предполагалось передать департаменты, ведавшие развитием местного самоуправления, образования и здравоохранения, руководившие организацией общественных работ, управлявшие сельским хозяйством и инфраструктурой провинции. Они должны были получить определённую долю из доходов провинциального правительства. В то же время, наряду с новыми департаментами, сохранялись и прежние административные структуры в ведении которых оставался контроль над сферой судопроизводства и юстиции, полицией и некоторые другие функции.

Провинциальные законодательные собрания первоначально должны были иметь исключительно совещательный характер, и лишь по истечении определённого времени предполагалась передача им определённых законодательных и контрольных полномочий. В документе отмечалось, что «по мере прогресса в осуществлении Провинциальными Правительствами своих функций, в том числе, в части, касающейся поддержания порядка и законности, будет осуществляться постепенная передача им дополнительной власти» [5, р. 223]. При этом отдельно оговаривалась возможность вмешательства британских структур в деятельность новых индийских департаментов, «подобно тому, как Правительство Индии имеет право при определённых обстоятельствах вмешиваться в дела индийских княжеств» [12, р. 81]. Конечной долгосрочной целью реформы авторами документа провозглашалось создание в Индии системы представительной власти и ответственного правительства.

Авторы Сводного послания в своём проекте максимально близко подошли к идее так называемой диархии, то есть системы двойственного управления, которая ранее уже апробировалась англичанами на Мальте и в некоторых других колониях. Важным отличием документа от других проектов был акцент на необходимости административно-территориальных преобразований. Предполагалась возможность разукрупнения некоторых крупных провинций с целью создания административно-территориальных единиц с максимально однородным этнолингвистическим составом населения, которые были бы пригодны для реализации данной системы [14, р. 33].

Идея реформы, связанная с введением элементов ответственного правительства, а также участием индийского населения в выборах представительных структур столкнулась с достаточно серьёзным противодействием со стороны консервативной части британской политической элиты, а также влиятельных сил внутри англо-индийской администрации и европейской общины в Индии. Они выступали с жёсткой критикой системы диархии как на стадии подготовки проекта реформы, так и при последующем его обсуждении в британском парламенте. Не отрицая, в принципе, саму необходимость преобразований, приверженцы данной позиции полагали, что превращение индийских законодательных собраний в представительные органы власти, наделённые парламентскими функциями, в английском их понимании, даже на провинциальном уровне, приведёт к дестабилизации системы управления и создаст угрозу политической анархии в Индии. Кроме того, некоторые идеи реформы, изложенные Э. Монтэгю, угрожали, по их мнению, базовым принципам английского управления в Индии и расценивались ими как «похоронный звон по имперскому правлению» [9, col. 267].

В течение 1919 г. обсуждение проекта реформы системы англо-индийского управления являлось одной из главных тем политических дискуссий как в Великобритании, так и в самой Индии. Одним из основных факторов, влиявших на ход политических дискуссий в Лондоне, явилось качественное изменение ситуации в самой Индии. Ухудшение экономической конъюнктуры, отсутствие существенных преобразований в системе управления, усиление репрессивного законодательства вызвали невиданный со времён Великого восстания 1857-1859 гг. взрыв антибританских выступлений. Принципиально новым явлением стало формирование массовых политических движений в лице Индийского национального конгресса и Мусульманской лиги, придавших стихийному протесту достаточно чёткую организационную и идеологическую основу. Данные процессы не могли остаться в стороне от внимания британских парламентариев.

На фоне активных политических дискуссий, сопровождавших подготовку проекта будущей реформы, ситуация в индийских владениях стремительно осложнялась. Усилившаяся социально-экономическая напряжённость стала катализатором политического кризиса, охватившего Британскую Индию в первые послевоенные годы, масштаб которого современники сравнивали лишь с Великим восстанием 1857-1859 гг. Одним из главных раздражителей, вызывавших недовольство индийцев, стало сохранение введённого в военный период репрессивного законодательства. Тем не менее, несмотря на карательные меры, в 1919 г. протестные выступления охватили ряд индийских регионов. Наиболее напряжённая ситуация при этом сложилась в Пенджабе.

Завершающий этап обсуждения Билля о реформе управления Индией пришёлся на декабрь 1919 г. К тому моменту завершилась деятельность Совместного комитета, и согласованный текст был вынесен на рассмотрение обеих палат парламента. В Палате общин окончательное обсуждение законопроекта состоялось 5 декабря [8, col. 793], в Палате лордов – 16-17 декабря [10, col. 974]. В ходе дискуссий представители оппозиции предприняли попытки внести ряд поправок, в своей основной массе отклонённых большинством членов обе-

их палат. Получив окончательное одобрение в парламенте, 23 декабря законопроект был утверждён королём и вступил в силу как Акт о реформах правительства Индии (Government's of India Reforms Act). Он явился юридической основой для деятельности англо-индийской администрации в течение последующего десятилетия [5, p. 132].

Акт предполагал создание, впервые в индийской истории, системы органов представительной власти парламентского типа, включавшей провинциальные законодательные собрания, а также центральное Законодательное собрание, состоявшее из двух палат – нижней (Законодательная Ассамблея) и верхней (Государственный Совет). В больших провинциях законодательные собрания должны были на 70% заполняться избираемыми лицами и лишь на 20% состоять из назначаемых лиц, включая членов Исполнительного Совета при губернаторе. Сложный механизм косвенного избрания, введённый в 1909 г. заменялся системой прямых выборов [7].

В положениях Акта, а также ряда других официальных документов, неоднократно подчёркивался тезис о временном характере системы диархии. Её существование связывалось с переходным периодом, в течение которого в Индии должны были быть оформлены основы системы самоуправления. К моменту его завершения в провинции должна была сформироваться единая система управления, включающая назначаемого митрополией губернатора и представляющих индийское население министров. В соответствии с положениями нескольких дополнявших акт нормативных документов, британский парламент на основании периодического анализа степени эффективности новой системы, мог принимать решения о перераспределении административных функций в пользу «transferred subjects». В то же время, в случае если данный анализ выявлял существенные проблемы, связанные с функционированием департаментов, возглавляемых индийскими министрами, они могли быть возвращены под прямой английский контроль. В пятой части Акта упоминалось о необходимости создания специальной комиссии, в задачу которой входило исследование в течение десятилетнего периода различных аспектов «функционирования структуры управления, совершенствования образовательной системы, развития представительных институтов в Британской Индии», и сообщения «в какой степени желательно установить принципы ответственного правительства, а также степени изменения или ограничения нынешней степени ответственности правительства» [idid.].

Процедура избрания членов представительных органов власти регулировалась вступившим в силу в 1920 г. подзаконным актом, получившим название «Электоральные правила». В соответствии с ним было введено три избирательных системы, в соответствии с которыми организовывались выборы в законодательные собрания провинций, а также в Законодательную Ассамблею и Государственный Совет. Каждая из них предполагала наличие общих и специальных избирательных округов. Ценовые критерии, определявшие круг участвовавших в голосовании избирателей, различались для разных провинций и даже отдельных частей одной провинции. Кроме того, существовали различные системы градации для каждой категории электората [15, p. 1].

В рамках новой избирательной системы сохранялись многие принципы прежней куриальной системы, введённой в период реформы Морли-Минто. Так, в Пенджабе из шестидесяти четырёх округов по выборам в местное законодательное собрание, двенадцать приходилось на долю сикхских городских и сельских избирательных округов. В Бенгалии, а также некоторых других провинциях были созданы отдельные избирательные округа для представителей европейской общины. В Бенгалии и Мадрасе, кроме того, вводились специальные округа для индийцев-христиан, за которыми резервировалось два места в провинциальных легислатурах. В то же время, при всём многообразии существовавшей куриальной системы, определяющим в данный период окончательно становится разделение избирательных округов в Британской Индии на индуистские и мусульманские. Оно проистекало из соглашения, достигнутого лидерами Индийского Национального конгресса (ИНК) и Мусульманской лиги в Лакхнау в декабре 1916 г., в рамках которого предусматривалось определённое процентное соотношение представителей индуистской и мусульманской общины в реформируемых органах представительной власти. Всего в рамках новой системы выборов вводилось шесть типов избирательных округов, два из которых – мусульманский и немусульманский – были распространены фактически на всей территории Индии [2, p. 160].

Отдельной сложной проблемой являлось обеспечение относительно равного представительства отдельных кастовых групп, составлявших сложную мозаику индийского социума, и находившихся в сложной системе иерархических связей друг с другом. В данной связи, 21 января 1920 г. совместный комитет Палаты общин и Палаты лордов в пункте 7-м своего Отчёта о дополнительных мерах по реализации Акта об управлении Индией, губернатору Мадраса и некоторых других индийских провинций рекомендовалось «ввести отдельное представительство путём резервирования мест» для представителей низших каст [8, col. 860]. К тому моменту почти 80% членов индийских представительных органов в Мадрасском губернаторстве, численность жителей которого достигала 41 млн. чел и была практически равна населению Великобритании, составляли выходцы из касты брахманов. В начале 1920 г. представительство небрахманских каст в Законодательном собрании было увеличено до 42-х из 65 членов. Однако вскоре губернатор Мадраса лорд Местон сократил его до 28 [op.cit., col. 861]. Сделано это было вследствие протестов влиятельных брахманских групп. В июле 1920 г. британский парламент внёс изменения в части Акта, касавшиеся порядка представительства различных кастовых групп индийского населения, а также механизмов взаимодействия исполнительной и представительной власти на провинциальном уровне [11, col. 182]. Были уточнены и конкретизированы законодательные нормы, касавшиеся порядка ответственности провинциальных правительств перед губернатором, госсекретарём и Коронай. Принимая эти поправки, парламентарии учли рекомендации нескольких специальных комитетов, созданных для контроля над осуществлением преобразований, в частности, комитета лорда Соузборо [op. cit., col. 218]. При этом конечной целью преобразований вновь обозначалось совершенствование системы диархии и «формирование основ конституционного развития Индии» [12, p. 92].

В общей сложности в результате реформы Челмсфорда-Монтэгю избирательные права получили лишь 2,5% жителей Британской Индии или около 10% её взрослого мужского населения [3, p. 346]. Тем не менее, данный шаг, несомненно, способствовал становлению и развитию на индийской территории элементов демократии и парламентской системы правления.

Список источников и литературы

- 1) Aga Khan. India in Transition. A Study of Political Evolution. – L., 1918. – 330 p.
- 2) Copland I. India 1885-1947. The Unmaking of Empire. – L.: Routledge, 2001. – 156 p.
- 3) Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. – Calcutta: Nabu Press, 2012.– 486 p.
- 4) Egerton H. E. British Colonial Policy in the XXth century. – L.: Cambridge University Press, 1922. – 280 p.
- 5) Elliot W. Y. The New British Empire. – N. Y. and L., 1932. – 519 p.
- 6) Fraser L. India under Curzon and After. – L., 1911. – 516 p.
- 7) Government of India (Reforms) Act. – URL.: <https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/> (дата обращения: 05.01.2023).
- 8) Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series. – Vol. 125. – London, 1920.
- 9) Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. – Vol. 143(14 June 1919). – London, 1919.
- 10) Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1919). – Vol. 37. – London, 1919.
- 11) Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1920). – Vol. 45. – London, 1920.
- 12) Horne E. A. The Political System of British India. – Oxford: The Clarendon Press, 1922. – 184 p.
- 13) Indian constitutional documents, 1757–1939 /Ed. by Q.Ch. Banerjee, 2 ed., v. 1–3. – Calcutta, 1948–49. – 572 p.
- 14) India's Goal: Constructive Criticisms by Leading Indians on the Montagu-Chelmsford Scheme. – Madras, 1921. – 208 p.
- 15) The Morning Post. – 1920. – 15th October.

L.A. Belousova¹,
Lipetsk State Pedagogical
P.P. Semenov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk (Russia)
Scientific supervisor – Doctor of History,
professor of LSPU after P.P. P.P. Semenov-Tyan-Shansky
L.A. Cheresheva

THE ECONOMIC POLICY OF THE CONGRESS MINISTRIES IN BRITISH INDIA IN 1937-1939²

Abstract. *British India (official name – Indian Empire) of the early twentieth century was a colony of the British Empire. At the beginning of the 20th century, one of the main causes of the emerging riots was the problems of the Indian village. Disagreements arose between large and medium landowners – zamindars, on the one hand, and tenant peasants, who have a limited set of rights to land, on the other. The constant growth of rents led to the fact that the peasants were forced to sell their plots in order to pay off the debt. These questions confronted provincial ministers in 1937. The victory of the Indian National Congress in the elections showed that the election manifesto and promises of agrarian reforms were popular with a significant part of the population. In the article we consider the question of why during the time in power many election promises were not realized.*

Key words: *the British Raj, the Indian National Congress, provincial ministers, agrarian reform, zamindars, tenants.*

In 1935 a new Government of India Act was passed. The Act provided for a clear division of powers between the federal and provincial legislatures into three groups: the federal list of issues; provincial list of issues; issues of joint competence of the federal and provincial legislatures. The responsibilities of the provincial ministries included resolving issues of land ownership, including relations between owner and tenant, alienation and transfer of arable land, loans, reclamation, taxes on land and agricultural income, improvement of roads and water canals, distribution of grain, development of animal husbandry, destruction of pests, etc. [8, p. 326].

The Indian National Congress (INC, Congress) was the largest party. Congress won the 1937 elections. This allowed him to form provincial governments. The Congress did not have a unified concept of agrarian reforms due to the heterogeneity of its composition: it included the richest business representatives and large landowners along with small and landless peasants. In 1936, Jawaharlal Nehru developed an agrarian program that included, in fact, the revolutionary ideas of abolishing the zamindari

¹ Белоусова Людмила Андреевна, преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семёнова-Тянь-Шанского, Липецк (Россия).

Lyudmila A. Belousova, Lecturer of the Department of Russian and World History, Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk (Russia).

² The article is prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 23-28-00293.

system, reducing rents by 50% and introducing a moratorium on all agricultural debts [6, p. 479]. The issue of economic reforms revealed the ideological and political differences existing between the right and left wings of the Congress. Mohandas Karamchand Gandhi and his supporters emphasized the development of weaving and self-help. Another strategy to form unions, hold strikes, and refuse to pay illegal rents from tenants was pursued by the left wing and the Congress Socialist Party.

The ideas of the left wing of the party were reflected in the election manifesto of the INC. It emphasized that the appalling poverty, unemployment and debts of the peasants, caused by an outdated and repressive system of land tenure, further exacerbated by the decline in agricultural prices are an urgent problem. The INC promised to prepare an agrarian program that included reform of the land tenure system and rent, which was to make life easier for tenants by a significant reduction in agricultural rent and free them from unfair payments [12, p.403].

Many farmers took the manifesto of Congress as a direct permission not to pay rent until new agricultural legislation was passed. This forced ministers from the provincial governments to tour the provinces to explain the situation. They insisted on paying rent.

The campaign promises of the Congress were focused on the needs of small and landless peasants. This was due to the proposed voting system. Seats in the legislative assemblies of the provinces, in addition to the curial system, were divided into administrative districts.

In conditions of huge agrarian overpopulation, an extremely high level of land rent, landlessness and lack of land for the bulk of the agricultural population was maintained. At the same time, land was concentrated in the hands of large landowners, who usually preferred to lease land [1, c. 46].

The land tenure system differed from province to province, so it was difficult to pursue a uniform policy to reform it throughout the country. Jawaharlal Nehru, President of the Congress, in his book "The Discovery of India", divided the provinces into 3 types of land ownership: "The situation of tenants in Bengal was especially difficult due to the existence of a permanent zamindar. In Bihar and the United Provinces, a large zamindar rule prevailed. In Madras, Bombay, Punjab, etc., peasant property originally existed, along with which large estates appeared" [2, c. 146]. In some provinces, there was a ban on residents of the village from living outside of it without special permission.

The government of Bihar was able to achieve a significant improvement in the situation of the peasants. In 1937 and 1938 progressive amendments were made to the law on rent, in 1938 a law was passed to reduce rent arrears. Rents, which had risen steadily from 1911 to 1936, were reduced in line with the decline in agricultural prices. The law provided for the possibility of a reduction or even a complete exemption from rent in the event of soil damage or the inability of the landlord to provide irrigation facilities. Rajendra Prasad, who was one of the members of the Parliamentary Council, wrote that a system was devised whereby the reduction was carried out in those areas where rents were high, but not extended to areas that did not need such a reduction. On average, the rent was reduced by 4 annas per rupee [3, c. 449].

The peasants had the right to sell and transfer the plot or part of it upon payment of the established fee to the zamindar (in the case of a transfer of land - 2% of the annual rent; in the case of an exchange - 2 rupees) [6, p. 167]. A provincial peasant who cultivated the land for 12 years became the settled rayat of the village and received additional rights, including digging wells, building a house, planting or cutting trees on the plot. And landowners, according to an amendment to the law on private irrigation, have an obligation to carry out repairs and other irrigation works. The Congress government in Bihar was able to find a way to fulfill many of the campaign promises regarding the village.

Illegal debt collection by landlords has become a criminal offense. It is worth noting that these measures were taken after negotiations with a group of landowners. The Bihar government was also able to pass the Income Tax Law, which only applied to wealthy landowners with an income above Rs 5,000 [15, p. 191].

In the United Provinces, on August 2, 1937, two committees were announced to examine existing laws on tenancy, which prepared a bill that was tabled in the legislature on April 29, 1938. However, the committees could not solve all agrarian questions, some were transferred to the Select Committee of the legislature, and the final version of the bill was ready in October 1938. Many of the proposals contained there did not suit the landowners, and they turned to the governor to make changes, but he chose not to interfere. After three readings, on April 24, 1939, the bill was approved by the legislative assembly, after which its discussion continued until the end of August in the second chamber - the legislative council [11, p. 86]. The delay in the adoption of the lease bill caused strong discontent on the part of the tenants. It can be assumed that this slowness was due to an attempt by Congress to find a compromise with the landowners. However, this led to numerous speeches by tenants demanding reform.

In the United Provinces, on March 1, 1938, 20,000 peasants took to the streets in Lucknow and about 50,000 workers expressed solidarity with them. In July, as a result of a skirmish between zamindars and peasants, one of the peasants was killed [4, p. 14]. And in October 1938 the demonstrators organized a conference with the main slogan: "Abolish the zamindari system in the United Provinces". The chairman of this conference, Narendra Deva, insisted on the complete abolition of the zamindari system. As a result of the conference, a resolution was adopted containing information about the many cases when tenants were deprived of their rights to property. The resolution also called on the provincial government to put an end to the willfulness of the landowners, or the tenants will be forced into a policy of civil disobedience. In response, Prime Minister Govind Pant of the United Provinces told the conference that the government was also interested in improving the lease system. These events forced the government to accelerate in the search for a compromise to solve agrarian problems.

In the United Provinces, the majority of landowners were Muslims, so the religious factor joined the agrarian question. The landlords were alarmed by the support the Congress received among the peasants, although the leadership of the INC sought to introduce economic reforms in the villages without a religious component. Even before accepting the offices, Nehru expressed the idea that the differences between

the communities were primarily economic in nature, and that economic progress and the elimination of financial inequality would lead to the fact that the situation of the poor representatives of all religions would improve along with the prosperity of the country [6, p. 480]. In fact, he ignored the presence of religious problems, reducing everything to economic inequality, including the existence of provinces where most landowners were representatives of one religion, and the peasants of another.

After a long discussion, the tenants were assigned hereditary rights to the land. In addition, according to the law of 1939, the peasants received the right to build houses, outbuildings and plant trees without the permission of the owner. The government has achieved a fixed rent, set at a rate not exceeding 20% of production. The law prescribed the procedure for collecting debt from the tenant: “under any circumstances, the tenant was not subject to arrest, by a court decision, the debtor could be obliged to pay no more than a quarter of the crop.

The tenant could be expelled from the land only if his debt amounted to an amount equivalent to two years' rent or more. The desire of the congressmen to find a solution that could satisfy the zamindars led to a delay in the consideration of bills. In many ways, it was thanks to the active position of the peasants that the law was passed in the provinces before the resignation of the ministries.

In Madras, a reform committee chaired by Minister of Revenue Tanguturi Prakasam was set up to work on reform and recommended recognizing tenants' ownership of land, forests, irrigation systems and lowering rents. This proposal seemed radical even to his colleagues, 4 ministers opposed, however, the proposed recommendations were accepted by both chambers of the legislature in 1939, but by the time the ministries resigned, the law had not been issued [7, P. 137].

In November 1937, a bill was put forward to help landowners. According to it, all outstanding interest that arose before October 1, 1932 had to be canceled, and for debts that appeared after this date, interest was accrued at a rate of 5% per annum. This law reduced the indebtedness of landowners, but forced usurers to refuse loans to peasants at such a low interest rate. In the 14 months following the passage of the law, more than 100,000 cases were filed with a total debt of 20 million rupees [9, p. 155].

In Orissa, the law was supposed to give tenants the right to cut down trees, reduce rents, and abolish illegal taxes, but it met with strong resistance from the zamindars, who tried to get it rejected. The landowners of Northern Orissa launched an active campaign against the bill, to the point of refusing to cooperate with the government. On January 28, 1938, some of the zamindars sent letters to Gandhi and R. Prasad urging them to intervene in the situation because of the “uncompromising position of the provincial government” [15, p. 1762]. Partly due to their intervention, already on May 3, 1938, the law was adopted. One of the amendments concerned those areas of Orissa that were formerly part of Madras, the rent on which reached half the crop, and the law provided for its significant reduction. However, this bill met with such strong opposition from the landowners that the governor refused to approve it, after which it was sent to the Governor-general for consideration and was rejected in 1941.

In Bombay, work was underway to alleviate the debts of tenants and protect them from eviction. To reduce indebtedness, the ministries introduced compulsory licensing for moneylenders and set a constant amount of interest charged. Finance Minister Latte introduced a bill to help debtors. He described the situation with agricultural credits as follows: “The cultivator’s credit is low, and he has to pay a high rate of interest even for current finance. The economic servitude that arises from the money-lenders’ grip on the agriculturists gives rise to several evils, the chief among them being disposal of the agricultural produce in an unfavourable season and at a price detrimental to the cultivator in order that the demand of the money-lender may be satisfied” [15, p. 72].

Not all peasants of the country supported the reforms of the Congress and its attempts to come to a compromise with the landowners. In many places, the peasants raised the red flag and took a position hostile to the INC, not because they did not agree with its goals, but because its activities were not fast and comprehensive enough.

The British historian R. Coupland emphasized that a serious reform of the land tax system in India was an overwhelming task, and Congress cannot be blamed for its failure because of such a short period of their rule in the provinces [7, p. 137]. In evaluating the work of the provincial governments, Patabhi Sitaramayya, author of “The History of the Indian National Congress”, himself a member of the INC, emphasized that reforms could not be adopted quickly, because it was necessary to study the soil, to carry out planning, to overcome prejudices, to popularize new concepts of social and economic values [13, p. 54]. In addition, one of the important reasons why a comprehensive agrarian reform was not carried out is the disunity in the views of the congressmen themselves on the future of the Indian village.

Thus, Subhas Bose, a representative of the left wing of the INC, who was elected president of the Congress in 1938, called for the elimination of landownership and the abolition of the debts of poor peasants, and advocated collective membership in the Congress of trade unions and peasant unions. He planned to develop a scheme for the gradual socialization of the agricultural and industrial sectors after Indian independence [5, p. 141]. His radical views did not find support and in the Haripur session. Instead, a committee was formed to generate funds for developing links with peasant organizations.

In addition to trying to bring about comprehensive reforms in the Indian countryside, the ministries had the duty to resolve labor disputes between industrialists and workers. Although Nehru noted that the Congress did not have a specially designed program for industrial workers. At the same time, on the eve of the elections, the Congress sought to win over the unions, which allowed it to get about half of the seats reserved for workers in the provincial assemblies. At the same time, INC candidates received 3 seats out of 23 reserved for Indian industrialists and another 8 went to businessmen known for their pro-Congress views. Thus, the ministries once again found themselves in a situation where, while striving to improve the conditions of the workers, they could not strike at the interests of big business.

During the operation of the 1935 Act, the number of strikes and disputes increased over the previous period throughout the country. In 1938, half of the disputes ended in a settlement that partially satisfied the workers. Among the causes of disputes in the first place were demands for higher wages, but, often, demands for recognition of trade unions increased significantly. The number of registered unions and their membership increased by fifty percent between 1937 and 1938, an unprecedented fact in the history of the Indian labor movement [10, p. 155].

Thus, many external factors that governments had no control over made it difficult to implement reforms. At the same time, it should be noted the absence of a well-developed agrarian program that could be supported by the majority within the party. The social composition of the INC was very heterogeneous, which led to disputes over the social and economic reorganization of the country. However, it must be recognized that the ministries, during their limited tenure, were able to achieve some improvements in the life of the agrarian population. They analyzed the existing situation with recommendations for agrarian reforms, reduced the debts of tenants, returned some of the seized land, in some provinces, lease laws became real compromises that could reduce tensions between tenants and owners.

Transformations in the agrarian sector contributed to the growth of the self-awareness of Indian peasants, who got the opportunity to be heard at the level of provincial governments. The same reason can explain the growth of demonstrations and strikes at industrial enterprises - the workers hoped to receive support from the INC. The adopted laws can hardly be called revolutionary, but they have become an important step towards the democratization of the Indian village. The INC embarked on a path of transformation with the radical ideas of the congressional left, but the nature of most of the reforms carried out was moderate. These reforms were of great importance as an attempt to create a progressive legislative base for regulating the life of the Indian village, to abandon the semi-feudal, obsolete relations between tenants and landowners.

References

- 1) Маляров О.В. Независимая Индия: эволюция социально-экономической модели и развитие экономики. – Кн. 1. – М.: Восточная литература, 2010.
- 2) Неру Дж. Открытие Индии. – Кн.2. – М., Политиздат, 1989.
- 3) Прасад Р. Автобиография. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961.
- 4) Agrawal P.K. Land Reforms in India: Constitutional and Legal Approach. – New Delhi, M.D. Publications Private Limited, 1993.
- 5) Bose S. (2011). His Majesty's Opponent (Subhas Chandra Bose and India's Struggle Against Empire). – Manipal: Manipal Press Limited, 2011.
- 6) A Centenary History of the Indian National Congress / Ed. by B.N. Pande. – Vol. III. – New Delhi, Vikas Publishing House Private Limited, 1986.
- 7) Coupland R. The Indian Problem. Report on the Constitutional Problem in India. – Vol. 2. Indian Politics (1936-1942). – New York, Oxford University Press, 1944.
- 8) Government of India Act, 1935. – London: Eyre and Spottiswoode Limited, 1935.
- 9) Manikumar K.A. A Colonial Economy in the Great Depression, Madras (1929-1937). – Chennai, Orient Longman, 2003.
- 10) Markovits C. Indian Business and Nationalist Politics 1931-1939. The Indigenous Capitalist Class and the Rise of the Congress Party. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

- 11) Menon V.P. From Movement to Government. The Congress in the United Provinces, 1937-1942. – New Delhi: Sage Publication India Pvt Ltd., 2003.
- 12) Nehru J. The Unity of India. Collected Writings. 1937-1949. – New York: The John Day Company, 1942.
- 13) Sitaramayya P. The History of the Indian National Congress. Vol. II. – (1935-1947). – Bombay: Padma Publications Ltd., 1947.
- 14) Towards Freedom. Documents on the Movement for Independence in India. 1938 / Ed. by V. Chatterji. – In 3 Parts. Part 2. – Oxford: Oxford University Press, 1999.
- 15) Towards Freedom. Documents on the Movement for Independence in India. 1939 / Ed. by M. Hasan. – In 3 Parts. Part I. – Delhi: Oxford University Press, 2008.

А.С. Гепалов¹,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Липецк (Россия)
(научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор Л.А. Черешнева)

АБУЛ КАЛАМ АЗАД И ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИНДИИ²

Аннотация. В статье, основанной на документальных материалах выдающегося политического деятеля Индии, одного из лидеров национального движения, конгрессиста-мусульманина Абул Калам Азада (1888-1958), дан анализ его отношения к этнорелигиозным проблемам Индии. Сложность этнорелигиозной палитры Индии рассмотрена через призму подходов Абул Калам Азада к так называемой «теории двух наций», Лахорской резолюции конфессиональной организации Мусульманская лига, выступавшей за признание индийских мусульман, включая мусульман княжеств, не общиной, а нацией, имеющей право на самоидентификацию и отделение от индийского государства. Автор приходит к выводу о значимой роли Азада, поднявшегося над узкоконфессиональными вопросами самоопределения мусульман и индусов до понимания общендийских освободительных антиколониальных задач.

Ключевые слова: Британская Индия, этнорелигиозные проблемы, Абул Калам Азад, Джавахарлал Неру, Мохандас Карамчанд Ганди, Мухаммад Али Джинна, «теория двух наций», Пакистан, Индийский национальный конгресс, Мусульманская лига.

Современная Индия – это быстро развивающееся государство с мощным экономическим и военным потенциалом. На протяжении второй половины XX и начала XXI века она является стратегическим партнёром СССР/России. Когда речь идёт о поиске общего между нашими странами, как правило, говорят об их

¹Гепалов Александр Сергеевич, аспирант института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, и.о. директора Липецкого областного краеведческого музея, Липецк (Россия).

Alexander S. Gepalov, PhD student, Institute of History, Law and Social Sciences, Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University, Acting Director of the Lipetsk Regional Museum, Lipetsk (Russia).

²Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00293.

многонациональности. У обеих стран имеется многовековой опыт сосуществования народов с различной культурой и разрешения межрелигиозных и межнациональных противоречий. Обе страны прошли через раздел и столкновения на межэтнической и религиозной почве. Россия сейчас переживает сложный период противостояния с некоторыми из бывших союзных республик – частями некогда единого Советского Союза. У Индии имеется многолетний опыт конфронтации и преодоления последствий войн с Пакистаном, возникшего в 1947 г. в результате раздела колониальной Индии по религиозно-конфессиональному признаку. В Индии, как и в России, ярыми сторонниками образования новых независимых государств были национальные элиты. Историю трагедии распада обеих стран также объединяет существенный вклад в эти события представителей англосаксонского мира, осуществившего и раздел Индии, и в известной мере способствовавшего распаду СССР. Изучение опыта прошлого поможет разрешить проблемы настоящего и будущего и избежать новых ошибок в построении/развитии многонационального государства и выстраивания отношений с ближайшими соседями.

До обретения независимости колониальная Индия представляла собой федерацию провинций Британской Индии и полузависимые княжества. Главными политическими силами в борьбе за свободу были партии Индийский национальный конгресс (ИНК) и Мусульманская лига (МЛ). В состав ИНК входили разные политические силы, её членам разрешалось состоять в других партиях. Конгресс подчеркивал свой полиэтнический и поликонфессиональный характер. Мусульманская лига позиционировала себя как единственная партия, представляющая интересы мусульман. Д.Б. Абрамов отмечает, что «важным фактором, способствующим нарастанию напряженности и разобщению, катализатором конфликтогенных процессов между общинами страны неизменно выступают этнонационалистические, коммуналистские организации» [1, с. 8]. В 1940 г. МЛ приняла Лахорскую резолюцию, провозгласившую начало борьбы за образование независимого государства индийских мусульман – Пакистан. Распределение населения Индии по религиозным общинам на 1941 г. представляло собой следующую картину: индуисты составляли 69,46% индийского общества, мусульмане – 24,28%, последователи племенных верований – 2,26%, христиане – 1,91%, сикхи – 1,46%, джайны – 0,37%, буддисты – 0,12%, парсы – 0,03, иудаисты – 0,01% и прочие – 0,11% [5, с. 96]. В августе 1947 года Индия получила независимость, но в результате ее раздела были образованы Индийский Союз и Пакистан. Разделение страны сопровождалось массовой миграцией населения и жестокими межобщинными столкновениями. В октябре того же года началась первая индо-пакистанская война из-за спорных территорий в Кашмире. Боевые действия усилили недоверие между общинами и увеличили межрелигиозные столкновения. В результате к 1951 г. состав населения в Индийском Союзе изменился следующим образом: индуисты составили 84,98% населения страны, мусульмане – 9,91%, последователи племенных верований – 0,47 %, христиане – 2,35%, сикхи – 1,74%, джайны – 0,45%, буддисты – 0,05%, парсы – 0,03% и прочие – 0,03% [15, с. 96]. В 1965 году разразилась вторая

индо-пакистанская война, а в 1971 г. – третья. Причиной третьего конфликта стало вмешательство Индии в гражданскую войну между Западным и Восточным Пакистаном, вызванную сложными этнолингвистическими и социально-политическими противоречиями в двуедином Пакистане. Поражение Пакистана привело к отделению и появлению независимой Бангладеш.

Мухаммад Али Джинна, глава МЛ и создатель Пакистана, используя исламскую риторику, задумывал, тем не менее, строительство светского и демократического государства, но его скорая смерть (сентябрь 1948 г.) и гибель его приемника Лиаката Али Хана (октябрь 1951 г.) не оставили шансов осуществиться задуманному, т.к. изначально государство Пакистан строилось по религиозному признаку. Результатом стала череда переворотов и установление военной диктатуры, поражение в индо-пакистанских конфликтах, рост серьезных противоречий внутри мусульманской общины, приведшей к отделению Восточного Пакистана. В Индии же мусульмане превратились из общины, которая составляла 24,28% населения, в меньшинство, равное 9,91% (1951 г.). Согласно индийской переписи 2011 года соотношение населения изменилось: индусы 79,8%, мусульмане 14,2%, христиане 2,3%, сикхи 1,7%, другие и неуказанные 2% [4]. На основании того, что соотношение мусульман в Индии в 2011 г. по сравнению с 1951 г. увеличилось, можно говорить не только о естественном приросте населения, но и о приемлемых условиях для жизни сторонников ислама в государстве, проводящем взвешенную конфессиональную политику.

Непримиримым борцом за сохранение индо-мусульманского единства был выдающийся деятель ИНК, мусульманин Абул Калам Азад. Соратник лидеров партии, Джавахарлала Неру и Махатмы Ганди, он до последнего пытался сохранить и отстоять единство Индии. Сегодня его идеи вновь становятся популярными. В 1997 г. еженедельник «Аутлук» провёл опрос общественного мнения по проблеме раздела Индии 1947 г. На вопрос «Следовало ли допускать раздел Индии?», 61% опрошенных ответили отрицательно. На вопрос «Оцениваете ли вы позитивно идею воссоединения Индии и Пакистана?», 58% респондентов ответили «да» [3, с. 485]. В отечественной литературе среди немногочисленных работ, посвященных Азаду, отсутствуют труды, комплексно освещающие его жизнь, политическую деятельность и религиозно-философские искания.

Абул Калам Азад родился в Мекке 11 ноября 1888 года, в ортодоксальной мусульманской учёной семье. Его отец Мухаммад Хайруддин, известный богослов своего времени, был бенгальским мусульманином афганского происхождения. Его мать, дочь богослова шейха Мухаммеда Захира Ватари, была арабкой [10, р. 10]. Первоначальное имя Мауланы Абул Калам Азада было Абул Калам Гулам Мухиюддин [12, р. 468]. В 1890 году отец вместе с семьёй переехал жить в Калькутту. Через год после приезда умерла мать Азада.

Азад получил традиционное мусульманское образование. Обучался он согласно учебной программе «Дарс Низами», разработанной ещё в начале XVIII века. Данная программа предполагала изучение персидского и арабского языков, философии, логики, арифметики, географии, истории, исламского богосло-

вия и права. Обучение проходило дома, сначала отец его обучал сам, а позже подыскал самых известных учителей в каждой области знания. Курс обучения, рассчитанный до 20-25-летнего возраста, Азад закончил за 4 года в возрасте 16 лет [10, р. 11].

С 14 лет Азад публикует свои стихи на урду в журнале «Neraitge Alain» и участвует в поэтических конкурсах. В этом же возрасте основывает свой журнал «Lisamis Sidq» («Голос истины»). В 1904 году в Лахоре он, как редактор журнала, выступает перед литературными кругами с темой «рациональные основы религии» [10, р. 15]. Вскоре после окончания учёбы Азад знакомится с трудами Саида Ахмада Хана, его взгляды на современное образование произвели на юношу «глубокое впечатление». Он начинает изучать английский язык [2, с. 39]. Вернувшись в Бенгалию в 1907 году, Азад знакомится с выдающимися революционными деятелями того времени Шри Шьям Сундером Чакраварти и Ауробиндо Гхошем и включается в революционную деятельность, попадая под наблюдение властей [10, р. 16-17].

Азад принимает участие в создании революционных отделений в городах Северной Индии и в Бомбее. В 1908 году он совершает поездку в Ирак, Египет, Сирию, Турцию и Францию. В Ираке встречается с местными революционерами, в Египте – с последователями лидера либеральной оппозиции Мустафы Камиль-паши, а в Турции – с лидерами младотурецкого движения [10, с. 39-40]. Среди его корреспондентов были Заглул-паша и Фатхи-Бей. Он был тесно связан с Мустафой Кемаль-пашой и другими видными деятелями Турции. Почти все лидеры старой Младотурецкой партии, осуществившей революцию 1908 года и свою программу «Союз и Прогресс», были личными друзьями Мауланы. Спикер турецкого парламента Ахмед Реза, Энвер-паша и Джавед-Бей вели с ним переписку. Знаменитый иранский радикал Тагизаде был одним из друзей Мауланы [2, с. 84].

С 1909 года Азад начинает изучать английский язык. Выучив его, он продолжает заниматься самообразованием, изучая англоязычную литературу и прессу. В его библиотеке были произведения Шекспира, представителей британского романтизма Вордсворта, Шелли и Байрона, философов Гёте, Спинозы, Руссо и Маркса, врача Хэвлока Эллиса, а также индуистские тексты – Упанишады и Веды, исторические труды [10, р. 84].

В 1912 году Азад основал редакцию и наладил выпуск журнала на урду «Аль-Хилал» («Полумесяц»). Новшеством для журналистики урду являлось использование графических иллюстраций. 1 июня вышел первый номер, за шесть месяцев тираж достиг одиннадцати тысяч экземпляров [10, р. 29]. Журнал «Аль-Хилал» критиковал британскую власть и призывал мусульман к участию в борьбе за свободу Индии. В 1912 году Азад вступил в партию Индийский национальный конгресс. Конгресс в том году принял новый устав и объявил своей целью достижение конституционными методами самоуправления Индии в составе Британской империи.

В 1913 году Азад вступает и в Мусульманскую Лигу и занимает в ней одно из ведущих положений. В этом же году МЛ выдвигает требование предостав-

ления Индии статуса доминиона [14, р. 316]. Великий панисламист, яростный антибританец, он даже участвовал в заговоре, «деобандском джихаде», но безуспешно» [8, р. 18]. В 1915 году правительство, используя Закон о печати, сначала оштрафовало журнал «Аль-Хилал» на 2 тыс. рупий, а позже вообще закрыло его. Спустя пять месяцев после закрытия Азад наладил выпуск нового журнала «Аль-Балаг» («Послание»). В апреле 1916 года, прибегнув к Закону об обороне Индии, правительство выслало Азада из Калькутты, а власти Пенджаба, Дели, Соединённых провинций и Бомбея запретили ему въезд на свою территорию. 7 апреля 1915 года он был интернирован в город Ранчи штата Бихар, где пробыл до 31 декабря 1919 года [10, р. 38].

В 1919 году мусульманами Индии была создана организация «Джамиатуллама-и Хинд» («Общество улама Индии»), целью которой являлась «разработка религиозного обоснования халифатистского движения и его соответствия положениям ислама и нормам шариата» [3, с. 366]. Незадолго до ареста, на специальной конференции имамов в Лахоре, в которой приняли участие более тысячи человек, Азада хотели назначить «верховным духовным главой для всей Индии», но он отказался. После освобождения в 1923 году Азаду сделали повторное предложение. Свой отказ он объяснил тем, что назначение духовным главой «чревато опасностью и может оказаться препятствием на пути развития мусульманской общины» [10, р. 43-46].

В 1920 году Азад принимал ведущее участие в халифатистском движении, выступавшем за права султана-халифа Турции, включился в борьбу за самоуправление Индии, проводившуюся в Бенгалии и познакомился с Ганди. На собрании в Дели Ганди поддержал индийских мусульман по вопросу о халифате. В феврале 1920 года Азад и Ганди проследовали из Дели в Мирут, где должна была состояться конференция «Халифат». Именно на этой конференции «впервые была представлена общественности программа отказа от сотрудничества с властями» [10, р. 43].

В сентябре 1920 года состоялась специальная сессия Конгресса для рассмотрения программы Ганди. Резолюция о движении несотрудничества была принята большинством голосов. Ганди вместе с Азадом поехали по районам, чтобы подготовить страну к движению. В феврале 1922 года за участие в движении Азад был осужден и приговорен к одному году тюремного заключения и посажен в Центральную Алипурскую тюрьму [8, р. 18]. Позже к нему присоединились арестованные властями другие видные конгрессисты. Для Азада начались «тюремные университеты» – неотъемлемая часть политической жизни национальных борцов за самоуправление Индии.

Азад был освобождён 1 января 1923 года. Он стал участником сложных процессов в ИНК. Конгресс разделился на «сторонников перемен» и «противников перемен». «Противники перемен» хотели продолжать программу бойкота, намеченную Ганди. Их возглавляли Раджагопалачари, Сардар Пател, Раджендра Прасад и Шаукатулла Шах Ансари. «Сторонники перемен», возглавляемые Мотилалом Неру, Читтаранджаном Дасом и Витальбхаем Пателем, выступали за участие в выборах в Законодательное собрание.

Освободившись из тюрьмы, Азад попытался примирить обе группы. Он заявил: «Никакая политическая программа ... не может считаться священной. О ней нужно судить по её достоинствам» [10, р. 88]. На специальной сессии Конгресса в сентябре 1923 года Азад был избран председателем Конгресса, он подчеркивал необходимость единства.

Специальная сессия конгресса состоялась в Дели 15 сентября 1923 года под председательством Азада. В своем выступлении он изложил свою компромиссную формулу, которая заключалась в том, что те, кто верит в программу вступления в Совет, должны быть допущены к этому, чтобы захватить эти органы и не сотрудничать изнутри, а те, кто не верит в эту программу, должны посвятить себя осуществлению конструктивной программы Конгресса. Эта формула была принята, и таким образом возникла Парламентская программа Конгресса [10, р. 89].

В 1922-1925 гг. Индию охватила волна индусско-мусульманских погромов. Осенью 1924 года в Дели состоялась «конференция единства», на которой собрались лидеры индусов и мусульман. В декабре Мусульманская Лига на сессии в Алигархе приняла доктрину, утверждавшую существование в Индии «двух наций», индусской и мусульманской. Этническое и профессиональное начала подавались в резолюции как совершенно идентичные.

В краткой биографии Азада, подготовленной Министерством внутренних дел Индии, говорится, что в 1926-1929 годах он не привлек к себе особого внимания [8, р. 1]. Именно тогда, в 1926 году, во время индусско-мусульманских беспорядков в Калькутте, он пытался наладить мир между конфессиями, «умоляя индусов в одном месте» и «споря со своими единоверцами в другом» [10, р. 97-98].

В августе 1930 года он был назначен исполняющим обязанности президента Индийского национального конгресса. 28 августа был арестован в связи с речью, произнесенной им в Мейруте, и приговорен к шести месяцам лишения свободы. В феврале 1932 года Сардул Сингх Кавишар назначил его президентом Конгресса. 12 марта был арестован и пробыл в заключении два месяца до 11 мая. После Бомбейской сессии в 1934 году был избран членом парламентского совета Конгресса [8, р. 18].

В дальнейшем Азаду предстояло сыграть одну из ключевых ролей в обретении Индией независимости. В 1940 году он был избран президентом Конгресса, вёл переговоры с британской миссией Стаффорда Криппса (в 1942 г.) и с последним вице-королем Маунбэтеном (в 1947 г.). С 1947 г. и до конца своих дней занимал пост министра просвещения Индии.

Существует множество статей и книг, в которых рассказывается о ранних годах Абул Калам Азада. Основой для их изложения служат три произведения. Первое – это биографические мемуары «Маулана Абул Калам Азад. Президент Индийского национального конгресса», написанные личным секретарём Ганди со слов Азада, опубликованные в Лондоне в 1941 г. [9] и переизданная в 1946 г. в Агре [10]. Второе произведение – это «Народные трибуны», написанные индийским писателем Рамахандра Рао и посвящённые Махатме Ганди, в которых автор

даёт портреты Джавахарлала Неру, Абул Калам Азада, Валлабхаи Пателя, Раджендры Прасада, Абдул Гаффар Хана, Чакраварти Раджгопалачария, Сароджини Найду. Книга увидела свет в Бомбее в 1945 г. [14] Заслуживает внимание анализ роли и места Азада в цепочке семи выдающихся политических лидеров ИНК: он – второй после Неру. Это можно объяснить либо его высоким положением в Конгрессе на тот момент, либо совпадением взглядов с Джавахарлалом, ближайшим соратником которого он был.

Третьим источником является автобиографическая повесть «Индия добивается свободы», написанная Хумайюном Кабиром – видным индийским учёным и политиком. Работа над книгой проходила совместно с Азадом, который принимал активное участие в отборе материалов и редактуре. Окончательный вариант книги был одобрен Азадом, но опубликован уже после его смерти в 1959 г. [6] Любопытно, что после смерти Абул Калама министром просвещения стал его соратник и друг Хумайюн Кабир. В Советском Союзе книга была переведена и издана в 1961 г. [2]. В Индии книга была переиздана в 1988 г. – в год столетия Абул Калама Азада [7].

Большинство известных статей и книг, которые посвящены Азаду, компилируют вышеприведённые источники и описывают ранние годы жизни, не принося ничего нового. При этом из статьи в статью кочуют неточности. Пакистанский исследователь С.М. Икрам пишет, что «Ранние годы Абул Калама окутаны тайной. Поклонники старались превратить его в легенду, что возможно приводило к приукрашиванию его жизни» [13]. Для описания ранних годов жизни Азада, за неимением иных источников, считаю наиболее достоверным автобиографическую повесть «Индия добивается свободы», понимая субъективный характер такого рода источников, особенно написанных со слов героя повествования.

История жизни, политических и религиозных устремлений Абул Калам Азада заслуживает самого пристального внимания, так как она может помочь избежать межэтнических и межрелигиозных столкновений, найти точки сближения для разных государств и народов.

Список источников и литературы

- 1) Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 187 с.
- 2) Азад А.К. Индия добивается свободы. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 358 с.
- 3) Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л., История Индии. – М.: ГАУГН-Пресс, 2018. – 541 с.
- 4) История Востока. Т. 5: Восток в новейшее время: 1914-1945 гг. / Отв. ред. Р.Г. Ланда. – М.: Восточная литература, 2006. – 717 с.
- 5) Петров В.В. Народонаселение Индии. Демографическая характеристика. – М.: «Наука», 1978. – 312 с.
- 6) Azad A.K. India Wins Freedom: An Autobiographical Narrative. – Bombay, Calcutta, Madras, New Delhi: Orient Longman, 1959. – 252 p.
- 7) Azad A.K. India Wins Freedom: An Autobiographical Narrative. – Madras: Orient Longman, 1988. – 299 p.
- 8) Brief History of Maulana Azad Prepared by the Government of India, Home Department Political, in 1936 // The Selected Works of Maulana Abul Kalam Azad. Volume I (1936-42) / Ed. by R. Kumar. – New Delhi: Atlantic Publisher and Distribution, 1991. – P. 18-19.

- 9) Desai M. Maulana Abul Kalam Azad. The President of the Indian National Congress. – London: George Allen and Unwin Ltd. – 1941. – 202 p.
- 10) Desai M. Maulana Abul Kalam Azad. The President of the Indian National Congress. – Agra: Shiva Lal Agarwala and Co., LTD, 1946. – 146 p.
- 11) Central Intelligence Agency. The World Factbook. – URL.: <https://web.archive.org/web/20170311073725/https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/in.html>.
- 12) Iftikhar A. The Role of Maulana Abul Kalam Azad in National Movement. 3rd International Conference on Multidisciplinary Research & Practice. – Volume IV. – Issue I. 2016. – 468 p.
- 13) Ikram S.M. Modern Muslim India and the Birth of Pakistan. (1858-1951). – Lahore, Ashraf, 1970. – 135 p.
- 14) Ramachandra Rao P.R. Tribunes of the People. – Bombay: New Book Company, 1945. – 134 p.
- 15) Ravindra Kumar. Introduction // The Selected Works of Maulana Abul Kalam Azad. Volume I (1936-42) / Ed. by R. Kumar. – New Delhi: Atlantic Publisher and Distribution, 1991. – 324 p. – P. 1-8.

Bishwajit Acharya¹,
Jawaharlal Nehru University,
New Delhi (India)

RUSSIA'S FOREIGN POLICY OF EURASIANISM

Abstract. *Eurasianism is a conception of an organic unity of a space which is geographically, culturally, and politically different from other regions of the world. Petr Savitsky referred to the region as **мир себя** a world in itself, completely self-contained. As advocates of the idea mulled over Eurasia, the Russian and Eurasian spaces alone had the spiritual and physical resources to maintain the independence of the region. Interestingly, this formulation of Eurasia is appropriated from the extreme right views of European elites whose characterisation goes as follows- a vision of geographic and geopolitical convergence of Asia and Europe wherein Asia is seen as Russian space. This idea has its roots in the vision of Halford Makinder who had warned about the dangers of an Eurasian collusion. Even the Versailles Settlement of 1919, had recommended the segregation of Europe and Russia. During the cold war, this idea was kept alive. But, in the post-cold war period, the idea of Eurasia had more relevance as the opposition to a unipolar US was ever stronger in Europe especially, in the Iraq war of 2003 as consensus in Western Europe was dwindling.*

The concept of Eurasia, its roots, origins, culture and civilization would be discussed under thematic sections. At the outset, the text would be preceded by a brief overview of the ideological contestation vis-à-vis the west, setting the contextual frame of Eurasianism. Secondly, the relationship between Eurasia and geopolitics as postulated by Alekzandr Dugin would be examined on how geopolitical studies influenced neo-Eurasian thinking. Thirdly, the paper would argue that although Eurasianism is a grand strategic idea, its wallop on Russian foreign policy has been insightful in lieu of being

¹Bishwajit Acharya, Doctoral candidate (PhD), Centre for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi (India).

Бисваджит Ачария, докторант Центра Российских и Центральноазиатских исследований факультета международных отношений Университета имени Джавахарлала Неру, Нью Дели (Индия).

impactful, and relegated to the background without altering Moscow's national interest. The security of the state from internal as well as external threats has always been a priority. And finally, as the suffix of the paper's title suggests, the contemporary logic and relevance of the pivot to the east, indicates a new geopolitical convergence between a set of countries, bounded by a collective sense of unshakable conviction in carving up a new international system where multipolarity buttressed by a search for multilateralism would be the defining element of mutual engagement.

Key words: *Eurasia, foreign policy, Russia, multipolarity, international system, geopolitics.*

Introduction

President Vladimir Putin's push for the Eurasian Union is based on the misinterpretation of Russian culture by the West and how the latter instigates Russia to mold into a western style liberal democratic state. But Putin believes that Russia has more than a thousand years of cultural distinctiveness with religious practices and customs that cannot be sacrificed for an alternative western liberal democracy. Thus, in a nutshell, all that President Putin is trying to convey is, do not attempt to change Russia. Russia is partly European and partly Asian but it is not Western while for example, Japan is Asian but it is Western. Because being 'Western' means adhering to a set of values and institutions. This cultural and in more ways civilizational and spiritual significance of the non-western identity of Russia emerges at the core of what is known as *Eurasianism*.

There is not one but a multiplicity of Eurasianism(s). First and foremost, Eurasianism as a concrete idea took shape during the interwar period approximately around the 1920s, a group of Russian intellectual emigrés fled to Western Europe and left behind a repository of ideas in the form of documents, papers, and studies on Eurasia. Only during perestroika (restructuring) was its legacy reintroduced. A group of scholars or Eurasianists as they were called, wished to locate Eurasianism in the 1920s which directed them to study the interpretation of Russian history and culture, nationality problems in Russia, and questions of civilisation and the Orthodox faith. As a prerequisite, the argument of cultural hybridity is a key concept in the implementation of Eurasianism. Cultural proximity between the Russian slavs and the East slavs are paramount and the classical Eurasianists believed that cultural cooperation between Russia, East, and Central Asian Mongols is a necessity [11]. Mark Bassin has defined Eurasia as “an independent geographical world, self-contained and distinct from Europe as well as from Asia” [2].

The early *classical* Eurasianists met in the Bulgarian capital in 1920, to discuss issues that happened in quick succession sending reverberations across the Euro-Atlantic world wherein, the Tsarist rule had been halted by a communist initiated Bolshevik Revolution (1917), the ravages of World War I was ongoing, and the need to constitute a socialist bloc in order to respond to crises when the international order had descended into chaos. The accounts written were a reflection of the civil strife that took place commingling with the myriad branches of study each member represented. However, some early Eurasianists, i.e., Georgii Vasilyevich Florovskii and Prince Aleksandrovich Lievan quit the group but many more joined. Both Savitskii and Suvchinskii enjoyed their Ukrainian heritage without antagonizing the Russian

society. Arapov, Malevskii-Malevich, and Arsenii Aleksandrovich Zaitsev went political with the movement by penetrating the group's ideology into the Soviet secret services through Trest (an organization of Soviet intelligence) to get access to the group. The infiltration was so deep that a State Political Directorate (GPU), Alekzandr Alekseevich Langovoi, an officer of the USSR, was a member of the Eurasianist group [2, p. 1-5]. Nikolai Trubetskoy (linguist), Georges Florovsky (theologian), Petr Savitsky (economist), and Petr Suvchinsky (music critic) an exodus bigger than the French Revolution and in 1921, they published a book named "*Exodus to the East*", and they argued that Russia was demotic- a form of democracy without the rule of law, and it is a civilizational symphony of people that was economically self-sufficient. As a prerequisite, the argument of cultural hybridity is a key concept in the implementation of Eurasianism. Cultural proximity between the Russian slavs and the East slavs are paramount and the classical Eurasianists believe that cultural cooperation between the Russian, East, and Central Asian Mongols is a necessity.

There is a plethora of literature available on the notion of Eurasia but two issues stand out under the broader umbrella of Eurasianism, these are:

- a) understanding of the West and,
- b) the view of Russia's Eurasia place in the world.

The West is no longer a civilization nor a community, the only member that dominates the globe is the US and this is referred to as Atlantic exceptionalism. Interestingly, Dugin does not use the term 'west' and calls it *Atlanticism*. It is here that continental Europe is seen through a benign lens as it is truncated from the larger western alliance system devoid of the US hence, Europe is thought to be a potential ally to Russia and a friend to Russia. More reasons to accept Europe is due to the fact that Europe is a part and parcel of America's hegemonic strivings in the longer run. Dugin refers to this alliance as the European continental bloc or the *Paris-Berlin-Moscow* axis [6]. However, this axis would be expanded to include a Tehran-Moscow and a Tokyo-Moscow axis under the vision of a great Eurasian unity [3].

Geopolitical visions of Eurasia

The "Foundations of Geopolitics" published in 1997 by Alekzandr Dugin [6] is considered as the magnum opus for the Eurasian project coupled with the resurrection of Eurasianism per say, as Neo-Eurasianism in a novel incarnation and the inclusion of geopolitics into the mainstream ideas developed by its predecessors- classical Eurasianism. Dugin believed that a significantly distinctive aspect of Eurasianism posits a fundamental opposition between Russia and the West. In fact, Dugin was the chief advisor of geopolitics to Gennadii Seleznev, speaker of the Duma at the time. The latter had suggested the inclusion of Dugin's geopolitical views in the school textbooks of Russia. His revision of Eurasianism inspired by Danilevsky's ideas on the cultural and civilisational unification of Russia with the Eurasian landmass is of relevance.

The classical Eurasianists described Russia's differences from the West as not in strictly national or ethno-national terms but in what they called culture and civilization. For two centuries, the European West representing the *Romano-Germanic civilization* was seen as the 'other' but at the same time he accepted the big shifts that occurred during the cold war era between 1945-1991. He claims that this is a breath-

taking shift of the West- across the Atlantic ocean all the way up to North of America. This is reinforced by him as “Atlanticism”. And furthermore, the US is the chief antithesis to Russia in promoting and propagating this trans-Atlanticism which is nothing else but a grand hegemonic design. The programme was to attain global hegemony or dominate the entire global space.

As a counter riposte, the policy of Eurasianism stands to protect the world from this trans-Atlantic hegemony by a collective strength of countries that ultimately establish a multipolar world order. In Dugin's view, the establishment of a *Union of Eurasia* would create a buffer zone, safe for Russia's and Europe's security. His views were so broad so as to include the whole of Latin (South) America as an extension of Eurasia and to liberate it from American imperialism [2; 6]. Even the orientalist & ethnographer Lev Gumilev believed that Russia is uniquely different from the Atlantic civilization and perhaps a stark opposite pole [1, p. 112].

At a time when European intellectuals were scribbling their pens on the downside of a cultural pessimism that had engulfed Europe, writers such as Oswald Spengler and Arthur Moeller van den Bruck forecast a decline of the West. This decline was fuelled by an overstretch of modernity's pervasive and penetrative effect on humanity which was not altogether dreadful but neither did it rescue the European people from the miseries of WWI, the Great Depression, the mushrooming of fascist regimes leading only to another global catastrophe of the twentieth century [2, p. 4-5]. An inescapable reality of the Eurasianist movement was the belief in the preservation of Orthodoxy to resuscitate Russia from the revolutionary ideals the Bolshevik movement had established. This task was however bereft of any panacea it had so ambitiously thought out, the writers could not succeed in countering the Bolshevik ideological apparatus. Nonetheless, the end result was as Bassin et al write, “the solution was thus seen in a return to a conservatism that remained true to dogmas of the Church and its visions of Christianity” [2].

Origins in geopolitical studies

The term Eurasianism did not originate from Russians; rather, the concept has beginnings in geopolitical studies' which can be traced back to the German geographer Frederick Ratzel. In fact, Vadim Tsymburskii suggests that Eurasianism was a manifestation of Tsarist Russia's imperial ambitions. At the same time, this was integral to Soviet Russia's ostracism from the Western world underscoring the “Orthodoxy factor” of religious and cultural dissemination into a typical non-western set of countries. Friedrich Ratzel believed that the state is a living spatial organism rooted in the soil and this includes the demographic, geographic, ethnocultural parts of a nation. And, what is newsworthy is that Dugin refers to this very germane idea as the foundational principle of geopolitics. Furthermore, two quintessential components that Ratzel merges are ethnos and space. The state is obviously formed with its roots attached to the earth's crust (space) but, the further development of the state is materialized by the people inhabiting the soil. This amalgamation between the people and the space they live in which is strictly a geographical concept develops into a spiritual and emotional story. Ratzel gives seven laws of spatial expansion of states which could be problematic if interpreted under the modern Westphalian states system.

Here, boundaries are considered as living organisms thus providing a fertile ground for territorial expansion. Secondly, it allows higher civilizations to absorb or eat up lower ones, something akin to the principle of *matsyanyaya* in the Indic sense. Despite the innovative unraveling on the origins of the state, critics pointed out that Ratzel wrote a Catechism for the imperialists [6, p. 1-3].

To dwell more on Ratzel, he made sincere attempts to write on the importance of a continental power drawing from the specific experiences of North America. He argued that North America had a mature 'sense of space' with their prior politico-geographical European historical experience. Another important aspect was his emphasis on Sea power which would eventually propel a country to a world power status- *Weltmacht*. On a final note, Ratzel was a strict nationalist in thinking although, he did not justify German imperialism [6, p. 4-5].

Another important strategist was Swede Rudolph Chollen, who was the first to use the concept of geopolitics although Robert Strauss-Hupé introduced the term in his 1942 book on 'Geopolitics: The Struggle for Space and Power'. Chollen defined geopolitics as, "the science of the State as a geographical organism embodied in spaces." [6, p. 7]. Influenced by the ideas of Ratzel on German organism and the 'continental state', Chollen linked Germany's geopolitical identification with Europe as inevitable. He wrote that Germany had axial dynamism with other European countries which meant that Germany would be the axis and other countries would revolve around it. Interestingly, in this scheme of geopolitical events, he calls the *Triple Entente* with Europeans and non-Europeans as peripheral and goes on to justify WWI as a conflict where Germany and other Axis powers' expansionist tendencies were legitimate and the *lebensraum* was not an acceptable geostrategic policy by the Entente powers [6, p. 7-9].

Furthermore, *Mitteleuropa*, in contrast to "pan-Germanism" was no longer a national, but a purely geopolitical concept, in which the main importance was not on ethnic unity, but on a common geographical destiny, and that destiny was Central Europe. This was to be an integration between Germany, the Danube states, and France. Also, here on, the concept of 'Mittelage' or middle position was given a more cultural and spiritual significance as Arndt formulated: "God placed us in the center of Europe; we (Germans) are the heart of our part of the world" [6, p. 9].

Geopolitics as a concrete idea

Geopolitics offers a perspective on contemporary international affairs that is anchored in the study of history, geography, and culture. Or, as James Kerth has put it, "it is about the study of the realities and mentalities of the localities" [7]. To approach the subject from a slightly different standpoint, the roots of geopolitics can be seen in the era of 'Big Think' between 1880-1910 as scholars at the time began to think about the social and technological accomplishments and, they tied that with a deep sense of foreboding of what the new century was likely to bring. This was the era of big world histories for the search for systemic explanations, it gave us *Marxism*, Brooks Adams' *Law of civilization and decay*, and Oswald Spengler's *The Decline of the West*. What was common at this juncture was a mania for systemization and a search for the key [7].

But equally vital texts were written by people who thought big. For instance, Alfred Thayer Mahan wrote *The Influence of Sea Power on History*, and he argued that Britain's rise to world power and the potential key to dominance of the United States of America as a world power was due to control of the seas. Mahan says that all the victories that Britain registered were a consequence of its majestic sea power. In a similar vein, Halford Mackinder responded to Mahan on the geographical pivot of history, although he acknowledged that seapower had been instrumental; however, industrialisation and technology not only made conquest and exploitation inland easier and more efficient but, it also unequivocally stated that the inland area is more vital and requires the eyes of the state to protect it from external aggressors. He was fixated on Eurasia, the center of the world's heartland. This idea on the control of Eurasia appealed to the Germans as they dreamt of Eurasia as the gateway to a larger empire, and especially, when the Germans were blockaded during WW II by the British [6; 7; 8].

Karl Haushofer developed ideas of Geopolitics and this enticed Rudolph Hass; and the latter encouraged Hitler to read Haushofer's texts and contacts between them developed where the notion of Germany expanding to the East merged with Haushofer's geopolitics and thus came lebensraum. It is a different story that Haushofer's house was raided several times as his wife was a half Jew. Only the Deputy Fuhrer, Rudolph Hass had to intervene in the matter to provide a protective shield to Haushofer's family. Later, Robert Strauss wrote a counter riposte to Haushofer's version of Geopolitics in his "Geopolitics" (1942) in which he points out the dangers of Haushofer's ideas but acquiesced to his premises. Strauss accepted that the Germans had developed geopolitics as a new approach to International Relations focused on the domination of a vast autarkic independent space instead of working within a European states system. He saw that this idea did not respect traditional state boundaries or nations and the primary fixation was with territorial control rather than administration etc. He warned of an inevitable reality of what the Germans saw, preached, and practiced- real power exists where gigantic territorial spaces are controlled. Hence, he concluded that there could be no stable world order, only everlasting struggle.

The Eurasian discourse influencing Russia's foreign policy

The sheer continuity of the Russian identity debate since Peter the Great is the defining element in Russian foreign policy [18, p. 88-89]. Peter despised the manner in which maps were depicted in classical times where rivers and oceans were visible markers of division between continents and countries. Vasily Tatishchev was Peter's geographer, who contended that the Ural mountains could be taken as distinguishing boulders representing fences between Europe and Asia. Peter's idea of this redrawing of maps as part of his plan was to include newly gained territory in Europe and elsewhere as Russia being an active member of the European league whilst maintaining the political and cultural assimilation of Russia into the European culture, something Catherine the Great announced as well [Ibid]. In his European tour, Peter the Great visited Amsterdam and England because they had the best shipyards in the world as Peter desired to build Russia as an invincible naval power. As the author Robert K. Massie writes,

“Peter returned to Russia determined to remold his country along Western lines. The old Muscovite state, isolated and introverted for centuries, would reach out to Europe and open itself to Europe. In a sense, the flow of effect was circular: the West affected Peter, the Tsar had a powerful impact upon Russia, and Russia, modernized and emergent, had a new and greater influence on Europe” [13, p. 229].

The idea of Eurasia is more pertinent as some intellectual emigrés wrestled with the idea of a pan-Eurasian identity going beyond Slavic roots. So it could be argued that this amalgamation, although coerced, gave a definition of non-ethnic Russianness. In fact, Feodor Dostoevsky depicted Russian identity in terms of its inclusiveness, openness, and messianism and wrote extensively about an all-encompassing universal Russian humanitarianism. Surprisingly, this universalism (*vselenskost*) subsumes within its fold the entire European culture into the Russian soul. Writing in stark contrasting terms, Nicholas Danilevsky apportioned a sort of particularism in his work on Russia and Europe 1869, fusing pan-slavism, Slavophilism, and imperialism into a conservative mold with Slavic culture being supremacist. Another account by Vladimir Solovyov reinforced the idea of imperialism and portrayed Russian conquest and subjugation as a superior force of peace and truth. So, the accounts by Slavophiles and Westerners echoed a pattern of Moscow’s ties with Europe, Slavic unity and the characterisation of Ukraine as (Little Russians), Byelarusian’s as (White Russians), and Ethnic Russians as (Great Russians) [21, p. 3-8].

Neo-Eurasianism on the other hand, essentially means to resurrect a novel Russian state. Panarin, another Eurasianist who strongly believes that Russian Orthodoxy is the closest fraternalistic religious tradition that can assimilate Eastern religious traditions and beliefs namely, Buddhism, Confucianism, Islam. This image is pitted against the untrammelled accumulation of a capitalist oriented or the technologically powered economic globalization practiced, propagated, promoted by the West on a universal scale. Hence, it is precisely this historical trajectory of the Eurasian idea that needs to be fathomed if one were to seek liaison(s) with Eurasianism as a core ideological force that increasingly shapes and influences Russia’s foreign policy [18, p. 91-93].

The lack of Eurasian thinking under post-Soviet Russia

Barry Buzan calls the current world order as 'deep pluralism' because a lot of things have diffused – wealth, power and cultural authority. He says that great powers are in the new era more autistic or inward looking into their domestic environment and their behavior is self-referential [5]. There is a kind of tight interdependence between countries combined with the distribution of wealth, power and cultural authority that resembles classical times where several centers of civilizations existed side by side. Post-Soviet Russia, in many ways, can be interpreted to have undergone similar changes as expressed above. It has particularly had a multifaceted approach to foreign policy with the defining pillar being multipolarity thus, buttressing Buzan’s concept of deep pluralism. Notwithstanding the aforesaid, one caveat makes it abundantly clear that Russia's approach to foreign policy under the aegis of Boris Yeltsin was devoid of any Eurasian tendency. The guiding light was at best a pragmatic approach to building a new Russia by strengthening the economy. Indubitably, the Yeltsin years saw a persistent tilt towards the west, and only when Putin assumed charge in 2001, instrumental changes

began to appear in the foreign policy makeup but even this happened late. There were a few problems why Eurasianism did not dominate the Kremlin.

On the one hand, it is widely known that Russians were anti-White House, anti-Wall Street but surely not anti-American. The Soviet Union did not collapse, says Vladimir Pozner, it was deliberately disbanded by Yeltsin wherein the presidents of Russia, Ukraine, and Belarus met to dissolve the USSR's seven decades legacy. As he was second only to Gorbachev, Yeltsin was determined to get rid of the USSR for he believed the former was a redundant state since the time Gorbachev was elected as General Secretary. Pozner in his work of 2018 strongly believes that Russians were eager to cooperate with the West as Yeltsin had then contemplated; he steered forward and had delivered a speech to seek a partnership with the US at the time. After WWII, the US introduced the Marshall Plan to reconstruct Europe, this saga of economic reconstruction was not about economics alone though economics was the bedrock of the plan, it had its own controversial undercurrents beneath the surface. The plan was engineered in such a fashion so as to help develop certain things but equally vital was the fact of not letting others to develop. This could be one approach adopted by the US towards Russia of inculcating democracy to the extent that Communists do not resurrect and the other approach could be the complete destruction of Russia's nuclear arsenal thus compelling Moscow to pay [13].

On the other hand, a significant problem was the bombing of Yugoslavia by NATO. The UN did not condone this at all. Russia again cautioned the US but to no avail. When Putin got elected to the Presidency, he pitched the idea that Russia can join NATO because by sheer logic the threat posed by the Soviet Union had evanesced. However, Putin was not taken seriously. He still went ahead with the idea that Russia could at least join the European Union but this offer was also rejected. The point is that Russia was being reminded that it somewhere did not fit into the West's concept of development or material advancement as it were, and so the geopolitical estrangement.

The Global War on Terror (GWOT 2001), saw immense cooperation and coordination between the US and Russia simply to extirpate a new threat (terrorism) which by then had gone global. President Putin extended a helping hand to President Bush and rightly so, because the enemy was common. It was an attack on US soil but the threat was global. And importantly, the extension of unflinching support from Moscow meant that there is an urgent need of the hour to work together in times of crises instead of unilaterally exterminating Al Qaeda from Afghanistan. However, the US invasion of Iraq (2003) was another instance of the inevitability of circumstances where Russia did the most obvious thing, it warned Washington to not intervene in Saddam's regime without ample evidence on the possession of weapons of mass destruction. That was not the case however. The aftermath of the invasion followed by the decimation and mayhem it caused had global repercussions especially, the private military contractors such as Black Water killed more innocent civilians than rescued, fuelled more corruption in the elite ranks, and pocketed huge profits [17, p. 93-97].

Putin, since his ascendancy as the President of Russia has not defined a straightforward path towards Eurasianism. This is reflected in his support for GWOT

9/11, and oddly enough, this was perceived as geopolitical expediency by the US as it increased its footprints in Central Asia although, this honeymoon with the Central Asian states soon held a massive blowback as US forces were evicted from the Karshi-Khanabad air base in Uzbekistan. And, the irony about the west is that Putin extended help immediately after 9/11 happened along with military operations in Afghanistan but received nothing in exchange. All of this made Putin even more suspicious of US foreign policy and thrust Moscow to reorient itself on this plank of mistrust of Western pledges and support.

As Gordon Hahn puts it, whether Putin will in full-throttle, implement the ideals of Eurasianism posing as an anti-western stance is a prospective bet, however, the argument that Putin is systematically only about economic growth is equally misplaced. Putin navigates between the twin ideas of:

- a) economic integration with the Euro-Atlantic economic system; and
- b) the politico-philosophical underpinnings of that liberal economic order should not be allowed to dominate resulting in a zero-sum game.

He navigates this quandary in the sense that he does agree on the benefits of integration while not succumbing to the demands of western elites into sacrificing Russia's personal sense of freedom. To go backwards in time, even Nikolai Trubetskoi had similar imaginings of the Eurasian project. On the one hand, embracing the West in key areas of economic and development cooperation, while maintaining independence on strategic affairs concerning the geopolitical realm or an anti-Euro-Atlantic position so that, once technological progress outperforms parity then, the need to remain in perennial subservience gets weaker [17, p. 93-94]. All of this amply demonstrates to a lack of Eurasian approach to foreign policy and the prudence of both Yeltsin and Putin reveals that big ideas are obviously an anchor but, the exigencies of statecraft can appear to be an existential threat and therefore, the priority of securitizing the state assumes paramountcy.

A pivot to the East?

The rationale behind focusing East is due to a historical as well as contemporary convergence of geopolitical and geoeconomic interests (against a world order increasingly dominated by the west) that compel Russia to look eastward. The reorientation of Moscow's foreign policy eastward is a prerequisite after the Euromaidan crisis (2014) followed by Ukraine (2022). The West has waged a proxy war on Russia and continued sanctions through multilateral regimes, it has been arming Kiev with lethal weapons with the intention to constrict Russia's global engagements. Moreover, in the current geopolitical scenario that is being played out with an emphasis on the orientalist side, or the East, Russia has more opportunities than before with a handful of countries such as China, India, Turkey and Iran.

They are regional powers, they project considerable power beyond their frontiers and do not antagonize Russia. *China* has a gigantic BRI project that passes through the Eurasian heartland with a network of connectivity projects via land and sea routes. Beijing is in the process of building a grand Eurasian project notwithstanding their cultural affinity with Eurasia because they have their own civilisational heritage to speak for akin to what Russia proudly celebrates. The Turks look at Eurasia as part of Turkic or Otto-

man past and has also maintained cordial relations with Russia despite being a member of NATO. *India* is a great power in the South Asian region and has had a history of defending its zone of influence from hostile powers. *Iran* has been a strategic ally of Moscow in various complex security constellations in the Middle East and beyond. The role of Iran in the Middle East has gained a novel momentum by the rapprochement of Saudi-Iran relations brokered by China. This makes a compelling case for the last spasms of American dominance in the West Asian Region thereby inviting countries to proactively engage and reconstruct an international order devoid of American influence. It is commonplace to think of Russia, Iran, Turkey and China all having this civilizational past that speaks about their history and culture. So, what these countries ought to do under the banner of a multidimensional foreign policy:

- 1) practice true multilateralism;
- 2) oppose bullying actions in any form by belligerent states operating under the western narrative, and lastly;
- 3) safeguard their sovereignty.

There should be a multidimensional foreign policy orientation at work from Russia's dealings with the East in order to respond to a globally waning US and a fragmented Western Europe.

Both Russia and China are part of the globalized economic system, Russia is a commodity superpower whereas China is a standalone economic powerhouse who benefits a great deal more than Russia and both do not share any significant degree of complementarity in economic terms. The kind of convergence that is being argued by experts about Russia and China is misrepresented in many circles because in the grand scheme of geopolitics, America is the principal adversary of both which can be understood as some kind of common purpose. Moreover, convergence will occur as long as there is a common foe but beyond that, it comes back to the respective countries national interest that is the defining element of geopolitics. Therefore, cooperation between Russia and China has its limits. Russia and China have been in the UN since 2014 after sanctions were imposed by the US and western lead groups but still the Chinese reliance on the dollar is an aspect the Chinese government cannot ignore, even though they have been attempting to bypass the Swift International payment system; and this will hurt Russia in the long term. China's economic model is premised on the notion of export surpluses which are then held as dollar denominated assets, and short circuiting this process would hurt the Chinese growth at home. For example, Moscow along with Beijing views the language and intent of the UN Charter's "use of force" as a *strict constructionist* interpretation and assert state sovereignty as a right which is viewed by the USA as a responsibility. In a nutshell, Washington's role as the sole global policeman needs to stop. Furthermore, Russia has always attempted to fend off or even frustrate US unilateralism sometimes, mobilizing countries that share a one-sided US bias but this is a phenomenon that Moscow itself cannot grapple alone unless aided by external partners [10, p. 66-68].

Conclusion

To conclude, the notion that Eurasianism is a pragmatic formulation of Sovietism seems an exaggeration because Putin does not vouch for the restoration of the USSR as Marlene Laruelle suggests, precisely because, Putin, in one of his Presidential address read out an oft-cited popular phrase that does the rounds in Russia, “He who does not regret the passing of the USSR has no heart; he who wants to restore it has no head” [20, p. 88].

Be that as it may, what is equally problematic is discounting the fact that Putin merely neglects the Eurasian discourse as a utopian pipe dream is another erroneous way to judge his intentions towards an Eurasianist future. Because Nursultan Nazarbayev, former President of Kazakhstan, embraced Eurasianism as an extension of the Commonwealth of Independent States (CIS) which was an idea that had not yet dissipated into meaningless rhetoric. As a consequence, the Eurasian Economic Union (EEU) was established in 2015. Vladimir Putin had given a tacit nod to this forum in the form of lectures in Kazakhstan and elsewhere, on the concept of Eurasia invoking Lev Gumilev and other prominent thinkers mentioned above. Finally, he endorsed the EEU in 2014. And, both Alexander Dugin and Vladimir Putin find themselves on the same ideational page, agreeing on the collapse of the Soviet Union but, what they regret the most is the geopolitical contraction of the Soviet space which historically speaking was a living space.

Marlene Laruelle in a similar vein, argues that Eurasianism is not simply an extension of Russian foreign policy, nor does it cater to select nationalist parties in Russia or patriotic sentiments fuelled by the Russian Federation. In reality, the vision or theory stands without doubt, as a colossal idea that has the potential to impact not just Russia but the West and the East put together and additionally, it can be a voice for the entire global south. She emphasizes that Eurasianism is not exclusively Russian but a global phenomenon. The rationale for this statement is worthy of attention. Despite western dominance in the world today, through its values of liberty, democracy, and human rights there is a retrenchment somewhere which vividly depicts that the world is at the cusp of a monumental change or in Kuhnian parlance, a paradigm shift. This alteration which is in an ongoing process, is gradually mutating; it is the notion that identity, civilisation, tradition, culture, and religion are pronouncedly making the claim to rewrite the scientific world we have witnessed thus far. This realization stems from the failure of Marxist intellectual theories in explaining socio-economic phenomena which has receded into the archives of history, and other contemporary forms such as culture and civilisation have assumed prominence [9].

As elucidated above, the philosophical undertones of Eurasianism as a core Russian doctrine sits well within the framework of its unique identity, the relation between state and nation, the ideological contestation with the west, and therefore, the spearheading of the Eurasian movement is a prerequisite. To be sure, the possibility of the implementation of the project in its entirety seems far-fetched; nonetheless, there are sophisticated ways in which this utopia can be materialized. On the one hand, if the opposition to the west keeps growing and there seems to be a lack of a credible alternative, only then can this come about but with severe contestations within the idea itself. On the other hand, the convergence of geopolitical and geo-economic interests can assuage the Eastern powers to cooperate on diverse issues such as de-

dollarization, finding a substitute for the Bretton Woods institutions through multilateral forums such as BRICS, reforming the Security Council (which is already underway led by Russia and China), and most of all moving towards multipolarity hence, constructing an equitable global order.

References

- 1) Bagger H. The Study of History in Russia During the Post-Soviet Identity Crisis // *Scando-Slavica*. – 2007. – № 53(1). – P. 109–25.
- 2) Bassin M., Glebov S., Laruelle M. *Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism*. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.
- 3) Bassin M., Torbakov I. *Russia: Eurasian and Nationalist Visions for Future Russian Policy*. – Pennsylvania: The Swedish Institute of International Affairs, 2015, 18 February.
- 4) Buzan B. *The Role of the Military in a Post-Western Global Order*. – Trondheim: Norwegian Defence University College, 2019, 7 July.
- 5) Buzan B. *The Role of the Military in a Post-Western Global Order*. – Oslo: The Royal Norwegian Air Force Academy, 2019, 12 February.
- 6) Dugin A. *Foundations of Geopolitics*. – Moscow: Arktogetja, 1997.
- 7) Granieri R.J. *What is Geopolitics and Why Does It Matter?* – Pennsylvania: FPRI, 2015, 27 February.
- 8) Grygiel Y. 2015. *Russia, Ukraine, and the Geopolitics of Europe*. – Pennsylvania: FPRI, 2015, 23 April.
- 9) Klump D.S. *Wilson Center*, 2013, 6 May.
- 10) Legvold R. *Russia's Informed Foreign Policy // Foreign Affairs*. – 2001. – Vol. 80. – No. 5. – P. 62-75.
- 11) Kotkin S. 2017. *What is Eurasia?* – Pennsylvania: FPRI, 2017, 26 October.
- 12) Mankoff J. *Empires of Eurasia: How Imperial Legacies Shape International Security*. – New Haven: Yale University Press, 2022.
- 13) Massie R.K. *Peter the Great: His Life and World*. – New York: Random House Trade Paperbacks, 1980.
- 14) Pozner V. *How the United States Created Vladimir Putin*. – New Haven: Yale University, 2018, 2 October.
- 15) Putin V. *Russian President Putin's Speech At The World Economic Forum: Complete English Translation, 2021* – URL: <https://www.russia-briefing.com/news/russian-president-putin-s-speech-at-the-world-economic-forum-complete-english-translation.html/>.
- 16) Putin V. *Address by President of the Russian Federation, 2014*. – URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/20603>.
- 17) Sakwa R. 2011. *Russia's Identity: Between the 'Domestic' and the 'International' // Europe-Asia Studies*. – 2011. – № 63(6). – P. 957–75. – URL.: <https://www.jstor.org/stable/2797560>.
- 18) Schmidt M.J. *Is Putin Pursuing a Policy of Eurasianism // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 2015. – № 13 (2005). – P. 87-100.
- 19) Shlapentokh D. *Russia's Fore Policy and Eurasianism // Eurasianet*, 2005, September 2.
- 20) Trenin D.V. *The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization*. – Washington: DC, 2001.
- 21) Zevelev I. *Russian National Identity and Foreign Policy. Center for Strategic and International Studies (CSIS).2016*. – URL.: <https://www.jstor.org/stable/resrep23235>.

И.Б. Дежкин¹,
Липецкий государственный
педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Липецк (Россия)

СТРОИТЕЛЬСТВО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА В КАРАЧИ КАК ПРИМЕР ОКАЗАНИЯ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ПОМОЩИ В ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ПАКИСТАНА

***Аннотация.** Статья посвящена роли Советского Союза в создании основ пакистанской индустрии, в первую очередь – строительству металлургического завода близ города Карачи – настоящему гиганту промышленности Пакистана. В статье также размещён материал мемуарного характера, касающийся участия липчан в строительстве и запуске Карачинского завода.*

***Ключевые слова:** промышленность Пакистана; индустриализация; металлургический завод; Карачи; З.А. Бхутто; Советский Союз.*

В 1947 году в результате раздела Британской Индии при предоставлении ей независимости англичанами, образовалось государство Пакистан. Это была отсталая, бедная, аграрная страна, промышленность которой давала лишь 5,9% ВВП, в то время как на долю сельского хозяйства приходилось около 70% валового внутреннего продукта [14, с. 9-15]. Современный Пакистан может быть охарактеризован уже как индустриально-аграрная, либо – аграрно-индустриальная страна. Промышленность дает уже около 25% ВВП, сельское хозяйство – около 21%, остальное – сфера услуг (при этом в сельском хозяйстве по-прежнему занята большая доля трудоспособного населения – 43%) [25, с. 733]. Меры по созданию индустриальной базы предпринимались в 50-е и, еще более активно, в 60-70-е годы, в результате чего доля промышленности в структуре национальной экономики неуклонно росла. Темпы экономического роста были особенно высокими в 50-60-е годы, составляя в среднем 7-9% в год. Промышленность развивалась еще быстрее – свыше 10% ежегодного роста, причем крупная – более 15% [8, с. 364-365]. Естественно, появление в стране определенного экономического потенциала требовало создания основ производства, средств производства, прежде всего – отраслей тяжелой промышленности, в том числе собственной металлургии, так как потребность в сталелитейной продукции стремительно увеличивалась. На ее импорт в 1973/1974 финансовом году приходилось тратить уже почти полтора миллиарда рупий – колоссальные для Пакистана средства, особенно если учесть, что данный финансовый год Пакистан закончил с 3332 миллионами рупий дефицита внешнеторгового баланса [3, с.101; 5, с. 328].

¹ Дежкин Игорь Борисович, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк (Россия).

Igor B. Dezhkin, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk (Russia).

Инициатором в деле создания металлургического производства в условиях слабости национальной буржуазии могло выступить только государство. В 1961 году правительство решило построить современный крупный металлургический завод, однако столкнулось с проблемой отсутствия необходимых финансовых, материальных и человеческих ресурсов, а также совершенно необходимых для такого дела мощных инвесторов [12, с. 65, 114, 125]. В 60-х годах при содействии японского и (в незначительной степени) французского капитала было построено три металлургических завода в крупных портовых городах – два в Карачи (только один из них – завод спецсталей – был значимым, рассчитанным на выдачу 450 тысяч тонн металла в год), и один – в Читтагонге, мощностью в 150 тысяч тонн. Пуск этих заводов, как и работа еще около 200 мелких, преимущественно кустарных, предприятий по вторичной выплавке металлов, совершенно не могли удовлетворить потребности страны в сталелитейной продукции [2, с. 92; 6, с. 552-554]. Проблема нехватки металла обострилась еще более после разразившегося в 1968-1971 гг. острейшего политического кризиса, завершившегося отделением от Исламской Республики Пакистан Восточной Провинции в 1971 году, на месте которой возникла Народная Республика Бангладеш. Читтагонг оказался теперь вне пределов пакистанской территории. Реально производство металла в 1973/74 ф.г. составило 214 тыс. т, а импорт – 510 тыс. т. Потребности же народного хозяйства оценивались в 1 млн. т. и предполагалось их увеличение в 1980 г. до 1,7 млн. тонн [10, с. 293].

Не найдя подходящих инвесторов в странах капиталистического блока, Пакистан обратил свои взоры на Советский Союз, который уже помогал Пакистану в строительстве ряда предприятий обрабатывающей промышленности и в освоении его природных ресурсов, содействуя в организации геологоразведочных работ. В 1970 г. была достигнута принципиальная договоренность об оказании Советским Союзом экономического и технического содействия Пакистану в строительстве в районе города Карачи крупного металлургического завода, а 22 января 1971 года подписано соответствующее соглашение [10, с. 84, 186, 473]. В феврале 1971 г. представители СССР и Пакистана подписали также соглашение о технической помощи последнему в сооружении крупной тепловой электростанции в Гудду, где советские специалисты в 70-е годы установили самый мощный в стране генератор мощностью 200 тыс. кВт. Советская сторона обязалась поставить оборудование и материалы на общую сумму 119,2 млн. рупий [30, 1973, № 17].

Карачи был совсем не случайным выбором. Это первая (до 1958 года) столица Пакистана, самый крупный город страны. На тот момент там проживало более 4 миллионов человек, когда стройка реально началась – около 6 миллионов, а сейчас – 23,5 миллиона жителей [15].

Уже к моменту провозглашения независимости Пакистана Карачи был крупнейшим промышленным центром страны, а за годы независимости в нем был построен вполне современный и крупнейший в республике порт, через который идет почти вся внешняя торговля Пакистана и Афганистана [12, с.87-91]. Здесь сосредоточено более 35% всего экономического потенциала страны,

проживает почти 10% населения, создается до 55% ВВП государства. Правда, бурное развитие города и концентрация в нем промышленности выдвинули ряд крайне острых проблем (например, нехватку воды и электроэнергии для нужд промышленного производства, что влияло на стоимость производства и препятствовало нормальной работе многих предприятий) [13, с. 40, 73]. Так называемая «проблема Карачи», как она именуется в пакистанской печати, даже вынудила правительство думать о необходимости рассредоточить промышленность и снизить чрезмерную городскую агломерацию. Этими соображениями, в частности, были продиктованы такие меры, как перевод столицы в специально отстроенный для этой цели Исламабад и издание Акта 1957 г. о запрете строительства предприятий в Карачи. Впрочем, акт был частично отменен уже в 1960 году, так как выяснилось, что запрет развития таких отраслей, как сталелитейная, электротехническая, сборочная, станкостроительная и прочих, ориентированных на импортные сырье и компоненты, в крупнейшем порту страны будет тормозить все промышленное развитие республики. Было принято совершенно оправданное решение расширять производственную и социальную инфраструктуру в Карачи и вокруг него [30, 1974, № 44; 37, 9.02.1969].

Бурные события начала 70-х гг., война в Бенгалии (Восточной Провинции), вооруженный конфликт Пакистана с Индией в декабре 1971 г., на стороне которой выступил СССР, отсрочили реализацию масштабного советско-пакистанского проекта. Однако, ненадолго. 20 декабря 1971 года к присяге в качестве Президента Пакистана был приведен яркий, энергичный и реалистично мыслящий политик – Председатель Партии пакистанского народа (ППН) Зульфикар Али Бхутто, настроенный на возобновление и существенную активизацию советско-пакистанского сотрудничества. В январе 1972 г. Бхутто не только объявил о масштабной национализации (в том числе металлургических предприятий), но и о переходе к новому этапу индустриализации, которая, как отмечал глава государства в обращении к бизнесменам Карачи, до сих пор проводилась без какой-либо системы и последовательности [27, с. 66]. В марте 1972 (а затем еще в октябре 1974 г.) он совершил визит в Москву, договорившись об углублении сотрудничества во многих сферах двусторонних отношений. В Москве, несмотря на проявляемую вначале некоторую настороженность, вызванную эмоциональной реакцией в 1971 г. Бхутто – тогда еще лидера оппозиции правившему в Пакистане военному режиму – на поддержку со стороны СССР действий Индии по «расчленению Пакистана», благосклонно отнеслись к новому пакистанскому руководителю.

К тому же, активно употребляемая Бхутто социалистическая фразеология ласкала, видимо, слух кремлевских обитателей, а весьма радикальные социально-экономические реформы, которые пакистанский президент, придя к власти, сразу же начал осуществлять, давали им надежду, что в мире стало еще одной страной «социалистической ориентации» больше. В феврале 1973 г. СССР посетил один из самых близких к пакистанскому руководителю член его кабинета Абдул Хафиз Пирзада. В марте в Пакистан прибыла советская экономическая делегация, подписавшая 11 марта соглашение об экономическом и техническом

сотрудничестве, в том числе – о строительстве в 35 км от Карачи, в местечке Пипри Нал уникального для страны по своим размерам и техническим характеристикам металлургического завода на площади свыше 30 кв. км [8, с. 353-354; 11, 14.08.1978]. В декабре того же года было подписано соглашение о предоставлении Советским Союзом кредита на строительство завода, для оплаты поставок оборудования и технического содействия, а также для подготовки пакистанских специалистов на советских металлургических предприятиях. В счет погашения советских кредитов Советский Союз согласился зачитывать поставки пакистанских товаров в СССР [2, с. 92; 17, с. 46; 22, с. 554; 30, 1977, № 34].

Первоначальная проектная мощность гиганта должна была составить 1,1 млн. тонн стали в год при полном металлургическом цикле, что позволяло улучшить структуру металлургической продукции за счет расширения ассортимента, улучшения качества, максимального использования отходов и побочных продуктов [4, с. 113]. Этого предполагалось достигнуть в 1984/1985 ф.г. (первую продукцию завод дал уже в 1978/1979 ф.г.). Затем предполагалось увеличить мощность еще почти вдвое – до 2 млн. тонн. Это не только давало возможность полностью покрыть потребности страны в черном металле, но и обеспечить возможность вывоза его части, чтобы импортировать цветные металлы и легированную сталь, так как ввиду слабости сырьевой базы создание предприятий цветной металлургии не планировалось. Посол СССР С.А. Азимов заявил, что завод в Карачи в огромной степени будет способствовать индустриализации Пакистана. «Советский Союз, – уверил он, – внесет большой вклад в развитие пакистанской промышленности» [18, с. 293].

Согласие СССР оказать содействие в строительстве комбината нашло живой отклик в сердцах пакистанцев, и было высоко оценено пакистанскими руководителями и органами печати. Министр труда Мухаммед Ханиф заявил, что завод должен стать стержнем индустриализации страны. Он также добавил: «Мы придаем важное значение развитию отношений с Советским Союзом, который помогает нам в осуществлении задач национального обновления» [32, 09.08.1975]. Черная металлургия, дав стране собственный металл, позволяла шире развернуть отрасли тяжелого и транспортного машиностроения, продлить цепочку межотраслевых производственных связей. Ввод в строй завода, как писал пакистанский экономический ежегодник, «избавит Пакистан от необходимости тратить большие суммы иностранной валюты на импорт черных металлов (так, на эти цели в 1974/1975 г. было израсходовано свыше 200 млн. долл.)» [35, 1976, р. 52], а также снизит уровень безработицы и неполной занятости в стране. Только на эксплуатации завода будет занято 15 тыс. человек, а в смежных отраслях – еще 20 тысяч [26, с. 44; 36, № 34]. Наконец, строительство промышленного гиганта значительно усиливало госсектор в промышленности, чему администрация Бхутто всегда придавала важное значение. Карачинская «Доон» писала, что после ввода комбината в строй доля госсектора повысится на 50% [33, 31.12.1973]. Газета «Замана» отмечала, что «этот сталелитейный завод явится краеугольным камнем научно-технического прогресса и будет со-

действовать борьбе Пакистана за достижение самостоятельности в различных областях жизни» [1, л. 2].

30 декабря 1973 г. Премьер-министр Пакистана З.А. Бхутто (по Конституции 1973 года именно этот пост позволил ему сохранить руководство исполнительной властью, в связи с чем он оставил пост главы государства в августе 1973 г.) торжественно заложил первый кирпич долгожданного сталелитейного завода в Пипри [29, с. 227]. Выступая на торжественной церемонии, пакистанский лидер охарактеризовал строительство первенца отечественной металлургии как показатель «технической зрелости» страны, «крупный шаг на пути к экономической независимости», выразил сердечную благодарность народу и правительству СССР. Он также отметил необходимость реконструкции порта Карачи и строительства нового порта Касим, призванного разгрузить Карачи и обслуживать строящийся завод [37, 31.12.1973]. Грузооборот Карачинского порта (10,5 млн. тонн), работавшего уже со второй половины 60-х годов на пределе, не позволял справиться с неизбежно увеличившимся в связи с началом строительства завода импортом сырья. В январе 1974 г. в стране была принята также программа дальнейшего развития транспорта, согласно которой планировалось увеличить пропускную способность железных дорог, ведущих в Карачи и к месту стройки [9, с. 353; 14, с. 175-176]. Первоначальная проектная стоимость строительства комбината была определена в 14 млрд. рупий, из которых более половины выделял в качестве кредита СССР. Однако рост цен привел к удорожанию строительства до 18 млрд. рупий [35, 1975, р. 57-58; 1978, р. 57]. Понимая исключительную важность проекта, который известный пакистанский экономист Ш.Дж. Бурки характеризует как один из «великих проектов Бхутто» [28, р. 151], пакистанское правительство не скупилось и несмотря на сильно затронувший экономику страны мировой экономический кризис 1973-1975 гг., разрушительные стихийные бедствия, обрушившиеся на Пакистан в те же годы, ежегодно выделяло значительные и постоянно возрастающие суммы на его реализацию [14, с. 174; 16, с. 201; 37, 25.01.1976].

Не изменилось положение и после свержения гражданского правительства военными во главе с генералом Мохаммадом Зия-уль-Хаком в июле 1977 г. По пятому пятилетнему плану экономического развития страны на 1978-1983 гг. из 21 млрд. рупий, ассигнованных на развитие промышленности в госсекторе, 11,2 млрд., то есть свыше 50%, было направлено на строительство металлургического завода [19, с. 43]. Это вполне себя оправдывало. Благодаря введению первой очереди комбината, промышленное производство страны за 1980-1982 гг. выросло на 21,3% [10, с. 321]. Уже при правительстве З.А. Бхутто были введены в строй производственный корпус, цех опалубки, центральная лаборатория и ряд других подразделений предприятия. При заводе создан учебный центр, ежегодно выпускавший около 1400 квалифицированных рабочих и механиков. 1230 пакистанских инженеров и техников получили возможность пройти обучение и стажировку на советских заводах [18, с. 185; 30, 1974, № 8; 34, 1976, № 16]. 15 января 1985 года металлургический завод в Карачи был официально сдан на проектную мощность, а к началу 1986 г. пакистанцами было погашено 30%

кредита, предоставленного Советским Союзом в середине 70-х годов [5, с. 339; 24, с. 244].

Придя к власти после гибели генерала-диктатора, дочь казненного им З.А. Бхутто – Беназир проявила заинтересованность в расширении отношений с СССР. В ноябре 1989 г. в Москву прибыл государственный министр производства Пакистана Р.Ш. Зафар, который подписал соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в расширении мощности металлургического завода в Карачи в 3 раза [11, с. 327; 23, с. 236-237].

Однако распад СССР не позволил реализоваться этим планам, и в настоящий момент мощность завода составляет 2,2 млн. тонн стали в год. Сейчас на заводе трудится около 9,5 тыс. человек [25, с. 734]. Завод переживает нелёгкие времена. В 2013 г. он вообще работал лишь при 3%-й загрузке своих мощностей, работники месяцами не получали зарплату. Тем не менее, это технологически передовое и оснащенное современной электроникой предприятие [13, с. 41; 20].

Автор этой статьи не может не отметить и вклад десятков липчан в строительство азиатского металлургического гиганта. Среди них был и честно исполнявший свой долг во время командировки, продолжавшейся с декабря 1978 по июнь 1981 г., мой отец – Дежкин Борис Дмитриевич. Он работал мастером-инструктором огнеупорного производства на великой стройке под общим руководством главного инженера – выдающегося металлурга из Украины Ивана Александровича Пономаренко и непосредственным – инженера из Липецка, ныне покойного Николая Федоровича Байцурова. Автор этой статьи, которому было только 8 лет, с мамой – Клавдией Дмитриевной и восьмимесячной сестрой Инной присоединились к отцу в ноябре 1979 года. Советские специалисты с семьями проживали в «русском городке» близ строящегося завода. Время нашего проживания там было очень напряженным. В Карачи, где после жестокой казни свергнутого З.А. Бхутто регулярно происходили волнения, нам разрешили съездить только два раза за полтора года, когда нам, в частности, позволили посетить мавзолей основателя Пакистана М.А. Джинны, родившегося и умершего в Карачи.

Кстати, как пишет бывший посол СССР в Пакистане А.А. Родионов, хорошо знавший З.А. Бхутто, этот выходец из среды богатых синдских землевладельцев (а Карачи – столица провинции Синд) в молодости преподавал в юридическом колледже в Карачи [21, с. 130].

Впрочем, в самом нашем городке было вначале спокойно. Но после ввода 27 декабря 1979 г. советских войск в Афганистан обстановка вокруг городка резко обострилась. Зия-уль-Хак, лелеявший надежду договориться с афганским диктатором Хафизуллою Амином о разрешении застарелого пограничного вопроса, с дикой яростью и раздражением воспринял весть о вводе советских войск, свержении и убийстве Амина [5, с. 343]. Новогоднюю ночь, когда в СССР праздновали наступление 1980 года, советские граждане, приехавшие помогать пакистанскому народу развивать индустрию, просидели в кромешной тьме, спешно сооружая засовы и ожидая должное вот-вот начаться нападение

разъяренных мусульманских фанатиков, объявивших джихад «интервентам». На работу советских специалистов стали возить под охраной, над городком с провокационными целями на бреющем полете носились американские военные самолеты, взлетавшие с расположенной вблизи военно-воздушной базы США, а нам, «детям русских» запрещалось выходить из дома даже в школу.

Напряжение через два месяца существенно снизилось, и жизнь вошла в нормальную колею. Жившие, работавшие (или учившиеся) в Пакистане граждане СССР, давно возвратившиеся на Родину, до сих пор с теплотой вспоминают о простых пакистанцах и их бедной, но красивой стране, периодически пересматривая старые фотографии из семейного архива. Хотелось бы, чтобы усилия советских специалистов по строительству и запуску металлургического гиганта не пропали даром, и он бы заработал на всю мощьность во благо пакистанского народа. Также хочется выразить надежду на то, что российско-пакистанские отношения будут развиваться стабильно в интересах утверждения справедливого миропорядка.

Список источников и литературы

- 1) Архив внешней политики РФ. – Ф. 187. – Оп. 30. – П. 64. – Д. 7.
- 2) Агеев В.Ф. Карачи: некоторые социальные и экономические проблемы развития // Ближний и Средний Восток. Экономика и история. – М.: Наука, 1982. – С. 75-96.
- 3) Алганов И.В. О некоторых вопросах развития государственного сектора и государственного регулирования в современном Пакистане // Современный Пакистан. Экономика, история, культура. – М.: Наука, 1976. – С. 97-123.
- 4) Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Пакистан. – М.: Мысль, 1981.
- 5) Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008.
- 6) Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н., Сидоров М.А. Пакистан // Современная Азия. Справочник. – М.: Наука, 1977. – С. 542-577.
- 7) Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. 1957 / Под ред. Б.А. Введенского. – М.: Большая советская энциклопедия, 1957.
- 8) Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. Выпуск восемнадцатый. 1974 / Под ред. С.М. Ковалёва. – М.: Советская энциклопедия, 1974.
- 9) Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. Выпуск девятнадцатый. 1975 / Под ред. С.М. Ковалёва. – М.: Советская энциклопедия, 1975.
- 10) Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. Выпуск двадцать седьмой. 1983 (1983). / Под ред. В.Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия.
- 11) Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. Выпуск тридцать четвёртый. 1990 / Под ред. В.Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
- 12) Жмуйда И.В. (1976). Промышленность Пакистана. – М.: Наука, 1976.
- 13) Жмуйда И.В., Морозова М.Ю., Шах Наваз. Пакистан. Экономические диспропорции и региональная политика государства. – М.: Научная книга, 2007.
- 14) Каменев С.Н. Пакистан. Государственные финансы и экономическое развитие. – М.: Наука, 1982.
- 15) Карачи, Пакистан – один из крупнейших мегаполисов мира. Электронный ресурс (2022). – URL.:<https://traveltimes.ru> Дата обращения: 08.05.2023.
- 16) Левин С.Ф. Монополистическая верхушка буржуазии и политика правительства Пакистана в 1972-1977 гг. // Пакистан. История и экономика. – М.: Наука, 1980. – С. 195-219.
- 17) Москаленко В.Н., Сидоров М.А. Пакистан: трудный путь развития. – М.: Знание, 1979.

- 18) Пакистан. Справочник / Под ред. Ю.В. Ганковского. – М.: Наука, 1979.
- 19) Пакистанское общество. Экономическое развитие и социальная структура / Под ред. Ю.В. Ганковского. – М.: Наука, 1987.
- 20) Петров А. Металлургический завод в Карачи переживает свои худшие времена. 2013. Электронный ресурс. – URL.:<http://www.steeland.ru>. Дата обращения: 03.06.2021.
- 21) Родионов А.А. (1997). Записки посла СССР в Пакистане в 1971-1974 гг. – Новая и новейшая история. – 1997. – №1. – С. 122-142.
- 22) Семейный фотоархив Б.Д. Дежкина. (1978-1981).
- 23) Страны мира. Краткий политико-экономический справочник / Под ред. А.Н. Полякова. – М.: Политиздат, 1991.
- 24) Теодорович Т.В. Сотрудничество СССР с развивающимися странами // Освободившиеся страны Азии. Тенденции экономического развития. – М.: Наука, 1987. – С. 232-246.
- 25) Энциклопедия стран мира / Под ред. Н.А. Симония. – М.: Экономика, 2004.
- 26) Annual Review 1975-1976. Board of Industrial Management. – Islamabad, 1976.
- 27) Bhutto Z.A. Speeches and Statements. December, 1971 – March, 1972. – Karachi, 1972.
- 28) Burki S.J. Pakistan under Bhutto. 1971-1977. – New York: St. Martin's Press, 1980.
- 29) Wolpert S. Zulfi Bhutto of Pakistan. His Life and Times. – New York: Oxford University Press, 1993.
- 30) “Зарубежом”.
- 31) “Правда”.
- 32) “Business Recorder”.
- 33) “Dawn”.
- 34) “Morning News”.
- 35) “Pakistan Economic Survey”.
- 36) “Pakistan Economist”.
- 37) “Pakistan Times”.

Д.В. Алпацкая¹,
Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов (Россия)

АФГАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖОРДЖА БУША-МЛАДШЕГО

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению внешней политики Джорджа Буша-младшего по отношению к Афганистану. После терактов 11 сентября начинается полномасштабная война в Афганистане против террористических группировок «Аль-Каида» и «Талибан». Особое внимание уделяется целям и задачам, которые ставил президент Джордж Буш-младший в начале операции, в войне в Афганистане. На первых этапах операция «Несокрушимая свобода» проходила успешно, группировка «Талибан» была разбита, на территории Афганистана была установлена демократическая власть, которая отвечала интересам Соединенных Штатов. Это основание не давало повода для завершения операции, так как террорист номер один – Усама бен Ладен – не был пойман. Однако на поле боя ситуация в 2006 году меняется в худшую сторону. Боевики «Талибан» оказывают сильное сопротивление и берут инициативу в свои руки. Особая сосредоточенность на военном варианте решения конфликта в данном регионе выявила определенные недостатки, что в итоге привело к затягиванию войны. Дан анализ вмешательства США в дела Ирака и того, как война на два фронта повлияла на внешнюю политику Америки. В статье дана оценка роли Джорджа Буша-младшего в войне, его достижения и провалы. Также дана характеристика результатов, достигнутых в конфликте на территории Афганистана в период с 2001 по 2008 годы.*

Ключевые слова: США; Афганистан; политика США в Афганистане; терроризм; «Аль-Каида»; Джордж Буш-младший.

Актуальность данной тематики обусловлена внешнеполитическими действиями США в отношении Афганистана после терактов 11 сентября 2001 года. Именно теракты 9/11 для США стали основной причиной для вмешательства во внутривнутриполитическую ситуацию в Афганистане и привело к самой долгосрочной за всю историю 21 века военной кампании.

Затягивание войны коалиционных и американских войск на территории Афганистана привело к нарастанию напряженности как среди американцев, так и среди мирного населения Афганистана, что осложняло положение военных контингентов на территории иностранного государства. Несмотря на устранение главного противника США – Усамы бен Ладена – Соединенным Штатам не удалось полностью искоренить экстремистские группировки, а долгосрочное

¹ Алпацкая Дарья Владимировна, студент факультета истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, Тамбов (Россия).
Darya V. Alpatkaya, student, Faculty of History, World Politics and Sociology, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov (Russia).

пребывание интернациональных войск приводило к появлению большего количества экстремистов.

Афганистан во времена холодной войны был для США ареной противостояния с Советским Союзом. После ввода войск СССР в Афганистан в 1979 году США опасались пребывания советских войск в данном регионе, из-за их возможного доступа к нефтяным запасам Персидского залива. В начале 1980-х гг. президент США Джимми Картер был взволнован нахождением советских войск в данном регионе, и с его стороны было заявлено, что любая попытка завоевания контроля региона Персидского залива будет считаться ударом по национальным интересам Америки [18]. Волна протестов по отношению к войскам Советского Союза была и в мусульманском мире, что вызвало появление “моджахедов”, которым США оказывали как финансовую, так и военную помощь, опираясь на содействие мусульманских стран Ближнего Востока, в особенности тесные связи были с Пакистаном. Уже в начале 1980-х США, Пакистан и Саудовская Аравия в общих чертах составили схему сотрудничества по подготовке оппозиции кабульскому правительству. Специальные службы Соединенных Штатов следили за поставкой вооружения моджахедам и обучением, ведущую роль по организации оппозиции вел Пакистан. Белый дом не надеялся на победу моджахедов, США рассчитывали на затягивание войны, чтобы советские войска как можно дольше находились в Афганистане. Надежды Белого дома рухнули, так как в 1989 году войска Советского союза покинули Афганистан. После вывода советских войск правительство Наджибуллы все еще оставалось у власти, и тогда Белый дом меняет ориентацию на свержение просоветского режима в Кабуле. В 1988 году встал вопрос, кто из полевых командиров может взять на себя решающую роль после урегулирования ситуации в Афганистане, но окончательное решение так и не было принято, так как уже в начале 1990-х США меняет курс и менее интересуется внутривосточным состоянием Афганистана, из-за начала войны в Персидском заливе.

В 1992 году обстановка в Афганистане кардинально меняется, отряды моджахедов захватывают Кабул и свергают М. Наджибуллу. На территориях, которые были заняты оппозицией, создается Исламское Государство Афганистан, которое сразу же признали легитимным США и установили с ним дипломатические отношения. В 1990-е гг. стратегия США в отношении Афганистана не базируется на национальных интересах, так как Белый дом больше интересуется пакистанская ядерная программа. Тогда пакистанское правительство Б. Бхутто решило реализовать свои планы в Афганистане. Правительство возлагало свои надежды на то, что если к власти в Афганистане придет глава пуштунских отрядов Гульбеддин Хекматиар, то он выполнит давнюю миссию по урегулированию юридического статуса афгано-пакистанской границы. Невзирая на спонсирование со стороны Пакистана, Хекматиар не спешил выполнять приказы Исламабада. Когда началась война в Персидском заливе в 1991 году, Г. Хекматиар поддерживал Саддама Хусейна, что вызвало недовольство и осуждение со стороны США, тем самым в Вашингтоне отстранились от политики Пакистана. Позже Пакистан уже не связывает никаких надежд с установ-

лением Хекматиаром юридической афгано-пакистанской границы, и тогда Исламабад в 1994 году делает ставку на движение радикальных студентов-исламистов с юга и юго-востока Афганистана, которые исповедовали радикальную форму ислама суннитского толка. Данное движение известно как «Талибан» [1, с. 93-103] (признано террористическим, запрещено на территории РФ). Движение приобретало сторонников, и уже в 1996 году талибы заняли Кабул, провозгласив на занятых территориях Исламский Эмират Афганистан. Талибов признали Пакистан, Саудовская Аравия и ОАЭ и стали оказывать финансовую поддержку. В то время США были сконцентрированы на трех проблемах в Ближневосточном регионе: на поддержке суверенности новообразованных государств от России, изоляции Ирана (который был обвинен в создании ядерного оружия), на доступе к ресурсам в зоне Каспия. Можно заметить, что Афганистан не входит в топ проблем США в Ближневосточном регионе, тем не менее, все три направления непосредственно связаны со стабильностью в Афганистане.

В 1996 году США стали осуществлять политику изоляции Ирана, которая выразилась в «Законе о санкциях против Ирана и Ливии» [16], таким образом, устраняются условия для создания энергетической инфраструктуры в этих странах. В 1995-1996 годах Соединенные Штаты приступили к разработке плана создания нефтепровода через Баку-Тбилиси-Джейхан и центрально-азиатского газопровода, который соединит Туркменистан и Пакистан, а проходить будет через территорию Афганистана. В 1995 году Соединенные Штаты начали первые контакты с движением «Талибан», позднее стало известно о многочисленных нарушениях прав человека на территории, регулируемой движением «Талибан», а также теракт 1993 года в Нью-Йорке, стали приписывать афганскому правительству. США опасались распространения терроризма на соседние государства Центральной Азии, тем не менее не принимали анти-талибской политики, а также рассматривали создание устойчивой власти в Афганистане при поддержке Пакистана. Данную политику Вашингтона связывали с его надеждами на стабилизацию ситуации в стране талибами, что позволило бы США реализовать энергетический бизнес. Американская компания «Юнокал» занялась продвижением данного проекта и уже к 1997 году были достигнуты договоренности с Туркменистаном и Пакистаном, но соглашения с талибами было добиться трудно. В 1998 стало известно о терактах американского посольства в Кении и Танзании, обвинения возлагались на террористическую организацию, возглавляемую Усамой Бен Ладеном, который находился в Афганистане. В итоге компания «Юнокал» прекратила переговоры с талибами и вышла из сообщества по строительству трубопровода.

Усама Бен Ладен еще в 1984 стал создателем террористической организации «Мактаб аль-Хидамат», а уже в 1988 году создателем всем известной террористической группировки «Аль-Каида». В 1991 году Бен Ладен обвинил властей Саудовской Аравии, которые разместили американский контингент войск США на святой земле, в «пособничестве» США. Из-за нападок на руководство Саудовской Аравии Бен Ладен был выслан из страны, позже он обосновался в

Судане, где занимался предпринимательством и спонсированием групп исламистов Ближнего Востока и Северной Африки.

В 1995-1996 годах был совершен ряд терактов, в которых погибли американские граждане, именно тогда в Вашингтоне впервые произнесли имя Усамы Бен Ладена [22], с которым связывали нападение.

В 1996 году создается отдел в контексте ЦРУ, в задачи которого входят «дела Бен Ладена». Под напором США Бен Ладен принял решение бежать в Афганистан. В Кабуле правительство Талибана встречает Бен Ладена гостеприимно, так как Усама отличился в джихаде против советских войск в 1979-1989 гг. Руководство разрешило Усаме организовать лагерь для подготовки боевиков-исламистов на территории, подконтрольной талибам. Бен Ладен 23 августа 1996 г. призвал мусульманский мир выступить против США и саудовского режима, со словами: «Изгнание американского врага, оккупировавшего священные земли, является главным долгом всех мусульман после веры в Бога» [6, р. 23-30]. Соединенные Штаты при посредничестве Саудовской Аравии пытались договориться с талибами о выдаче Усамы Бен Ладена ЦРУ, но руководство Талибана не согласилось выдать своего гостя.

В результате администрации Клинтона довелось сделать сложный выбор. Террористические акты 1998 года в Кении и Танзании значили провал политики Белого дома в отношении Афганистана с приходом к власти талибов. Американская общественность требовала наказания виновных в терактах, однако Вашингтон также опасался, что военные действия могут вызвать волнения в мусульманском мире. В результате в 1998 году, 20 августа, Соединенными Штатами был нанесен ракетный удар по террористической инфраструктуре «Аль-Каиды» в Афганистане и Судане. Позже администрация Клинтона снова попыталась договориться с талибами о выдаче террориста Бен Ладена. Талибы в свою очередь оценили бомбардировки как атаку против «воинов джихада» и выразили свое намерение отмщения. В ходе визита в США наследного принца Саудовской Аравии Абдул Азиза, в заявлении двух стран была подчеркнута важность совместных действий против терроризма [21]. Одновременно США пытались с помощью Пакистана добиться выдачи Бен Ладена, но правительство Исламабада не пользовалось полным контролем над Талибаном, а также опасалось осуждения со стороны мусульман.

С течением времени, в конце 1990-х гг. отмечалось снижение влияния «Талибана» в Афганистане [30]. Пуштунские отряды все чаще отказывались воевать с Северным альянсом, а также поддержка со стороны Пакистана постепенно уменьшалась, из-за его вовлеченности в конфликт с Индией.

По мнению Майкла Эллиотта, в октябре 2000 года ситуация обострилась из-за нового теракта «Аль-Каиды» – был подорван американский эсминец «USS Cole». Из-за нежелания выдать Бен Ладена Белый дом со всей решительностью проработал план военной операции против «Талибана» совместно с Россией, Киргизией, Узбекистаном и Казахстаном [15]. Но при этом решение все же принято не было, возможно из-за нежелания Клинтона заканчивать свой президентский срок войной.

В январе 2001 года к власти приходит администрация Джорджа Буша-младшего, что приводит к ослаблению позиции США по отношению к «Талибану». По мнению аналитиков, смягчение политики США произошло из-за разработки энергетических месторождений каспийского бассейна, а также прокладки нефтепровода и газопровода на территории Афганистана [14]. Политика Дж. Буша-младшего по принудительному сотрудничеству талибов не приносила желаемого успеха. Белый дом пытался усилить давление как на Пакистан, так и на талибов. В 2001 году Госдепартамент провел ряд переговоров с «Талибаном» в Пакистане, последняя встреча была за 5 недель до терактов 11 сентября. Но в связи с событиями 11 сентября в Белом доме произошла резкая перемена отношения к талибам.

Таким образом, можно отметить, что внешняя политика США на протяжении 1990-х годов была мало сосредоточена на Афганистане из-за других проблем на территории Ближнего Востока. Можно отметить, что именно Афганистан является связующим звеном проблем в данном регионе. Теракты 90-х должны были способствовать ослаблению нахождения Америки в данном регионе, но давление США на талибов только усугубляло ситуацию, что привело к событиям 11 сентября, которые стали стартом радикальной политики Америки по отношению к Афганистану.

Мир изменился после нападения террористов на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 года. Девятнадцать террористов рано утром захватили четыре американских самолета, используя их в качестве бомб, и направили два из них на башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и один – на здание Пентагона в Вашингтоне. Четвертый самолет, вероятно, предназначенный для удара по Белому дому или зданию Капитолия, упал в Пенсильванское поле, якобы после того, как пассажиры попытались одолеть угонщиков. Эти нападения унесли тысячи жизней, повлекли за собой потери в миллиарды долларов и ущерб американским финансовым и политическим символам. Террористические нападения 11 сентября стали первым случаем со времен Перл-Харбора, когда Соединенные Штаты подверглись нападению на своей собственной территории, изменив американскую внешнюю политику.

Президент Джордж У. Буш-младший в своем обращении изложил стратегию США в «войне с террором»: «Американцы должны знать, что нас ожидает не одна битва, а длительная кампания, которой не было еще в нашей истории. Она будет включать нанесение эффектных ударов, которые можно будет увидеть по телевизору, и тайные операции, которые, даже будучи успешными, останутся секретными. Мы лишим террористов финансов, натравим их друг на друга, заставим перебегать с места на место до тех пор, пока им уже некуда будет бежать. Мы предъявим счет государствам, которые оказывают помощь или предоставляют убежище террористам» [9].

Еще в середине 2001 года на заседаниях Совета национальной безопасности было выдвинуто предложение о Глобальной антитеррористической коалиции, данная идея за короткий срок объединила много государств разных континентов. Администрация Дж. Буша осознавала, что для того чтобы успешно

провести операцию, Соединенным Штатам требовалась поддержка со стороны стран, граничивших с Афганистаном. Таким же образом Америка рассчитывала использовать международные организации, союзы и отдельные страны, поддерживающие Белый дом. Джордж Буш 6 ноября в Варшаве заявляет, что «ни одна страна не может быть нейтральной в этом конфликте» [13].

Незамедлительно после терактов, 12 сентября, Совет Безопасности ООН принял резолюцию №1368, в которой было сформулировано стремление стран принять «все требуемые меры» в ответ на действия террористов [2]. В этот же день НАТО впервые в истории было принято решение о применении статьи №5, согласно которой нападение на одну страну члена блока является нападением на альянс в целом [28]. Также ООН была принята резолюция № 1373 о невоенных методах борьбы с терроризмом, то есть страны призывали прекратить финансовую, военную и другую поддержку террористам.

Стоит отметить, что на ранних этапах войны Соединенные Штаты неохотно принимали помощь со стороны НАТО, так как стремились играть ведущую роль по уничтожению террористов.

Важным вопросом для военной кампании по изоляции «Талибана», который поддерживал «Аль-Каиду» и Бен Ладена, возник вопрос о блокировании границ Афганистана его соседями. В случае с Пакистаном все было просто, так как уже 12 сентября Исламабад принял все условия США и объявил о «полной поддержке» их действий. Государства Центральной Азии принимали разные направления по отношению к афганской кампании, к примеру, Туркменистан разорвал взаимоотношения с талибами, но формально оставался вне коалиции. Особенно важным ареалом для США являлся Узбекистан, так как именно с территории этой страны можно реализовывать вылеты коалиционной авиации с меньшими издержками, нежели в соседнем Таджикистане. Однако Ташкент не спешил давать ответ на запросы США, так как желал для начала удостовериться в серьезности намерений Америки [31]. Такие государства, как Казахстан, Киргизстан и Таджикистан, поддерживали действия Америки и предоставили доступ к своему воздушному пространству. Западный сосед Афганистана, Иран, отказался принять участие в коалиции по борьбе с терроризмом, а восточный сосед, Китай, вступил в коалицию и даже предоставил разведданные о деятельности талибов в регионе.

В конце 2001 года Глобальная антитеррористическая коалиция насчитывала 71 государство и 15 организаций, более 40 стран выразили готовность непосредственно участвовать в военной операции «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom). 7 октября 2001 г. началась полномасштабная война.

Еще 17 сентября 2001 г. глава Соединенных Штатов Джордж Буш попытался снова заставить «Талибан» выдать «террориста номер один» и закрыть тренировочные лагеря «Аль-Каиды». В речи перед Конгрессом 20 сентября 2001 г. прозвучал официальный ультиматум: «...они должны выдать террористов или будут вынуждены разделить их судьбу» [9]. 21 сентября талибы ответили отказом, объявив, что у Соединенных Штатов Америки нет весомых подтверждений их причастности к атакам в Нью-Йорке и Вашингтоне. Данный от-

вет не удовлетворил Вашингтон, и 7 октября 2001 года в своем обращении президент Буш объявил об уничтожении военного потенциала «Талибана» [12].

Через неделю после начала американских бомбардировок талибы потребовали переговоров и готовы были выдать бен Ладена взамен на прекращение авианалетов, но Белый дом ответил отказом, сославшись на то, что время переговоров закончилось [7]. Уже в конце октября американская общественность заговорила о «втором Вьетнаме», и тогда глава Пентагона решает ускорить операцию путем переброски американских войск численностью в 50-55 тысяч военнослужащих. Но в начале ноября Белый дом ждала неожиданность, происходит военный перелом. Северный альянс 9 ноября взял крупный город Мазари-Шариф. Было уничтожено множество талибов, которые оказывали сопротивление, а потеря Мазари-Шарифа нанесла «Талибану» сильный удар. По доказательствам директора ЦРУ Дж. Тенета, после крупного поражения в Мазари-Шарифе талибы предпочитали перейти на сторону Северного альянса [31, р. 172].

13 ноября талибы потерпели снова поражение и без боя оставили Кабул. Немного времени спустя они контролировали только южную часть Афганистана и город Кундуз, который располагался на севере. Но это не давало повода для заявлений США об успешном завершении военной операции, также Вашингтон не добился главной цели – уничтожения людей, причастных к событиям 11 сентября.

Колыбель талибов – город Кандагар – все еще находился под их властью. Белый дом решает перебросить большой воинский контингент против талибов южнее Кандагара, талибы бросили незначительную военную колонну бронетехники против американцев, которая была уничтожена. Положение «Талибана» ухудшалось в осажденном городе, и 7 декабря Кандагар пал. Так закончился основной этап военных действий.

В Белом доме были разные мнения относительно будущего политического режима в Афганистане. В ноябре 2001 г. были проведены переговоры о дальнейшем будущем Афганистана со странами-участницами группы «шесть плюс два». В эту коалицию входили страны, граничащие с Афганистаном, – Китай, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, а также США и Россия. В итоговом заявлении указывалось, что главную роль в постконфликтном урегулировании в Афганистане предстоит сыграть ООН. В середине ноября вице-президент Америки Р. Чейни говорил, что Белый дом не собирается указывать афганцам, как руководить страной [4], тем не менее, действия США говорили об обратном. Вашингтон не рассчитывал на то, что Северный альянс установит в Афганистане режим, соответствующий интересам Вашингтона, поэтому США активно занимались поиском антиталибских сил, которые вошли бы в состав правительства Афганистана. Человеком, подходящим на роль временного руководителя Афганистана и отвечающего за проведение политики в интересах Штатов, оказался Хамид Карзай, который, даже находясь в Пакистане, оставался руководителем одного из пуштунских племен. По суждению Белого дома, именно он мог заслужить симпатии всех пуштунов [25]. Хамид Карзай сразу же согласился принять помощь со стороны Америки и

наладил отношения со спецподразделениями американцев в Афганистане, которые обеспечивали ему безопасность.

В Бонне, в начале декабря, состоялось собрание антиталибской оппозиции, целью которого являлось формирование временного правительства в Афганистане, сроком на 6 месяцев, принятие конституции, прямые выборы президента и парламента. На пост главы администрации были выдвинуты три кандидатуры, одной из которых являлся Хамид Карзай, а также Абдул Саттара Сират и Бархануддин Раббани. По предварительному голосованию победил А. Сират, кандидатура которого не устраивала Северный альянс, а правительство США было обеспокоено тем, что он не являлся пуштуном. Специальный представитель ООН по делам Афганистана попросил А. Сирата снять свою кандидатуру, в результате чего победу одержал пуштун Хамид Карзай.

20 декабря в Кабул были введены международные силы содействия безопасности (International Security Assistance Force – ISAF) для обеспечения безопасности в городе и прилегающих районах [8].

В итоге можно сказать, что первоначально операция США и антитеррористической коалиции в Афганистане была успешной, так как она была кратковременной и практически бескровной, в ходе которой талибы не оказывали сопротивления. Режим талибов был свергнут и потерял свою боеспособность, но это не означало свертывание им боевой и террористической деятельности. Во главе государства встал Хамид Карзай, поддерживаемый Белым домом. Но главной проблемой, которая осталась нерешенной, была «война против международного терроризма», так как многие члены «Аль-Каиды» бежали и не были пойманы.

После свержения режима талибов в Афганистане обстановка оставалась сложной и нестабильной. Все еще продолжались военные столкновения между этническими группировками. Несмотря на падение основных сил талибов и «Аль-Каиды», они продолжали вести военные действия, положив начало диверсионной войне против нового правительства. Следует упомянуть о гибели некоторых членов правительства и покушении на Хамида Карзая. Также по инициативе террористических группировок были организованы взрывы у театра в Желалабаде и у министерства информации и культуры, которые привели к человеческим жертвам. Продолжались нападения и на военный состав антитеррористической коалиции, главным боевым событием стала битва в долине Шахи-Кот.

Весной 2002 года войска интернациональной коалиции приступили к операции «Анаконда», сопротивление талибов оказалось сильнее, чем ожидалось, и операция превратилась в крупнейшую схватку с начала войны. В итоге, отрядам коалиции удалось захватить долину, а войска талибов бежали в Пакистан и в горные регионы на юге страны.

В свою очередь, Белый дом сообщал об успешной «войне с террором», Дж. Буш вел счет потерям «Аль-Каиды» и «Талибана». Таким образом, США закрывали глаза на нелегкую обстановку в Афганистане, например, в документах, затрагивающих взаимоотношения между США и Афганистаном, по поводу

афганской обстановки в 2002 г., неизменно имелись победные ноты [3], создавалось впечатление, что в Вашингтоне считают свою работу в Афганистане завершенной.

Экономика Афганистана была в сложном, практически разрушенном состоянии. Единственной надеждой правительства Карзая являлось получение денежной помощи, США просили Афганистан не ускорять сроки государственного строительства, пообещав помощь Кабулу. В последнее время Афганистан опасался озабоченности Америки по отношению к Ирану, правительство Карзая боялось быть забытым на фоне военных действий между Ираном и США. Поэтому афганские СМИ всеми силами старались делать упор на угрозу со стороны «Аль-Каиды», считая, что таким образом привлекут помощь быстрее. В заявлении Х. Карзай просил у США новой помощи: «Я здесь для того, чтобы сказать Вам о том, что война с террором продолжается. Мы победили [талибов], но некоторые группы все еще действуют» [26].

Также Хамид Карзай рассчитывал получить немалую прибыль при реализации проекта по прокладке нефтегазопровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан и Индию. Но из-за дестабилизации ситуации на юге Афганистана, находившемся фактически под контролем «Талибана», проект оказался под угрозой срыва. Проект ТАПИ был приостановлен вплоть до 2008 г.

2003 год стал новым этапом политики США в отношении Афганистана, Белый дом и НАТО договорились о передаче им вопросов безопасности Афганистана, с этого года командованием сил МССБ занимался Североатлантический альянс. США продолжали руководить некоторыми союзническими и американскими войсками, продолжая операцию «Несокрушимая свобода».

В конце 2003 года Вашингтон стал заявлять о «демократизации Большого Ближнего Востока» и о способности американского военного контингента на решение задач большего масштаба, после успешных военных операций в Афганистане и Иране [11]. Дж. Буш-младший в 2004 году выступает с обращением к нации, в котором заявляет о «Стратегии свободы», которая предназначена для уничтожения угроз безопасности интересам США и их союзников. Президент сообщал об успешных демократических реформах в Афганистане, в официальных документах результаты политики Америки в данном государстве описывались как «огромный стратегический успех» [20].

Для Америки было важно, чтобы Афганистан соответствовал данной стратегии, в 2003–2006 гг. руководство Карзая с этими вопросами справлялось с переменным успехом, а все неудачи оно покрывало финансовыми поступлениями из США.

В 2005 году США и Афганистан подписали договор о партнерстве в трех сферах: строительстве демократии, экономике и военной сфере. В документе также говорилось о дальнейшей значимости Афганистана как главной транспортной артерии региона. Государственное строительство в Афганистане обернулось серией двусторонних уступок, которые лишь отодвинули проблемы в долгий ящик; к тому же, Белый дом не уделял особого внимания специфике политического развития Афганистана на новом этапе.

9 октября 2003 г. Х. Карзай одержал победу на первых национальных выборах президента Афганистана. Х. Карзай всеми силами стремился к централизации власти, что, в конечном результате, было зафиксировано в Конституции Афганистана, принятой 4 января 2004 года. Согласно документу, Афганистан был объявлен унитарным государством, президент приобрел возможность формировать правительство и определять членов верхней палаты парламента.

Стабильность в 2003-2005 годах была непрочной, так как в стране продолжало главенствовать «право сильного». Не имеющая предела централизация власти в руках кабульского правительства, вместе с его неспособностью достичь стремительных улучшений в жизни народа привели к невысокой явке избирателей на парламентских выборах в Афганистане.

В Вашингтоне были разные мнения по поводу государственного строительства в Афганистане. К примеру, Администрация Белого дома была нацелена на реформирование всего Ближневосточного региона и мало обращала внимания на Афганистан. В свою очередь, Государственный департамент США выступал за поддержание политической стабильности и постепенную демократизацию Афганистана. Главным инструментом по восстановлению Афганистана стали Группы реконструкции провинций (ГРП), которые были представлены Правительством США и состояли из офицеров, дипломатов и специалистов по восстановлению. Главная цель заключалась в том, чтобы дать местным органам власти возможность более эффективно управлять. Впервые эти «передовые подразделения, объединяющие до 500 военных и гражданских специалистов» были направлены в Афганистан в начале 2002 года.

Многие гуманитарные организации, действовавшие в Афганистане, выступали с критикой, так как считали, что Америка использует силы ГРП не для реконструкции Афганистана, а для достижения боевых целей. Были случаи, как американские военные из ГРП принуждали афганских жителей к сотрудничеству угрозой применения силы [27]. Часто своими усилиями они настраивали племена талибов против самих себя.

Таким образом, можно сделать вывод, что проекты американского истеблишмента по государственному строительству в Афганистане, по его мнению, проходили достаточно удачно, однако внутри государства Афганистан местное население не в полной мере было с этим согласно, так как американские власти в силу незнания и пренебрежения местными традициями, настраивали мирных жителей против себя, что в дальнейшем усложнит их положение в Афганистане и станет губительным для интересов США в долгосрочной перспективе.

Вторая администрация Дж. Буша-младшего в момент ведения двух войн четко понимала, что нужно вносить коррективы по использованию военных ресурсов, как своих, так и международной коалиции. В новой версии «Стратегии национальной безопасности» 2006 года не исключался основополагающий курс на единоличное военное и политическое доминирование. Тем не менее, стратегия предполагала активные превентивные действия, исключительно против террористов, вместе с сильными союзниками и международными институтами. В «Стратегии национальной безопасности» 2006 года можно заметить

изменения в сторону частичного падения односторонних действий в пользу многосторонности отношений на мировой арене [24].

Создание в 2003 году независимого командования НАТО МССБ укрепляло их позиции в Афганистане, а в 2006 году зона ответственности войск МССБ стала распространяться на юг Афганистана, но главную роль продолжали играть США, их армия насчитывала около 16 тысяч бойцов, в то время как у НАТО их было 5-7 тысяч. К середине 2000-х между США и НАТО нарастали противоречия, военные стран-участниц не проявляли энтузиазма в «войне против терроризма», потому что ситуация Вашингтона в Ираке была напряженной и приходилось привлекать больше бойцов альянса к военным действиям в Афганистане. Белому дому пришлось прибегать к дипломатии, чтобы доказать Североатлантическому альянсу их важную роль в Афганистане. В итоге в 2008 году была принята стратегия МССБ, в которой говорилось «Афганистан – ключевой приоритет НАТО» [17].

Обстановка в Афганистане накалялась, талибы, которые обосновались в «зоне племен», смогли организовать там тренировочные лагеря, и к 2006 году на юге Афганистана начались столкновения с солдатами коалиции, теракты в городах и боевые действия против правительства Хамида Карзая. Позиции «Талибана» были значительно укреплены после создания им квазигосударства в Южном Вазиристане, на территории Пакистана. Также к 2006 году, по данным аналитиков, финансовая составляющая талибов была улучшена: боевики движения «Талибан» получали около 100 долларов в месяц [5].

Последствия операций «Горный прорыв» и «Медуза» 2006 года были неоднозначными. По сообщению командования МССБ, талибы понесли потери более 1500 убитыми, однако к однозначному успеху коалиционные силы прийти не смогли, а потери международной коалиции также оказались значительными.

Из года в год «Талибан» наращивал мощь, в Белом доме понимали, что нужны новые идеи в борьбе с талибами. Военнослужащими США были нанесены авиаудары по населенным пунктам, где, по предоставленным данным разведки, могли пребывать талибы, однако чаще это сопровождалось ростом потерь среди местного мирного населения, что увеличивало протестные настроения среди жителей Афганистана.

Вопреки всему, Белый дом по-прежнему наращивал военную мощь в Афганистане и оказывал давление на коалицию, призывая увеличивать военный контингент. Американские военные в 2008 году впервые заговорили о необходимости в дополнительном контингенте войск в Афганистан. Это было связано с наступлением талибов из Вазиристана, целью которых был маленький приграничный уезд Гармсер, который для талибов имел важное стратегическое значение. В итоге, в ходе серьезных боевых действий, талибам удалось занять город Муса Кала и закрепиться в уезде Гармсер. Также боевиками «Талибана» были осуществлены нападение на тюрьму города Кандагара и даже попытка покушения на президента Карзая. Самым главным достижением талибов стало завоевание пути снабжения войск НАТО из Пакистана.

На протяжении всего 2008 года талибы использовали разные методы борьбы: партизанскую войну, террористические акты, мелкие столкновения.

Действия НАТО по отражению агрессии талибов осложняли разногласия между силами ООН, США и МССБ. Потери среди мирного населения вызывали протесты, местные жители все меньше хотели видеть иностранцев на своей земле.

Летом 2008 года по решению США в Афганистан были введены 10 тысяч военнослужащих, а когда в октябре потери в Афганистане составили больше, чем в Ираке, то американцы заговорили о 20 тысячах дополнительных войск. Война на два фронта выявила проблему нехватки войск, что заставило США пойти на политическое урегулирование с «Талибаном». На переговорах, между правительством Хамида Карзая и руководством «Талибана», под контролем Саудовского короля Абдуллы, было заявлено, что талибы больше не связаны с террористической группировкой «Аль-Каида» [19].

Последний год пребывания в администрации Дж. Буша-младшего сопровождался поворотом внешнеполитической доктрины «демократизации» в сторону большего реализма. В июле 2008 года в новой Стратегии национальной безопасности говорилось о «долгой войне» против максималистских движений [23]. Наконец, администрацией Буша было заявлено об уклоне от односторонних действий взамен на учреждение близких и доверительных отношений как со старыми союзниками, так и с новыми.

Подводя итог внешней политики администрации Дж. Буша-младшего в отношении Афганистана, можно сказать, что США нанесли значительный удар по базам террористов «Аль-Каиды» и по военным объектам режима «Талибана» в Афганистане, но поймать и уничтожить Бен Ладена и его соратников, причастных к событиям 11 сентября, не удалось. Большим успехом администрации Буша стало установление в Афганистане проамериканского правительства в Кабуле во главе с Хамидом Карзаем, была разработана конституция, прошли парламентские и президентские выборы, таким образом, началась история демократического Афганистана.

Не стоит исключать и отрицательные последствия ведения войны в Афганистане. Во-первых, военные действия на территории Афганистана нередко приводили к массовой гибели мирного населения, что вызывало рост антиамериканских протестов и способствовало увеличению террористических группировок и радикальному настрою боевиков «Талибана». Военные достижения к 2009 году также были сомнительными, так как оппозиция продолжала удерживать значительные территории страны. Все эти события подтолкнули новую администрацию во главе с Бараком Обамой к пересмотру стратегии «Большого Ближнего Востока».

Начавшееся вторжение в Афганистан в начале 2000-х годов соответствовало ожиданиям большинства американских граждан, которые желали отомстить преступникам, совершившим теракты 11 сентября. Руководство Дж. Буша-младшего умело воспользовалось общественной поддержкой, что в 2003 году помогло ему вторгнуться в Ирак.

К 2006 году Соединенные Штаты столкнулись с проблемой нехватки войск для ведения двух войн одновременно, в результате чего в Афганистане и Ираке наступило перенапряжение сил. С нарастанием финансового кризиса

2008–2009 годов и ухудшения положения на Ближнем Востоке, Дж.Буш-младший потерпел поражение на выборах, и к власти пришел Барак Обама.

Главные цели, которые были намечены в 2001 году Дж. Бушем-младшим, были достигнуты отчасти или вообще не достигнуты. К примеру, убить «террориста номер один» удалось лишь при Б. Обаме. Полностью искоренить террористические очаги также не удалось, стратегия Буша-младшего в какой-то степени даже способствовала расширению экстремистских группировок и увеличению радикального настроения талибов. Главным достижением президента Дж. Буша-младшего можно считать установление демократического режима в Афганистане во главе с Хамидом Карзаем.

Цели Буша не были достигнуты, на наш взгляд, по нескольким причинам. Террористическая группировка «Аль-Каида» и «Талибан» насчитывает огромное количество последователей. И после военных неудач, скрываясь на территории южного Афганистана и Пакистана, члены группировки могли восполнить свои потери. Второй причиной можно считать нехватку войск США из-за ведения двух войн одновременно. В-третьих, местные традиции Афганистана не были учтены в ходе строительства «демократического» Афганистана, местные жители к концу 2009 года не были довольны нахождением иностранных войск на своей территории, и с приходом новой администрации связывали надежды на окончание войны. С приходом в Белый дом администрации Б. Обамы стратегия была изменена, и Белый дом взял курс на сворачивание военной кампании. Для Соединенных Штатов демократизация Ближнего Востока имеет большое значение. Можно сказать, что Афганистан стал первой ступенькой к достижению данной цели. Несмотря на культурные, исторические, религиозные особенности арабских государств, для президента Дж. Буша-младшего сформировать справедливое и свободное общество в Афганистане стало целью номер один. Вступая в войну с Афганистаном, Джордж Буш-младший очевидно упустил, что для того чтобы добиться всех поставленных целей, требуется взаимодействие с другими державами, способными оказать воздействие на обстановку на Ближнем Востоке.

Список источников и литературы

- 1) Карпачева О.В. История движения «Талибан» в системе международных отношений // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. – 2003. – № 1(3). – С. 93-103.
- 2) Резолюция 1386 СБ ООН. – URL.: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/708/57/PDF/N0170857.pdf>
- 3) Afghanistan: Building Stability, Avoiding Chaos. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. 107th Congress, 2nd Session.2002. – URL.: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/3994/text?r=3&s=2>
- 4) BBC News Interview with Dick Cheney. November 15, 2001. – URL.: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/vicepresident/news-speeches/speeches/vp20011115.html>
- 5) Bergen P. The Taliban, Regrouped And Rearmed. – URL.: <https://peterbergen.com/the-taliban-regrouped-and-rearmed/>
- 6) Bin Laden O. Declaration of War Against the Americans Occupying the Land of the Two Holy Sanctuaries. August 23, 1996. Messages to the World. The Statements of Osama bin Laden. – N.Y., 2005.
- 7) Bumiller E. President Rejects Offer by Taliban for Negotiations. – New Your Times. – 2001. – October 15.

- 8) Burns J. UN Aide Asks More Security Troops for Afghanistan // New York Times. – January 25, 2002.
- 9) Bush G. Address to a Joint Session of Congress and the American People. Office of the Press Secretary. September 20, 2001. – URL.: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010920-8.html>
- 10) Bush G. Address to a Joint Session of Congress and the American People. September 20, 2001. – URL.: <https://www.youtube.com/watch?v=ZMj9g6WRLfQ>
- 11) Bush G. President Bush Discusses Freedom in Iraq and Middle East. Remarks by the President at the 20th Anniversary of the National Endowment for Democracy. The White House. Office of the Press Secretary. November 6, 2003. –URL.: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/11/20031106-2.html>
- 12) Bush G. Presidential Address to the Nation. Office of the Press Secretary. October 7, 2001. – URL.: <https://www.youtube.com/watch?v=SGXRMIP3XI>
- 13) Bush G. Remarks by the President to the Warsaw Conference on Combating Terrorism, Office of the Press Secretary, Warsaw. November 6, 2001. – URL.: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/11/20011106-2.html>
- 14) Cave D. The United States of oil .November 19, 2001. – URL.: https://www.salon.com/2001/11/19/bush_oil/
- 15) Elliot M. They Had a Plan: Long Before 9/11, the White House debated
- 16) Iran Libya Sanctions Act (ILSA). – URL.: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/house-bill/3107>
- 17) ISAF's Strategic Vision. NATO Summit. Bucharest. April 3, 2008. – URL.: https://www.nato.int/cps/us/natohq/official_texts_8443.htm
- 18) Jimmy Carter. State of the Union Address .January 23, 1980. – URL.: <https://www.jimmycarterlibrary.gov/assets/documents/speeches/su80jec.phtml>
- 19) John F. Burns. Karzai offers passage to Taliban leader for talks // The New York Times. – 2008. – October, 17.
- 20) Joint Declaration of the United States-Afghanistan Strategic Partnership. Office of the Press Secretary. May 23, 2005. – URL.: <https://2001-2009.state.gov/p/sca/rls/pr/2005/46628.htm>
- 21) Joint Statement on United States-Saudi Relations. September 25, 1998. – URL.: <https://ipmall.law.unh.edu/content/compilation-weekly-presidential-documents-monday-october-5-1998-vol-34-no-40-joint-statement>
- 22) National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States. Monograph on Terrorist Financing. July 21, 2004. – URL.: <https://www.9-11commission.gov/>
- 23) National Defense Strategy. Department of Defense. July 31, 2008. – URL.: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/Other_Pubs/nds2008.pdf
- 24) The National Security Strategy. The White House. March, 2006. – URL.: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>
- 25) Onishi N. Clan Leader Turned Statesman: Hamid Karzai // New York Times. – 2001. – December 6.
- 26) Remarks Following Discussions with President Hamid Karzai of Afghanistan and an Exchange with Reporters. February 27, 2003.
- 27) Rohde D. G.I. in Afghanistan on Hunt, but Now for Hearts and Minds // New York Times. – 2004. – March 30.
- 28) Statement by the North Atlantic Council. Press Release 124. September 12, 2001. – URL.: <http://www.nato.int/docu/pr/2001/p01-124e.htm>
- 29) Taking the Fight to al Qa'eda // Time. – 2002. – August 12.
- 30) Tomsen P. A Chance for Peace in Afghanistan: The Taliban's Days Are Numbered // Foreign Affairs. – Volume 79. – January/February. 2000.
- 31) Woodward R. Bush at War. – New York, 2002.

А.Д. Назарова¹,
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов (Россия)

СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

***Аннотация.** После окончания Корейской войны Северная Корея берется за создание ядерного оружия с целью обезопасить свою территорию от возможного ядерного удара со стороны США, своего главного врага в АТР. Опираясь на поддержку своих партнеров, а именно СССР и КНР, Северной Корее удастся создать свою ядерную программу и начать создание ядерного оружия, что не могло остаться незамеченным США, Японией и Южной Кореей, которые восприняли ядерную программу Северной Кореи как угрозу своей собственной безопасности. В 2005 году Северная Корея объявляет себя ядерной страной, с 2006 года правительство КНДР начинает проводить ядерные испытания, чтобы подтвердить свой ядерный статус. Северокорейскую ядерную проблему стоит рассматривать как дестабилизирующий фактор в международных отношениях в АТР, поскольку ядерные испытания Северной Кореи и частые запуски ракет обостряют и без того сложные отношения с Японией, Южной Кореей и США и мешают им выстроить нормальный политический диалог. Кроме того, северокорейская ядерная угроза может спровоцировать «ядерное домино» в АТР, когда многие страны региона захотят создать ядерные программы. Данная ситуация опасна тем, что может произойти ядерная гонка в регионе и обострение отношений между государствами.*

Ключевые слова: Северная Корея, ядерная программа, ядерное оружие, северокорейская ядерная проблема, АТР, США.

Северокорейская ядерная проблема возникла еще во второй половине 20 века, когда Северная Корея захотела создать ядерное оружие для самообороны от недружественных стран, под которыми понимаются США, Япония и Южная Корея. На сегодняшний день северокорейская ядерная проблема остается одной из актуальных тем в международных отношениях, поскольку ядерная программа Северной Кореи дестабилизирует обстановку на Корейском полуострове и, в целом, в АТР. Развитие северокорейской ядерной программы берет свое начало в 1950-е годы, после окончания Корейской войны. Можно выделить несколько причин, которые послужили толчком к созданию и развитию ядерной программы в Северной Корее. Во-первых, в 1945 года США проводят первые ядерные испытания и впервые в истории применяют ядерное оружие

¹ Назарова Анастасия Дмитриевна, студент факультета истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, Тамбов (Россия).
Anastasia D. Nazarova, student, Faculty of History, World Politics and Sociology, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov (Russia).

против двух японских городов Хиросимы и Нагасаки, что, соответственно, не могло не напугать руководство КНДР. Правительство Северной Кореи понимало, что КНДР не сможет защитить свои территории обычной армией и вооружением, если США захотят применить против них ядерное оружие. Кроме того, не стоит забывать и то, что в период Корейской войны, генерал Дуглас Макартур неоднократно заявлял, что США могут применить ядерное оружие, поэтому Северная Корея серьезно полагала, что в случае нового конфликта, правительство США действительно может нажать на красную кнопку [2, с. 8-9]. Вторых, свою роль в создании Северной Кореей ядерного оружия сыграл и тот факт, что вплоть до 1991 года на территории Южной Кореи было размещено ядерное оружие США. Совокупность вышеперечисленных факторов и повлияла на создание Северной Кореей ядерной программы.

Северная Корея была достаточно слаба после окончания Корейской войны, чтобы осуществлять развитие ядерной программы самостоятельно. Именно поэтому Северная Корея обращается к КНР и СССР, своим партнёрам, которые также, как и Северная Корея занимались созданием и развитием ядерного оружия [1]. Важно отметить, что, когда Северная Корея только начала свой путь по развитию ядерной программы, основная помощь исходила от СССР, потому что Советский Союз создал ядерное оружие раньше, чем Китай (СССР в 1949 году, а КНР в 1964 году). Как известно, многие северокорейские физики проходили обучение в СССР, в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне, однако стоит подчеркнуть, что было запрещено обучать северокорейских физиков в тех сферах, которые имели непосредственное отношение к ядерному оружию и технологиям [12]. Кроме того, при поддержке СССР, в 1962 году в Северной Корее, в городе Йонбен, был открыт первый Научно-исследовательский центр ядерной физики, а чуть позже в 1965 году, СССР поставляет Северной Корее первый ядерный реактор. Несмотря на то, что Северная Корея получала вполне серьезную поддержку от СССР и Китая, на первых порах Северная Корея не могла работать над созданием ядерного оружия в полную силу, поскольку СССР требовал, чтобы КНДР транспортировала отработанное ядерное топливо из реакторов обратно в СССР. Кроме того, СССР согласился поставлять ядерные реакторы Северной Корее только при условии того, что КНДР вступит в Договор о нераспространении ядерного оружия, что Северной Корее и пришлось сделать в 1985 году. Это значило, что у КНДР не было шансов накапливать ядерное топливо, чтобы получить из него плутоний для ядерной бомбы. Однако, в 1980-е годы, особенно с приближением распада Советского Союза, над Северной Кореей уже не было столь серьезного надзора со стороны СССР. В этот период Северная Корея смогла выйти на новый уровень в развитии ядерной программы.

Так, Северная Корея еще в начале 1980-х годов начала проводить работы по обогащению урана, для чего закупала центрифуги у Пакистана [13, с. 138-140]. Также в этот период продолжается работа по выделению плутония, с целью чего была построена Радиохимическая лаборатория.

Активное развитие Северной Кореей ядерного оружия стало настораживать все мировое сообщество, и прежде всего Японию, Южную Корею и США, которые поняли, что им необходимо выстроить диалог с правительством Северной Кореи и попробовать убедить их прекратить вести разработки ядерного оружия, что чуть позже и было ими сделано. США заявили о полном вывозе ядерного оружия с территории Южной Кореи в 1991 году, а сама Южная Корея подписала со своим северным соседом Совместную декларацию о безъядерном статусе Корейского полуострова, которая прописывала запрет двух стран на создание ядерного оружия [10]. После уступок со стороны США и Южной Кореи, правительство КНДР согласилось впустить инспекцию МАГАТЭ на свою территорию, с целью осмотра лабораторий и ядерных реакторов, однако инспекции так и не удалось провести проверку всех ядерных объектов. Правительство КНДР не допустило инспекцию МАГАТЭ до всех важных объектов, связанных с ядерным оружием, потому что оно понимало, что инспекция обнаружит, что Северная Корея работает над развитием не «мирного атома», а «военного». После всего этого, МАГАТЭ заявило, что в случае недопуска инспекции к ядерным объектам КНДР, против Северной Кореи будут введены санкции. Однако, Северная Корея была настроена решительно и не согласилась допускать инспекцию на свою территорию, а также заявила, что в случае дальнейшего давления на КНДР и введения санкций, Северная Корея выйдет из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Громкие заявления КНДР о ее намерении покинуть ДНЯО привели в 1993 году к первому северокорейскому ядерному кризису, который заставил весь мир обратить внимание на северокорейскую ядерную проблему [4].

Одной из первых стран, взявшихся за решение первого северокорейского ядерного кризиса, стали США, что было вполне очевидно. Во-первых, после распада биполярной системы международных отношений, США стали считать себя главным центром силы, на долю которого выпало решение ряда важных мировых проблем. Во-вторых, правительство США прекрасно осознавало ту угрозу, которая может исходить от Северной Кореи, если в один день она станет ядерным государством, учитывая тот факт, что Северная Корея считает США своим главным врагом. Стоит отметить, что Северная Корея могла стать угрозой не только для США, но и для Японии и Южной Кореи, главных партнеров США в АТР.

Демократическая администрация Билла Клинтона, на которую и выпал первый северокорейский ядерный кризис, предприняла шаги по урегулированию кризиса и денуклеаризации КНДР в целом. Изначально США не собирались выбирать мягкую политику по отношению к Северной Корее и даже на первых порах в США обсуждался план по военному вторжению в Северную Корею. Однако после того как Северная Корея испугалась начала войны и применения против них ядерного оружия, две страны сели за стол переговоров. В 1994 году между США и Северной Кореей было подписано Рамочное соглашение, согласно которому Северная Корея обязалась остановить строительство двух ядерных реакторов, а также заморозить все свои газографитовые реакторы

[9]. США в свою очередь обещали оказывать финансовую поддержку Северной Корее и поставлять им нефть и мазут. Кроме того, согласно Рамочному соглашению, Южная Корея и Япония должны были построить на территории КНДР легководяные реакторы взамен тех реакторов, которые Северная Корея замораживала. Казалось бы, что северокорейская ядерная проблема была урегулирована, и больше не должно было возникать опасений по поводу возможного появления ядерного оружия у КНДР, но ядерная проблема КНДР была решена всего лишь на недолгое время.

В начале нового столетия северокорейская ядерная проблема снова обостряется, что было вызвано приходом республиканской администрации во главе с Бушем младшим к власти в США. Новая администрация предприняла более радикальные и жесткие шаги к решению северокорейской ядерной проблемы [8, с. 122-123]. Дело в том, что Северная Корея продолжала вести разработки ядерной программы, несмотря на условия Рамочного соглашения, что не могло остаться незамеченным США. В 2002 году, в ежегодном послании Конгрессу, Буш младший отнес Северную Корею вместе с Ираном и Ираком к так называемой «оси зла», что вызвало недовольство правительства Северной Кореи и привело к новому, уже второму северокорейскому ядерному кризису [6].

После острых высказываний со стороны США, Северная Корея заявила об отказе соблюдать условия Рамочного соглашения и возобновила работу над созданием ядерного оружия, а сразу после этого, в 2003 году, Северная Корея сделала то, что уже пыталась сделать 10 лет назад, а именно, вышла из ДНЯО, продемонстрировав таким образом, что Северная Корея серьезно настроена на создание ядерного оружия. Понимая, что ситуация на Корейском полуострове накаляется, США предпринимают попытки организовать многосторонние переговоры с Северной Кореей по денуклеаризации КНДР, в результате чего возникают так называемые «шестисторонние переговоры» по северокорейской ядерной проблеме. В начале 21 века происходит переход к полицентрической структуре и США уже не могли принимать решения касательно северокорейской ядерной проблемы в одиночку, именно поэтому был образован «шестисторонний диалог», в который вошли страны, так или иначе заинтересованные в решении ядерного вопроса на Корейском полуострове, а именно США, КНДР, Япония, Южная Корея, Россия и Китай [7, с. 142-144]. Несмотря на то что «шестисторонние переговоры» продолжались долгие годы, эффективными их назвать достаточно сложно.

В ходе переговоров было подписано Совместное соглашение, по которому КНДР должна была отказаться от идеи создания ядерного оружия и заморозить ядерные реакторы, а также снова вступить в ДНЯО. США в свою очередь должны были предоставить гарантии безопасности КНДР и не нападать на нее, используя ядерное или иное оружие [3]. Однако, никакая из сторон не предпринимала первых шагов, чтобы воплотить соглашение в реальность. КНДР не собиралась первой избавляться от ядерных реакторов и лабораторий, а США не доверяли КНДР и не хотели первыми предоставлять им гарантии безопасности,

а также финансовую поддержку, поэтому соглашение не привело к серьезным сдвигам в решении северокорейской ядерной проблемы.

В 2005 году Северная Корея объявляет себя ядерной страной, еще не проведя при этом ядерного испытания, которое подтвердило бы существование ядерного оружия у КНДР. Тем не менее, Северная Корея не заставила себя долго ждать и уже в 2006 году провела первое ядерное испытание, мощность которого составила менее одного килотонна. Правительство США и весь мир поняли, что Северная Корея продолжала упорно идти по пути создания ядерного оружия и все попытки заставить КНДР пойти на денуклеаризацию были малоэффективными.

Находясь под санкциями после первых ядерных испытаний, Северная Корея продолжает вести разработки по созданию ядерного оружия и уже в 2009 году проводит второе ядерное испытание, мощность которого была значительно больше, чем при первом ядерном испытании, составив 10-20 килотонн. Если при первом ядерном испытании многие специалисты утверждали, что Северная Корея еще не подошла к созданию ядерного оружия, поскольку мощность взрыва была маленькой, то вторые ядерные испытания были более доказательными. Для сравнения, мощность ядерной бомбы «Малыш», которая была сброшена США на Хиросиму в 1945 году составляла от 13 до 18 килотонн, а мощность бомбы «Толстяк», сброшенной на Нагасаки – 21 килотонна. Именно поэтому, можно сделать вывод, что вторые ядерные испытания в КНДР, по своей мощности были более приближены к правде. Тем не менее, наличие ядерного оружия в Северной Корее все еще остается под вопросом, потому что есть предположения, что Северная Корея просто взрывает тротил вместо проведения реальных ядерных испытаний, но так или иначе, говорить об отсутствии ядерного оружия у КНДР неправильно, поскольку никто не может это доказать, в силу того, что КНДР закрытая страна.

В последующие годы Северная Корея провела еще несколько ядерных испытаний в 2016 и 2017 годах, что сопровождалось введением санкций против Северной Кореи ООН и со стороны отдельных государств [11, с. 8-10].

Несомненно, северокорейская ядерная проблема дестабилизирует международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Как известно, северокорейская ядерная проблема имеет тенденцию из раза в раз обостряться и приводить к напряженности в международных отношениях в АТР. В результате ядерных испытаний КНДР и частых запусков баллистических ракет, которые Северная Корея запускает в Японском море, недалеко от территорий Японии и Южной Кореи, напряженность в регионе в этот период значительно возрастает. Во-первых, Северная Корея и так находится в крайне тяжелых отношениях с Японией, Южной Кореей и США, а после ядерных испытаний и запуска ракет их взаимоотношения портятся еще больше, что мешает странам найти общий язык и выстроить крепкий политический диалог. Во-вторых, напряженность может перерасти в военное столкновение, поскольку после провокационных действий КНДР данные страны начинают активизировать свою военную политику и проводить совместные военные учения вблизи границ Северной Кореи.

Ко всему прочему, северокорейская ядерная проблема может привести к «ядерному домино» в АТР. Наличие у Северной Кореи ядерного оружия и понимание того факта, что от Северной Кореи исходит угроза его применения, страны АТР могут начать создавать свои собственные ядерные программы с целью получения ядерного оружия для защиты от КНДР, что впоследствии и приведет к «ядерному домино». У ряда стран есть возможности его получения, а у Южной Кореи, например, есть и опыт в развитии ядерной программы, поскольку еще в прошлом веке, в тот же период когда и Северная Корея развивала свою ядерную программу, Южная Корея также работала над созданием ядерного оружия, но ей пришлось свернуть ядерную программу под давлением США и выбрать «ядерный зонтик» [5, с. 145-146]. Однако, в начале 21 века, Южная Корея лично подтвердила, что, несмотря на ее вхождение в ДНЯО, она вела разработки ядерной программы, однако после признания о своих тайных разработках ядерного оружия, Южная Корея принесла извинения и прекратила вести разработку ядерного оружия. Тем не менее, в силу того, что Северная Корея совершенствует свое ядерное оружие, Южная Корея не отрицает того факта, что они могут создать это самое ядерное оружие, тем более что более 70% южнокорейцев поддерживают эту идею. Создать свое ядерное оружие может и Япония, которая также подвергается ядерным угрозам со стороны Северной Кореи.

Нельзя не отметить и то, что Северная Корея может подорвать режим нераспространения ядерного оружия. С 2003 года Северная Корея не является участницей ДНЯО, а следовательно, может спокойно передавать данные и материалы о создании ядерного оружия другим странам. Однако, стоит понимать, что в связи со всеми санкциями, наложенными на Северную Корею, для правительства КНДР будет затруднительно передавать уже готовое ядерное оружие или материалы другим странам, поскольку все суда, идущие из Северной Кореи или в Северную Корею, досматриваются, именно поэтому у КНДР нет такой возможности, чтобы передавать ядерное оружие. Тем не менее, Северная Корея может спокойно передавать данные о создании ядерного оружия, что сделать намного проще, а также КНДР может принимать ученых-физиков из других стран и показывать им, как осуществляется работа над созданием ядерного оружия. Именно так Северная Корея поступила с Ираном, который является пороговым ядерным государством и многие ожидают, что Иран очень скоро создаст ядерное оружие. Многие ученые физики из Ирана присутствовали на северокорейских полигонах при испытании ядерного оружия и запуске баллистических ракет.

Таким образом, северокорейская ядерная проблема, которая возникла и получила свое развитие еще в условиях биполярной системы международных отношений, остается актуальной и в современной системе международных отношений. Северокорейская ядерная проблема может обостряться, особенно в те периоды, когда в международных отношениях происходит трансформация или же, когда Северная Корея чувствует угрозу от гегемона в лице США и его партнеров Японии и Южной Кореи. Северокорейскую ядерную угрозу можно рассматривать как одну из проблем в международных отношениях, поскольку

она подрывает спокойствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе и даже может привести к военному столкновению, в котором будут вовлечены сразу несколько стран.

Список источников и литературы

- 1) Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобищев С.К. Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации. – М., ИМЭМО РАН. – 2013.
- 2) Волощяк В.И. (2019). Стратегические предпосылки для реализации КНДР ядерной программы // Известия Восточного института. – 2019. – № 44. – С. 80-87.
- 3) Декларация шестисторонних переговоров 2005г. – URL: https://world.kbs.co.kr/special/northkorea/contents/archives/sixparty/4th_round_2.htm?lang=r
- 4) Договор о нераспространении ядерного оружия. 1 июля 1968 г. – URL: http://elib.biblioatom.ru/text/yadernoe-nerasprostranenie_t2_2002/go,22/
- 5) Дьячков И.В. Ядерная программа Южной Кореи: генезис, развитие, влияние на регион // Вестник Тамбовского университета. – 2014. – № 9. – С. 144-152.
- 6) Ежегодный отчет президенту и Конгрессу за 2002 год. – URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/Secretary-of-Defense-Annual-Reports/>
- 7) Забровская Л.В. Корейский полуостров: новый виток кризиса // Россия и АТР. – 2011. – № 3. – С. 142-150.
- 8) Ланцова И.С. (2014). Политика США по отношению к Северной Корее: конец XX – начало XXI вв. // Международные политические процессы. – 2014. – № 4. – С. 185-197.
- 9) Рамочное соглашение между США и КНДР. 21 октября 1994 г. – URL: http://elib.biblioatom.ru/text/yadernoe-nerasprostranenie_t2_2002/go,404/
- 10) Совместная декларация о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной. 20 января 1992 г. – URL: http://elib.biblioatom.ru/text/yadernoe-nerasprostranenie_t2_2002/go,176/
- 11) Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2020.
- 12) Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. (2008). Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. – М., ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- 13) Юдин Ю. (2014). Технические аспекты ядерной программы КНДР // Ядерный контроль. – 2014. – № 1(79). – С. 129-141.

ФОРУМ В ФОТОГРАФИЯХ

Рисунок 1 – Кашин В.П., Черешнева Л.А., Гепалов А.С., Найденова Е.А. на открытии форума (слева направо)

Рисунок 2 – Пленарное заседание форума

Рисунок 3 – Приветственное слово произносит Заместитель Посла Республики Индия в Российской Федерации Джина Уика

Рисунок 4 – На пленарном заседании

Рисунок 5 – На пленарном заседании

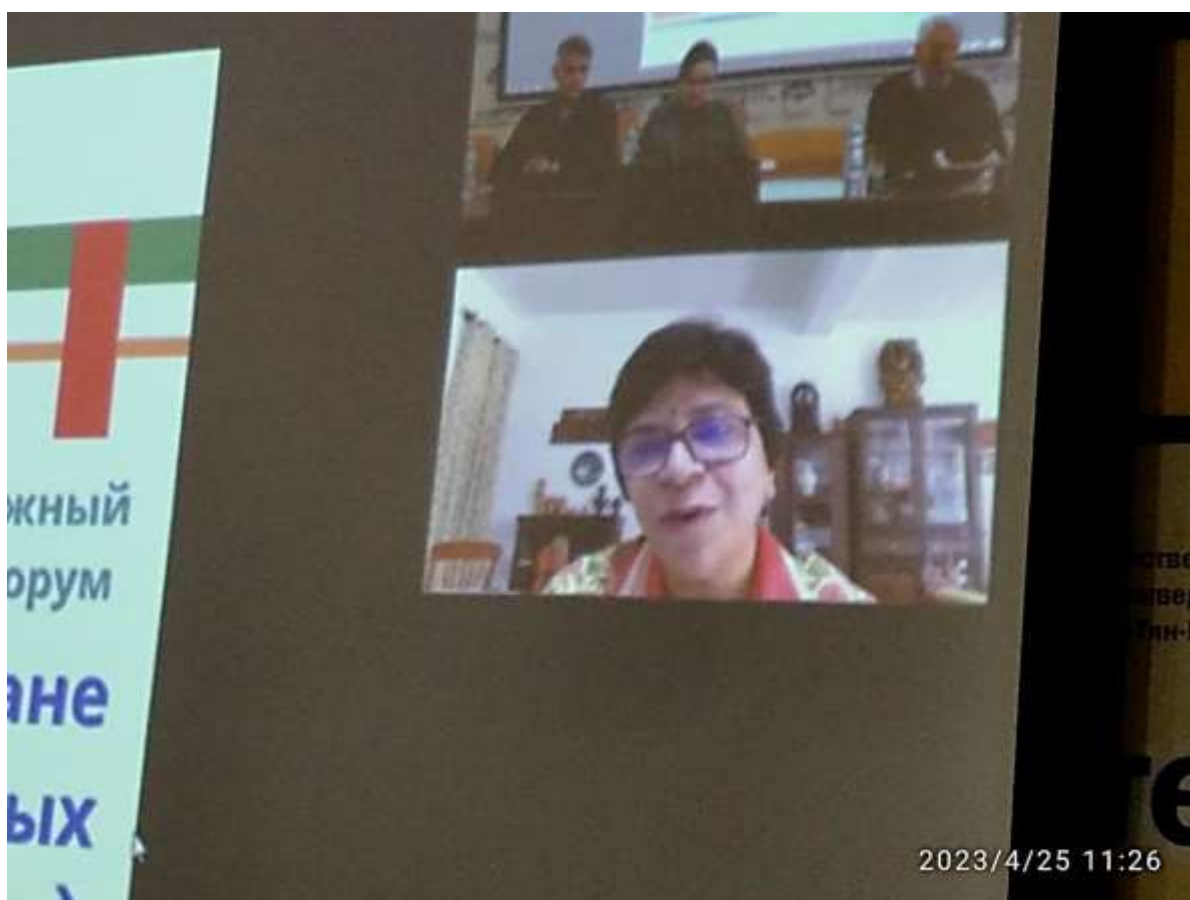

Рисунок 6 – Выступает Арчана Упадхьяй (Нью Дели, Индия)

Рисунок 7 – Студенты читают программу форума

Рисунок 8 – Выставка по теме проекта у зала форума

**Рисунок 9 – Докладывает Кашин В.П.
(Институт востоковедения РАН, Москва)**

Рисунок 10 – Козлова А.А. (ИБ РАН) и Черешнева Л.А.

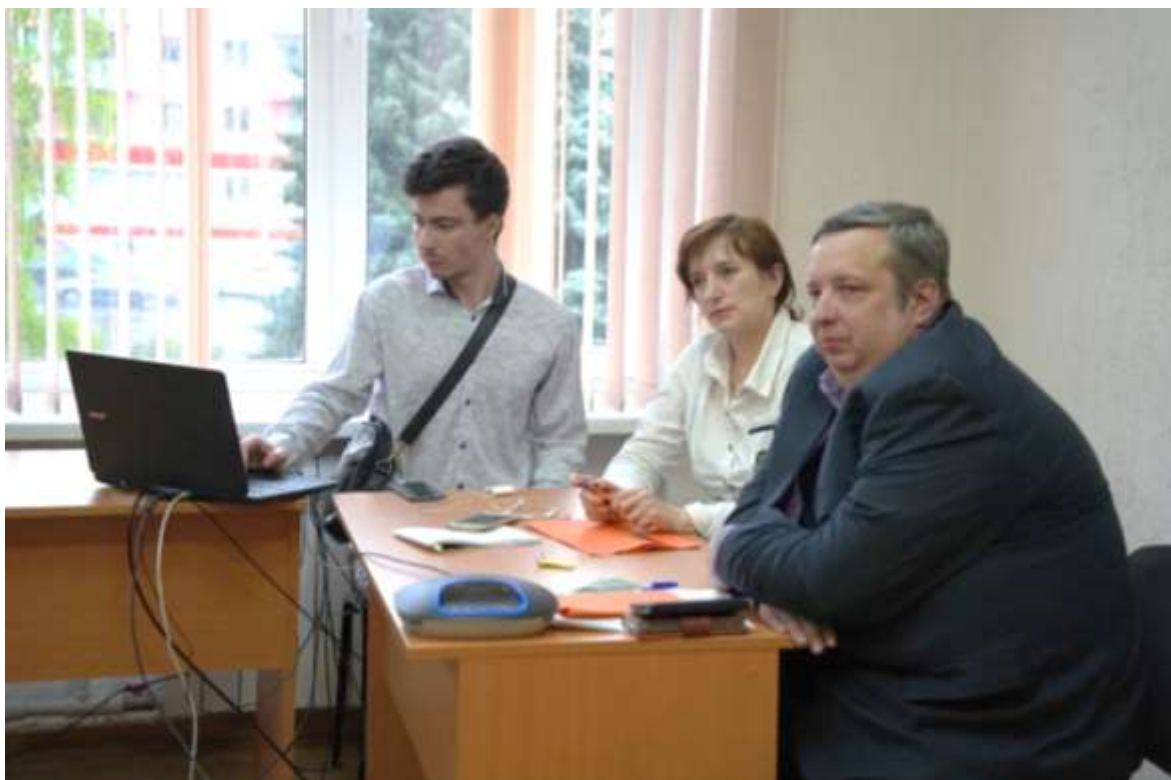

Рисунок 11 – Секционное заседание. Справа налево: Сагимбаев А.В. (БГУ имени академика И.Г. Петровского), Стрекалова Н.В. (ТГУ имени Г.Р. Державина), Батыров П. (ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского)

Рисунок 12 – Заседание секции форума

Рисунок 13 – Форум продолжается

Рисунок 14 – Площадка форума: детско-юношеский учебно-научный (костюмированный, игровой) «Съезд народов Востока». Выступает школьница Гепалова С. Модератор: студент Козулина А.

**Рисунок 15 – «Съезд народов Востока»,
молодой учитель Рыжманова С. со своими воспитанниками**

**Рисунок 16 – Кашин В.П., Черешнева Л.А., Гепалов А.С.,
Найденова Е.А. в президиуме форума**

Рисунок 17– Дети на «Съезде народов Востока»

Рисунок 18 – Выставка по теме проекта в Липецком областном краеведческом музее: ветеран строек в Индии Савастьянов Ю.В., Гепалов А.С., автор и руководитель проекта Черешнева Л.А., Смелова Е.З. (справа налево)

Рисунок 19 – Ветеран строек Савастьянов Ю.В. отвечает на вопросы студентов в ходе выставки

Рисунок 20 – Выставка прошла успешно

Рисунок 21 – Фото липецких и индийских металлургов и строителей

Рисунок 22 – Программа форума на русском и английском языках

СОДЕРЖАНИЕ

Черешнева Л.А. Российско-индийский форум «Липецкий край и липчане в строительстве промышленных гигантов Индии» на площадке ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.....	3
Фурсов С.А. Стажировка и обучение индийских металлургов на Новолипецком металлургическом заводе г. Липецка (СССР).....	6
Кашин В.П. Россия и Индия в прошлом и настоящем.....	9
Upadhyay A. India's Borderlands: Governance and Human Security Issues In Northeast India.....	14
Kumar S.G. India – Russia Trade Relations in Contemporary Times: Emerging Trends, Future Prospects and Current Challenges.....	29
Козлова А.А. Литература как связующее звено в российско-индийских отношениях.....	41
Namgail T. The Bilateral Relationships Between USSR and India, During the Cold War Period.....	49
Сагимбаев А.В. Этноконфессиональный аспект административно-политических реформ 1920-1930-х гг. в Британской Индии.....	58
Belousova L.A. The Economic Policy of the Congress Ministries in British India in 1937-1939.....	66
Гепалов А.С. Абул Калам Азад и этнорелигиозные проблемы в Индии.....	72
Acharya V. Russia's Foreign Policy of Eurasianism.....	79
Дежкин И.Б. Строительство металлургического завода в Карачи как пример оказания Советским Союзом помощи в индустриализации Пакистана.....	91
Алпацкая Д.В. Афганское направление внешней политики администрации Джорджа Буша-младшего.....	99
Назарова А.Д. Северокорейская ядерная проблема и ее влияние на международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе.....	113
Приложение. Форум в фотографиях.....	120

Научное издание

**ЛИПЕЦКИЙ КРАЙ И ЛИПЧАНЕ
В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ
ГИГАНТОВ ИНДИИ (1955-1980-Е ГГ.)**

МАТЕРИАЛЫ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОГО МОЛОДЕЖНОГО
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ФОРУМА,
ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО,
25 АПРЕЛЯ 2023 Г.

Подписано в печать 14.07.2023 г.
Формат 60x84 1/16.
Бумага для копировальной техники.
Гарнитура Times New Roman.
8,38 усл.-печ. л. Тираж 1000 экз.
Заказ №1979.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Отпечатано в отделе редакционно-печатной деятельности
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42